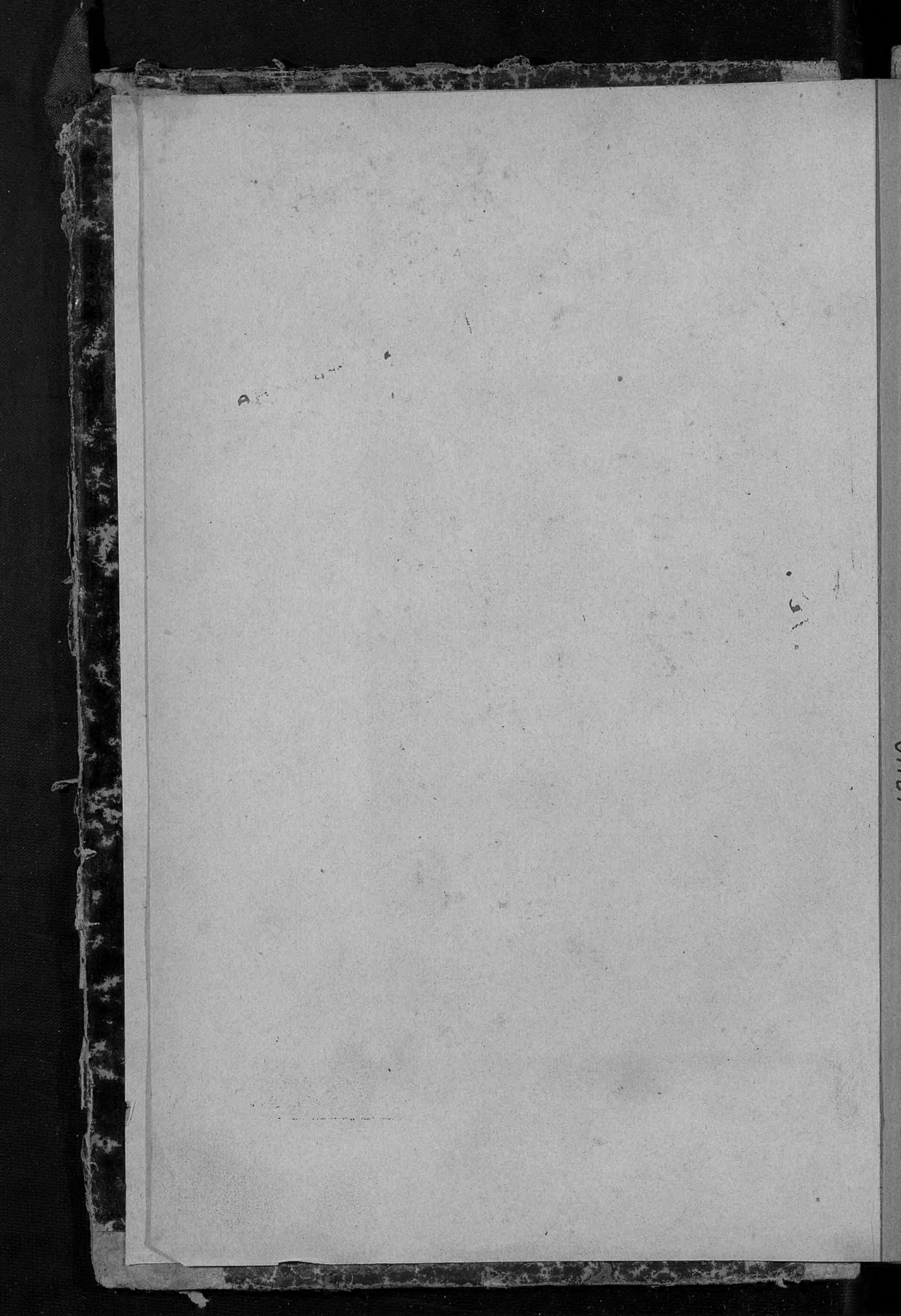

Русская Старина
№ 5
1885

10

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восемнадцатый. МАЙ. 1887 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Лица, подписавшіяся на «Русскую Старину» изданія 1887 г. по 1-е іюня 1887 г., могутъ получить за ДВА руб. (вмѣсто шести руб.) книгу: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова (второе изданіе).

Поступило въ продажу второе изданіе книги: Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г. *Сост. Л. М. Чичаговъ. Ц. 3 руб. 50 коп. безъ пер. Подписчикамъ «Русск. Стар.» предоставляется получить эту книгу за* ДВА *руб.* 50 *коп. съ перес.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.
1887.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1887 г.

Историческое обозрѣніе Сибири. П. А. Словцова. Спб. 1886. 326+364. Ц. 3 р.

Нельзя не порадоваться этому новому изданію книги Словцова, напечатанной на средства И. М. Сибирякова. Тѣмъ самымъ оказана двойная польза—наукѣ, такъ какъ означенный трудъ давно сталъ библіографическою рѣдкостью и въ послѣднее время въ антикварныхъ каталогахъ обозначался по цѣнѣ въ 100 р.!, а отдѣльный томъ въ 25 р.!, а во-вторыхъ—всѣмъ любителямъ историческаго чтенія и вообще желающимъ познакомиться съ исторіею Сибири. Хотя въ послѣднее время появился рядъ матеріаловъ (лѣтописи, акты и пр.), относящихся спеціально къ исторіи этого края, а также монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ эпохамъ его исторіи, но книга Словцова, вышедшая въ 1838—44 гг. и потому далеко не исчерпывающая многочисленныхъ матеріаловъ по означенному предмету, все-таки остается незамѣнимою и во многомъ не потерявшею своего интереса. Первый томъ ея обнимаетъ время 1585—1742, II-й—доведенъ до 1823 г. Въ своемъ трудѣ авторъ обозрѣваетъ территорію и завоеваніе края; взаимныя отношенія поселенцевъ; гражданское и церковное управленіе, законы и учрежденія; торговый бытъ; просвѣщеніе; миссіонерство; расколъ; экспедиціи, бывшія въ Сибири; горное дѣло; естественныя богатства края; бытъ и нравы жителей и т. п. Многія замѣчанія автора имѣютъ значеніе современнаго свидѣтельства; онъ не пренебрегалъ и статистическими данными. Книга издана внимательно, печать—довольно убористая и потому по цѣнѣ не дорога.

Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. X, 1853—78 гг. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1886. 316+82. Ц. 2 р.

Послѣдніе три тома этого прекраснаго изданія посвящены «старымъ записнымъ книжкамъ автора». Въ VIII томъ вошли отдѣльныя части и отрывки, помѣщенные прежде въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Въ IX и X томахъ помѣщены неизданныя записныя книжки кн. Вяземскаго, сохранившіяся въ его Остафьевскомъ архивѣ въ числѣ 37; IX т. обнимаетъ годы 1813—1852, а X—1853—1878 гг. По внѣшней формѣ своей, это не мемуары и не систематическій дневникъ, а отрывочныя, болѣе или менѣе обширныя, но часто и весьма краткія, бѣглыя замѣтки о видѣнномъ, читанномъ и слышанномъ авторомъ. Однако, отъ этого онѣ не теряютъ ни своего историческаго, ни литературнаго интереса. Вращаясь постоянно въ кругу историческихъ и литературныхъ дѣятелей, авторъ замѣтокъ сообщаетъ весьма много интересныхъ данныхъ о замѣчательныхъ лицахъ и событіяхъ, даетъ нерѣдко мѣткія характеристики ихъ, указываетъ иногда на интимныя стороны современныхъ явленій. Прямота и откровенность автора придаютъ большую цѣну этимъ замѣткамъ, а въ своихъ странствованіяхъ и за границею и въ Россіи онъ одинаково интересовался судьбами отечества и вопросами, близкими ему по вкусамъ, занятіямъ и направленію мысли. Къ сожалѣнію, не все даже о временахъ, болѣе отдаленныхъ, могло появиться въ свѣтъ (стр. 288). Въ концѣ X тома помѣщенъ переводъ романа Бенжаменъ-Констана «Адольфъ», посвященный Пушкину, —произведенія, ими обоими любимаго.

Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Проф. В. К. Надлера. Т. I, 378; т. II, 384 стр. Рига, 1886. Ц. 5 р.

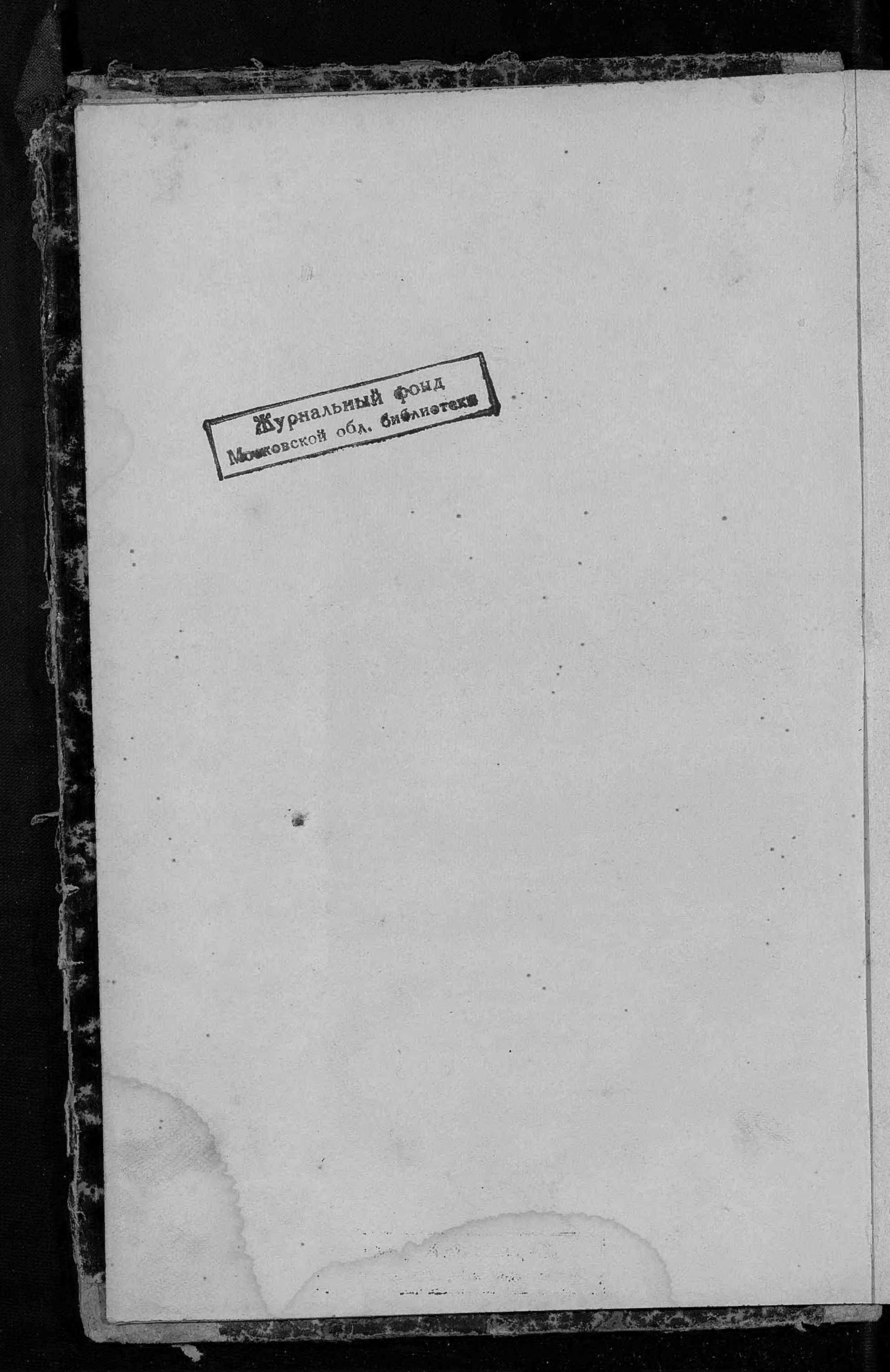
Авторъ воспользовался для своего труда обильною литературою какъ русскою, такъ и иностранною, и въ первыхъ двухъ томахъ, послѣ вступленія, посвященнаго выясненію идеи священнаго союза и характера Александра I, изложеніе сосредоточивается на исторіи отечественной войны. Съ особенною настойчивостію и силою авторъ отмѣчаетъ и указываетъ проявленія народнаго духа и его вліяніе на событія. Наполеонъ двинулся на Россію, говоритъ авторъ, вполнѣ заблуждаясь и на счетъ характера русскаго императора, и на счетъ характера русскаго народа. Онъ шелъ въ глубокомъ убѣжденіи, что на его сторонѣ не одно только чисто военное, но и нравственное превосходство... Всѣ дальнѣйшія военныя и политическія ошибки Наполео-

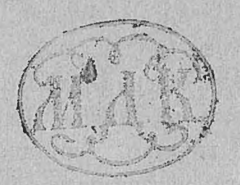
1815.
С. Петербург.

Константинъ Батюшковъ.

Приложенiе къ журналу «Русская Старина».
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 апрѣля 1887 г. Экспедицiя заготовленiя государственныхъ бумагъ.

Екатерина II въ перепискѣ съ докторомъ Циммерманномъ

1784—1791.

I.

Сношенія императрицы Екатерины съ извѣстными учеными и писателями въ западной Европѣ характеризуютъ ту замѣчательную роль, которую она играла въ качествѣ посредницы между Россіею и другими народами. Такъ называемая литература просвѣщенія оказывала сильное вліяніе на Россію, главнымъ образомъ, чрезъ императрицу. При составленіи знаменитаго «Наказа» образцами служили капитальные труды Беккарія и Монтескье; Вольтеръ сдѣлался наставникомъ и другомъ не только самой императрицы, но и нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ, путешествовавшихъ по западной Европѣ; Екатерина сдѣлалась членомъ Берлинской академіи наукъ; ея переписка съ Дидеро и Даламберомъ, съ барономъ Гриммомъ и Фальконетомъ и пр. свидѣтельствуетъ объ оживленной связи, существовавшей между корифеями умственнаго быта на западѣ и высшими слоями русскаго общества.

Съ нѣкоторыми изъ своихъ западно-европейскихъ корреспондентовъ императрица была лично знакома. Дидеро пріѣхалъ въ Россію на нѣкоторое время и пользовался особеннымъ вниманіемъ Екатерины. Гриммъ два раза пробылъ въ Россіи по нѣскольку мѣсяцевъ; старанія императрицы удержать его въ Петербургѣ, давъ ему нѣкоторую должность, оказались тщетными. Фальконетъ, трудившійся надъ статуею Петра Великаго, прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ. Принцъ де-Линь бывалъ неоднократно въ Россіи, и, въ качествѣ остроумнаго собесѣдника Екатерины, занималъ весьма видное мѣсто при русскомъ дворѣ.

За то нѣкоторые другіе знаменитые представители литературы,

искусства, науки, находившіеся на западѣ и состоявшіе въ сношеніяхъ съ императрицею Екатериною, никогда не бывали въ Россіи. Вольтеръ мечталъ было о поѣздкѣ ко двору «Семирамиды Сѣвера», но его путешествіе не состоялось. Когда Екатерина пригласила Даламбера пріѣхать въ Петербургъ для занятія должности наставника и воспитателя великаго князя Павла Петровича, знаменитый философъ отказался отъ принятія этого предложенія. Когда знаменитый американскій писатель и государственный дѣятель Беньяминъ Френклинъ выразилъ желаніе пріѣхать въ Россію, Екатерина, интересовавшаяся и его личностью, и его трудами, все таки совѣтовала ему не предпринимать столь далекаго путешествія, опасаясь, что отъ этого можетъ пострадать здоровье знаменитаго старца и руководствуясь въ то же время другими соображеніями.

Къ лицамъ, пользовавшимся особеннымъ вниманіемъ Екатерины, но никогда лично не познакомившимся съ нею, принадлежалъ докторъ Іоганнъ Георгъ Циммерманнъ. Около семи лѣтъ продолжалась довольно оживленная переписка между Циммерманномъ и Екатериною; неоднократно въ продолженіе этого времени была рѣчь о пріѣздѣ въ Россію этого знаменитаго врача-философа. Однако его путешествіе не состоялось. Циммерманнъ оставался въ Германіи.

Вся переписка доктора Циммерманна съ императрицею Екатериною хранится въ настоящее время въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ, куда она перешла изъ наслѣдства Циммерманна.

Въ 1803 году въ Бременѣ явился трудъ ольденбургскаго лейбъ-медика Г. М. Маркарда: «Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard». Это сочиненіе имѣетъ чисто полемическій характеръ. Оно направлено противъ Вейкарда, издавшаго въ 1802 году мемуары, заключавшіе въ себѣ довольно сильныя выходки противъ доктора Циммерманна. Маркардъ, другъ Циммерманна, полемизируя противъ Вейкарда, сообщаетъ въ этой книгѣ разныя любопытныя данныя о перепискѣ знаменитаго медика съ императрицею, а въ приложеніи къ своему труду напечаталъ важнѣйшія письма, которыми обмѣнялись Екатерина и Циммерманнъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1785—1791). Къ сожалѣнію, тутъ не появилась вся корреспонденція. Маркардъ прямо говоритъ (на стр. 301), что имъ издана лишь нѣкоторая часть переписки («einen Theil der Correspondenz»), а далѣе изъ предисловія къ этому приложенію и изъ самаго изданія писемъ видно, что письма напечатаны не безъ пропусковъ [1]).

---

[1]) Маркардъ, 301—396.

Рускій переводъ изданія Маркарда явился въ 1803 же году въ Петербургѣ подъ заглавіемъ «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманномъ съ 1785 по 1792».

Сколько намъ извѣстно, письма Циммерманна къ императрицѣ затѣмъ нигдѣ не были напечатаны. За то письма Екатерины къ Циммерманну изданы въ русскомъ переводѣ въ III-мъ томѣ «Сочиненій императрицы Екатерины II» (изд. А. Смирдина, С.-Петербургъ, 1850, стр. 435—482). Въ изданіи Императорскаго Историческаго Общества «Бумаги императрицы Екатерины», въ которомъ помѣщены письма государыни къ разнымъ ученымъ и писателямъ, помѣщены весьма лишь немногія письма Екатерины къ Циммерманну, т. е. изъ около двадцати писемъ, помѣщенныхъ въ изданіи Маркарда, не болѣе пяти. За то въ «Сборникѣ Историческаго Общества» (въ XXVII томѣ, стр. 388, 397 и 461] напечатаны три письма Екатерины къ Циммерманну, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныя.

Таковъ матеріалъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи при составленіи слѣдующаго очерка.

II.

Очеркъ жизни Циммерманна.

Іоганнъ Георгъ Циммерманнъ родился въ 1728 году, въ мѣстечкѣ Бруггъ, въ кантонѣ Аарау, въ Швейцаріи. И въ качествѣ врача, и какъ писатель, затрогивавшій философскіе вопросы, онъ пріобрѣлъ извѣстность и внѣ предѣловъ своего отечества, въ особенности же въ Германіи, куда онъ переселился и гдѣ онъ оставался до конца жизни. Порою онъ имѣлъ сношенія съ коронованными лицами, какъ-то съ королемъ англійскимъ Георгомъ III, съ Фридрихомъ Великимъ и пр. Между его сочиненіями заслуживали наибольшаго вниманія: «Vom Nationalstolze» (появилось сначала въ Цюрихѣ первымъ изданіемъ уже въ 1758 году, а затѣмъ вторымъ изданіемъ въ 1789), «Von der Erfahrung in der Arzneiwissenschaft» (въ двухъ томахъ; первое изд. явилось въ 1764 году, второе въ 1787), «Fragmente über Friedrich den Grossen» (въ трехъ томахъ, явилось въ 1790 году); изъ другихъ менѣе важныхъ трудовъ Циммерманна можно назвать еще его біографію знаменитаго врача Галлера, сочиненіе о кровавомъ поносѣ и проч. Самымъ извѣстнымъ трудомъ Циммерманна была книга «Ueber die

Einsamkeit». Это сочиненіе, какъ мы увидимъ ниже, послужило главнымъ средствомъ сближенія между Циммерманномъ и императрицею Екатериною. Первое изданіе явилось уже въ 1755 г.; въ совершенно новомъ и гораздо болѣе обширномъ видѣ оно вышло вторымъ изданіемъ въ 1784 г., въ четырехъ большихъ томахъ, и именно второе изданіе, попавъ въ руки Екатерины, произвело на нее глубокое впечатлѣніе.

Литературная дѣятельность доставила Циммерманну громкую извѣстность. Кромѣ того, онъ и въ качествѣ врача пользовался замѣчательною репутаціею. Къ нему обращались больные изъ разныхъ странъ; онъ состоялъ лейбъ-медикомъ при англійскомъ королѣ, что, впрочемъ, не мѣшало его постоянному пребыванію въ Ганноверѣ. Разумѣется, всему этому соотвѣтствовало блестящее матеріальное положеніе.

Циммерманнъ отличался не только замѣчательною эрудиціею въ наукахъ, но также особенною утонченностью внѣшняго лоска въ обращеніи съ людьми. Въ высшихъ сферахъ тогдашняго общества господствовалъ французскій языкъ. И при нѣмецкихъ дворахъ въ то время говорили почти исключительно по французски. Императрица-королева Марія-Терезія переписывалась со своими сыновьями и съ дочерью Маріею Антуанетою не иначе, какъ по французски. Король Фридрихъ II владѣлъ хуже нѣмецкимъ языкомъ, нежели французскимъ. Екатерина, нѣмка, въ перепискѣ съ Гриммомъ, въ сущности также бывшимъ нѣмецкаго происхожденія, употребляла почти исключительно французскій языкъ, и развѣ только въ видѣ особенной шутки примѣшивала къ своимъ письмамъ кое-какія нѣмецкія фразы.

Циммерманнъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, и это обстоятельство содѣйствовало его сношеніямъ съ разными вельможами и коронованными лицами. Отличаясь необычайною способностью къ остроумной бесѣдѣ, умѣя льстить высокопоставленнымъ лицамъ, онъ легко могъ разыгрывать роль царедворца. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, во время распространенія либеральныхъ доктринъ при дворахъ, воззрѣнія на разныя вещи коронованныхъ лицъ часто сходились съ убѣжденіями писателей-прогрессистовъ. Іосифъ II, Фридрихъ II, Екатерина II проповѣдывали свободу, республиканцы-швейцарцы, какъ, напр., Лагарпъ и Циммерманнъ, могли разыгрывать важную роль въ сношеніяхъ съ коронованными лицами. Екатерина, такимъ образомъ, въ разныхъ отношеніяхъ имѣла много общаго съ Циммерманномъ.

Впрочемъ, Циммерманнъ ни въ своихъ сочиненіяхъ, ни въ своихъ

письмахъ не затрогивалъ вопросовъ государственнаго права. Его гораздо болѣе занимали предметы философіи, задачи изящной литературы, вопросы медицины. Онъ былъ то, что называется «bel-esprit», «Schöngeist». Все это дѣлало его способнымъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ особенно такихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя, какъ, напр., Фридрихъ II и Екатерина, занимались охотно литературою, были нѣкоторымъ образомъ философами. Между Циммерманномъ и этими властелинами, игравшими роль меценатовъ, покровителей ученыхъ и писателей, не могли возникнуть какія либо недоразумѣнія. Угождая великимъ міра, онъ никогда имъ не противорѣчилъ. Онъ дорожилъ своими сношеніями съ монархами, высоко цѣня дарованныя ими почести и награды.

Циммерманнъ часто страдалъ разными болѣзнями и вообще не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Этимъ, какъ кажется, главнымъ образомъ объясняется, особенно въ послѣднее время его жизни, чрезвычайная раздражительность, которая болѣе всего обнаруживается въ его столкновеніяхъ съ другими писателями. Въ его разладѣ съ докторомъ Вейкардомъ нельзя не приписывать бóльшую долю вины Вейкарду, однако, въ образѣ дѣйствій Циммерманна при этомъ случаѣ проглядываетъ нѣкоторое самолюбіе. Особенно рѣзко Циммерманнъ столкнулся также въ послѣдніе годы жизни съ извѣстнымъ писателемъ Книгге, авторомъ знаменитаго сочиненія «Ueber den Umgang mit Menschen».

Циммерманнъ былъ годомъ старше Екатерины. Онъ годомъ раньше ея умеръ, въ 1795 году [1]).

---

[1]) Существуетъ нѣсколько біографій Циммерманна. О немъ писали Тиссо, Дерингъ и Бодеманнъ. Сочиненіе послѣдняго автора появилось въ Ганноверѣ въ 1878 году. Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться ни однимъ изъ этихъ трудовъ. Б.

III.

Встрѣча Циммерманна съ Григ. Григ. Орловымъ.

До первыхъ сношеній, завязавшихся между императрицею Екатериною и Циммерманномъ, достойна вниманія его встрѣча съ княземъ Орловымъ.

Григорій Орловъ, послѣ того, какъ онъ лишился своего значенія при дворѣ Екатерины и былъ замѣненъ другими фаворитами, какъ извѣстно, женился въ 1777 году на своей родственницѣ, молодой Зиновьевой. Въ 1780 году онъ, вмѣстѣ со своею супругою, отправился путешествовать по Европѣ. При этомъ случаѣ онъ, весною этого же года, нарочно пріѣхалъ въ Ганноверъ, для того, чтобы познакомиться съ знаменитымъ врачемъ-писателемъ. Княгиня Орлова, скончавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ позже, уже въ это время была довольно серьезно больна. Быть можетъ, поѣздка Орловыхъ въ Ганноверъ была вызвана желаніемъ посовѣтоваться съ Циммерманномъ, какъ съ замѣчательнымъ медикомъ, о положеніи княгини. Однако, такъ какъ вообще мы почти никакихъ подробностей этого путешествія не знаемъ, мы ничего положительнаго не можемъ сказать и по этому предмету [1]).

Орловы пріѣхали въ Ганноверъ исключительно изъ-за Циммерманна. Князю Циммерманнъ чрезвычайно понравился, и Орловъ на Циммерманна произвелъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Они сблизились, и новая дружба была поводомъ тому, что Циммерманнъ послѣ того, какъ Орловы нѣсколько дней провели въ Ганноверѣ и отправились на воды въ Эмсъ, былъ ихъ спутникомъ и прожилъ съ ними въ Эмсѣ цѣлый мѣсяцъ.

Въ Эмсѣ Орловъ до того полюбилъ Циммерманна, что не желалъ болѣе съ нимъ разставаться. Поэтому онъ сдѣлалъ ему предложеніе, не въ качествѣ доктора, а въ качествѣ друга и собесѣдника, жить у него на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ. Богатство Орлова давало ему возможность предложить Циммерманну весьма щедрое вознагражденіе. Циммерманнъ въ то время состоялъ впрочемъ, какъ кажется, лишь номинально, лейбъ-медикомъ при англійскомъ королѣ Георгѣ III.

---

[1]) Въ интересной біографіи Гр. Орлова, составленной Н. П. Барсуковымъ („Русскій Архивъ“, 1873), объ этомъ путешествіи говорится лишь кратко. Б.

Орловъ обѣщалъ дать вдвое болѣе того жалованья, которое Циммерманнъ получалъ отъ короля, т. е. 2,400 талеровъ. Циммерманнъ долженъ былъ послѣ пріѣзда съ Орловымъ въ Россію занять даровую квартиру или во дворцѣ Орлова въ Петербургѣ, или на его дачѣ въ Гатчинѣ; кромѣ того, онъ долженъ былъ имѣть экипажъ, прислугу, столъ и пр. Орловъ умолялъ его принять это предложеніе, выставляя на видъ, что если Циммерманнъ не захочетъ оставаться при Орловѣ, онъ, по истеченіи одного года, можетъ удалиться изъ Петербурга куда хочетъ, съ правомъ полученія пожизненной пенсіи, въ размѣрѣ 1200 талеровъ. До чего доходило сильное желаніе Орлова удержать при себѣ Циммерманна, видно изъ его предложенія, тотчасъ же пригласить изъ Вецлара стряпчаго для составленія документа о контрактѣ съ Циммерманномъ и обезпечить на всякій случай пожизненную пенсію сего послѣдняго внесеніемъ въ амстердамскій или лондонскій банкъ капитала, проценты котораго соотвѣтствовали бы суммѣ 1,200 талеровъ ежегодно.

Циммерманнъ не принялъ предложенія Орлова. Тогда князь сдѣлалъ ему другое предложеніе. Циммерманнъ не въ качествѣ врача, а для занятія какого то другаго мѣста долженъ былъ поступить на службу у императрицы съ окладомъ 10,000 рублей [1]).

Объ этихъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Циммерманну Орловымъ, мы знаемъ не только изъ письма Циммерманна къ Вейкарду, писаннаго четырьмя годами позже, а именно, въ 1784-мъ году, но также изъ сочиненія Маркарда, разсказывающаго, что Циммерманнъ въ 1780-мъ году изъ Эмса писалъ въ Ганноверъ объ этомъ дѣлѣ, а также впослѣдствіи устно разсказывалъ ему, Маркарду, о подробностяхъ предложенія князя [2]).

Достойно вниманія то обстоятельство, что Орловъ считалъ себя въ правѣ вести переговоры съ Циммерманномъ, не имѣя прямаго порученія отъ императрицы, но дѣйствуя какъ бы въ ея интересѣ, отъ ея имени. Трудно сказать, какую должность при русскомъ дворѣ Орловъ могъ имѣть въ виду для знаменитаго доктора. Едва ли Циммерманнъ годился бы для занятія какого либо мѣста въ высшей администраціи, а между тѣмъ громадное жалованье, которое сулилъ Орловъ Циммерманну, прямо указываетъ на очень важную должность. Легко возможно, что эксцентрическій, увлекающійся князь Орловъ, скоро послѣ этого

---

[1]) Dies war aber nicht eine medicinische Stelle; denn der Fürst glaubte, dass die Kaiserin mich auch in anderen Fächern gebrauchen könnte". Изъ письма Циммерманна къ Вейкарду въ сочиненіи Маркарда, 46. Б.

[2]) Маркардъ, 13—14, 45—46.

путешествія тяжко заболѣвшій и скончавшійся въ 1783-мъ году въ полномъ сумасшествіи, уже тогда ошибался, слишкомъ высоко цѣня свое положеніе при русскомъ дворѣ и обманываясь въ отношеніи къ мѣрѣ довѣрія къ нему императрицы.

Какъ бы то ни было, Циммерманнъ не принялъ и втораго предложенія, сдѣланнаго ему Орловымъ. Рѣшеніе Циммерманна состоялось въ послѣдніе дни пребыванія его вмѣстѣ съ Орловыми въ Эмсѣ, когда уже въ ближайшемъ будущемъ предстояла разлука между докторомъ и княземъ. Въ письмѣ Циммерманна къ Вейкарду отъ 3 августа 1784-го года разсказаны слѣдующія любопытныя подробности:

«Князь, обнимая меня, заливался слезами. Княгиня, особа, склонная къ порывамъ страсти и любившая упрямиться, выходила изъ себя, шумѣла. Князь до этого говорилъ, что за мое путешествіе въ Эмсъ и мое четырехъ-недѣльное пребываніе въ этомъ мѣстѣ подаритъ мнѣ табакерку цѣною въ 5,000 рублей и еще 1,000 червонцевъ наличныхъ денегъ. Однако, я не получилъ ни гроша. Я всегда думалъ, что тутъ меня какъ-то обманули [1]. Князь отправился изъ Эмса сухимъ путемъ въ Кобленцъ. Я же сопровождалъ княгиню туда же водою, и на пути во время поѣздки на Рейнѣ близь Кобленца спасъ жизнь княгини и сопровождавшихъ ее дамъ, госпожи Протасовой и г-жи Каменской, и всѣхъ лицъ тѣмъ, что взялъ на себя управленіе судномъ, находившимся въ крайней опасности вслѣдствіе страшной бури, грозы и ливня».

Какъ скоро Циммерманнъ послѣ этой поѣздки въ Эмсъ встрѣтился съ Маркардомъ, онъ ему разсказалъ и объ этомъ эпизодѣ, случившемся на Рейнѣ. Шкиперъ судна, на которомъ находились путешественники, видя опасность, совершенно растерялся, и Циммерманнъ своею рѣшимостью и хладнокровіемъ съумѣлъ распорядиться движеніемъ корабля, такъ что все кончилось благополучно.

Когда на другой годъ графы Алексѣй и Иванъ Орловы за старшимъ братомъ Григоріемъ пріѣхали въ Пирмонтъ, Алексѣй Орловъ встрѣтилъ находившагося тутъ же доктора Циммерманна словами: «Вы спасли мою невѣстку и ея дамъ отъ кораблекрушенія». Изъ этого обстоятельства, разсказаннаго Маркардомъ, какъ очевидцемъ, можно заключить, что повѣствованіе Циммерманна въ письмѣ къ Вейкарду не было пустымъ хвастовствомъ [2].

---

[1] „Ich bin aber wahrscheinlich betrogen, wie ich immer glaubte". Не значитъ ли это, что не столько князь Орловъ обманулъ Циммерманна, сколько люди, его окружавшіе?

[2] Marcard, 45—49. Б.

Князь Орловъ, продолжая свое путешествіе, имѣлъ несчастіе лишиться страстно любимой имъ супруги. Княгиня скончалась зимою на 1781-й годъ. Отчаяніе князя не знало предѣловъ и тутъ началась душевная болѣзнь, которая двумя годами позже свела его въ могилу.

Лѣтомъ 1781-го года Орловъ былъ въ Пирмонтѣ, куда пріѣхали и докторъ Циммерманнъ и Маркардъ. Послѣдній, какъ свидѣтель, разсказываетъ о томъ, съ какою дружбою, съ какимъ уваженіемъ и сколь ласково князь Орловъ обращался съ Циммерманномъ. Циммерманнъ покинулъ Пирмонтъ раньше другихъ, и Маркардъ слышалъ, съ какимъ жаромъ князь Орловъ послѣ отъѣзда знаменитаго врача хвалилъ его характеръ и его способности.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина послѣ возвращенія князя Орлова и его свиты въ Россію имѣла случай узнать кое-что о Циммерманнѣ. Быть можетъ и фрейлины Протасова и Каменская говорили ей о знаменитомъ докторѣ. Также изъ писемъ и записокъ доктора Вейкарда мы узнаемъ, что Орловъ въ бесѣдѣ съ императрицею съ похвалою отзывался о Циммерманнѣ [1]).

IV.

Начало сношеній Екатерины съ Циммерманномъ.

Между бумагами императрицы, хранящимися въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ найденъ списокъ съ собственноручнаго письма Екатерины къ Циммерманну слѣдующаго содержанія:

„Съ 1766 года я страдала головными болями такъ-же часто, какъ и нестерпимо; иногда онѣ сопровождались тошнотою и рвотою; долго не замѣчали, что эти боли были двоякаго рода: во первыхъ боль сопровождалась спазмами и рвотою, во вторыхъ почти летаргическимъ сномъ. Я никогда не хотѣла прибѣгать ни къ какому лекарству, наконецъ, года три или четыре тому назадъ, я сама придумала, при окончаніи пароксизма и когда чувствовала слабость головы во всемъ тѣлѣ, принять Бестужевскія капли по напечатанному рецепту, и вотъ уже два года, какъ эти капли совершенно избавили меня отъ этихъ ужасныхъ головныхъ болей. Желательно было бы, чтобы онѣ могли произвести такое же спасительное дѣйствіе и на его прусское величество [2])“.

---

[1]) Маркардъ, 15—17. Автобіографія Вейкарда, стр. 360.

[2]) Сб. истор. общ., XXVII, 388. Этого письма нѣтъ въ изданіи Маркарда. Вѣроятно, подлинникъ его находится въ Ганноверской библіотекѣ. Б.

На спискѣ этого письма нѣтъ числа. Такъ какъ въ немъ упомянуто о Фридрихѣ II, оно писано не позже осени 1786 года, однако, есть возможность, что оно писано за нѣсколько лѣтъ до кончины короля. Достойно вниманія то обстоятельство, что почти во всѣхъ другихъ письмахъ Екатерины къ Циммерманну не говорится о болѣзняхъ; императрица писала обыкновенно не къ врачу-Циммерманну, а какъ къ человѣку, умѣвшему пріятно бесѣдовать о разныхъ предметахъ, о современныхъ политическихъ событіяхъ, о произведеніяхъ литературы и пр. Поэтому письмо Екатерины о головныхъ боляхъ представляетъ собою чрезвычайный случай. Далѣе нельзя не удивляться тому, что на этомъ лоскуткѣ бумаги говорится исключительно объ этомъ предметѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ письмахъ затрогиваются обыкновенно самые разнообразные вопросы. Опредѣлить точно время составленія этой записки пока нѣтъ возможности. Рѣшеніе этого вопроса обусловливается подробнымъ знакомствомъ исторіи состоянія здоровья Екатерины и Фридриха и исторіи отношеній Циммерманна къ прусскому королю. Легко возможно, впрочемъ, что подлинникъ письма Екатерины, вѣроятно, находящійся въ Ганноверской библіотекѣ, снабженъ числомъ.

Быть можетъ, эта записка не имѣла точнаго вида письма Екатерины къ Циммерманну и относилась къ тому времени, когда не было еще регулярныхъ сношеній между Екатериною и знаменитымъ врачемъ.

О началѣ этихъ сношеній сохранились кое какія данныя.

Въ февралѣ 1784 года въ Петербургъ пріѣхалъ докторъ Вейкардъ для занятія должности придворнаго врача. Екатерина приняла его благосклонно. При первой встрѣчѣ съ Вейкардомъ императрица, бесѣдуя съ нимъ о нѣмецкой литературѣ, заговорила и о Циммерманнѣ [1]). О частностяхъ этого разговора мы не знаемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина въ первое время пребыванія Вейкарда въ Петербургѣ заговорила съ нимъ о Циммерманнѣ, выразивъ желаніе, чтобы послѣдній пріѣхалъ въ Россію для занятія какой-то должности, и что Вейкарду было поручено вести переговоры по этому дѣлу. Есть основаніе думать, что Циммерманнъ долженъ былъ сдѣлаться лейбъ-медикомъ императрицы.

Вейкардъ писалъ объ этомъ въ маѣ 1784 года два раза. Циммерманнъ отвѣтилъ на это предложеніе не раньше какъ 3-го августа. Въ его письмѣ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

---

[1]) Вейкардъ разсказываетъ въ своей автобіографіи: „Die Kaiserin hatte schon einstens durch Fürst Orloff und die Fräulein Protassoff von Zimmermann gehört, und liess sich desto leichter über diesen ein“. Стр. 246. Б.

«Вы хотѣли осчастливить меня, но ввергли меня въ море сомнѣній.... Вы мои соображенія можете передать императрицѣ. Нѣтъ во всей Европѣ никого, кто бы могъ имѣть болѣе высокое понятіе о величіи и добротѣ вашей монархини, какъ я. И это понятіе возобновляется ежедневно. Въ моей комнатѣ находится большой, писанный въ Петербургѣ, портретъ императрицы. Мои глаза не могутъ оторваться отъ этого портрета; видъ его возвышаетъ мою душу, согрѣваетъ мое сердце.... Я знаю все, что знаютъ во всей Европѣ о добродѣтеляхъ императрицы».

.... «Въ 1780 году проживая четыре недѣли въ Эмсѣ съ графомъ Орловымъ и ежечасно находясь съ нимъ въ самыхъ дружескихъ и почти братскихъ сношеніяхъ, я былъ восхищенъ Россіею, императрицею... О ней мнѣ разсказывалъ съ жаромъ покойный г. Шраутенбахъ, бывшій въ Петербургѣ вмѣстѣ съ ландграфинею Дармштатской. Вы видите, любезный другъ, что я умѣю цѣнить счастье, которое вы мнѣ представляете въ будущемъ, къ тому же я здѣсь недоволенъ; я скучаю въ Ганноверѣ. Однако, мое матеріальное положеніе выгодно. Отъ короля я получаю ежегодно 1700 талеровъ; моя практика, состоящая, главнымъ образомъ, изъ консультацій, даетъ мнѣ 4—5000 талеровъ. Вы скажете: для философа это слишкомъ много. Нѣтъ, мой другъ, этого слишкомъ мало для философа. Я пока не накопилъ столько, сколько нужно для того, чтобы купить себѣ небольшое имѣніе и свободу. Вотъ цѣль моего желанія. Пока она не достигнута, я бѣденъ.—Вы скажете: такъ пріѣзжайте въ Россію, гдѣ можно разбогатѣть; оставайтесь десять лѣтъ въ Петербургѣ, а затѣмъ вы можете удалиться къ вашимъ альпійскимъ горамъ въ Швейцаріи и купить себѣ имѣніе. На это я вамъ отвѣчаю, скрѣпя сердце и не безъ слезъ: нѣтъ. Я не крѣпокъ здоровьемъ; мои нервы слишкомъ слабы; я раздражителенъ; я бы употребилъ чрезмѣрныя старанія заслужить себѣ милость величайшей монархини въ мірѣ и этимъ я бы погубилъ себя. Скажите все это откровенно императрицѣ. Finis....»

Циммерманнъ далѣе говоритъ въ этомъ же письмѣ: «Слава Богу, что императрица здорова. Я этому радуюсь отъ души. Это и видно изъ ея портрета, который я давно поцѣловалъ-бы, если бы только у меня для этого хватило смѣлости. О Боже, любезный Вейкардъ, не говорите мнѣ болѣе, что мы могли бы жить вмѣстѣ счастливо въ Петербургѣ, что мы какъ братья могли бы ходить къ императрицѣ! это мнѣ раздираетъ сердце!» [1]).

---

[1]) Маркардъ, 34—40.

Какъ видно, всѣ эти восторженныя фразы, тирады и восклицанія въ письмѣ къ Вейкарду были писаны для самой императрицы. Не имѣя основанія сомнѣваться въ нежеланіи Циммерманна переселиться въ Петербургъ, мы убѣждены въ томъ, что онъ былъ радъ случаю льстить Екатеринѣ. На этотъ счетъ онъ былъ ни хуже, ни лучше другихъ писателей и ученыхъ, любившихъ всячески угождать властелинамъ. Быть можетъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ восхищенъ способностями Екатерины. Едва-ли, впрочемъ, при этомъ случаѣ имъ руководило корыстолюбіе. По крайней мѣрѣ, оно не находилось на первомъ планѣ. Циммерманну тогда было 56 лѣтъ; онъ часто хворалъ; онъ не нуждался въ деньгахъ; зная хорошо пріемы придворнаго быта, онъ не могъ не понимать, что пріѣздъ въ Петербургъ былъ сопряженъ со многими опасностями. Поэтому онъ и въ 1784 году, какъ четырьмя годами раньше, не принялъ сдѣланнаго ему предложенія

Вскорѣ послѣ этого явилось другое средство сближенія между Циммерманномъ и Екатериною.

V.

Сочиненіе «Ueber die Einsamkeit».

Весною 1784 года появилось второе изданіе сочиненія Циммерманна «Ueber die Einsamkeit». Въ письмѣ къ Вейкарду сказано: «Я къ вамъ отправилъ чрезъ Ригу экземпляръ моего труда и надѣюсь, что онъ уже давно находится въ вашихъ рукахъ; мнѣ бы очень хотѣлось знать о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ моею книгою. Я удивился вашему рѣшенію показать это сочиненіе императрицѣ. Прочтите, ради Бога, сначала всю книгу, чтобы знать точнѣе, можно ли отважиться на это??? Вся книга написана въ халатѣ и въ колпакѣ» [1]).

Сочиненіе Циммерманна, заключая въ себѣ кое-какія философскія разсужденія о жизни, добродѣтели, о выгодахъ отшельнической жизни, далѣе кое-какія историческія данныя о святыхъ и монахахъ, напримѣръ, біографію св. Іеронима, представляло собою въ сущности очень легкое, мѣстами довольно занимательное, чтеніе. Здѣсь и тамъ въ немъ встрѣчались скабрезныя вещи въ духѣ тогдашней беллетристики.

---

[1]) Маркардъ, 41.

Изданіе было чрезвычайно изящное, можно прямо сказать, даже роскошное. Нѣтъ сомнѣнія, что вся книга въ четырехъ большихъ томахъ стоила очень дорого. И содержаніемъ, и внѣшнимъ видомъ этотъ трудъ казался какъ бы созданнымъ для высшихъ классовъ общества, для богачей и высокопоставленныхъ лицъ.

Какими судьбами сочиненіе Циммерманна попало въ руки императрицы, мы не знаемъ. Едва-ли можно думать, чтобы докторъ Вейкардъ имѣлъ случай поднести ей эту книгу.

Лѣтомъ 1784 года умеръ Ланской. Екатерина оплакивала его скоропостижную кончину и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не была въ состояніи заниматься регулярно дѣлами; около двухъ мѣсяцевъ даже она не могла возвратиться къ любимому занятію переписываться съ Гриммомъ. Именно въ этомъ періодѣ унынія, скорби она начала читать книгу Циммерманна, которая при печальномъ положеніи, въ которомъ находилась императрица, оказала чрезвычайно благопріятное дѣйствіе.

Быть можетъ, Екатерина, прочитавъ въ любомъ каталогѣ книгъ заглавіе сочиненія Циммерманна, сама выписала для себя этотъ трудъ. Съ Вейкардомъ она въ это время не встрѣчалась. Послѣ кончины Ланскаго Вейкардъ жилъ въ нѣкоторомъ уединеніи. Во время болѣзни фаворита между нимъ и императрицею возникли кое-какія недоразумѣнія. Онъ мечталъ о возвращеніи въ Германію, не надѣясь на карьеру въ Россіи. Вообще въ это время императрица почти никого у себя не принимала, и поэтому едва-ли чрезъ Вейкарда могла получить книгу «Über die Einsamkeit». Самъ Циммерманнъ, сколько намъ извѣстно, не отправилъ къ ней экземпляра этой книги [1]).

Какъ бы то ни было, Екатерина, занявшись сначала лишь первымъ томомъ Циммерманновой книги, осталась ею очень довольна. Вейкардъ пишетъ: «это сочиненіе именно, при тогдашнемъ настроеніи ея сердца, было какъ бы создано для императрицы». Впослѣдствіи, прочитавъ и слѣдующіе томы, она сказала Вейкарду:

— «Я теперь, окончивъ третій томъ, занимаюсь четвертымъ, и всѣ они мнѣ очень нравятся, потому что мнѣ нравятся душа и голова Циммерманна» [2]).

Вейкардъ въ октябрѣ 1785 года писалъ къ Циммерманну. «Мнѣ бы очень хотѣлось при случаѣ заявить публично, что императрица, одобривъ ваше сочиненіе, оказала этимъ самымъ важную услугу чело-

---

[1]) См. соч. Маркарда, стр. 41, 58—59, 61—62, а также и въ автобіографіи Вейкарда, стр. 282.

[2]) Вейкардъ, 283 и 363.

вѣчеству. Быть можетъ похвальный отзывъ ея послужитъ поводомъ, что книга будетъ имѣть нѣсколько тысячъ читателей, которые безъ этого не читали бы ея и которые такимъ образомъ узнаютъ истину» и проч. [1]).

Впослѣдствіи тотъ же самый Вейкардъ, при составленіи своей автобіографіи, разсказывалъ, будто второй томъ сочиненія Циммерманна понравился Екатеринѣ гораздо менѣе перваго, и что вообще благопріятное впечатлѣніе, произведенное на нее этою книгою, было какъ бы дѣломъ случая [2]).

Екатерина писала къ барону Гримму 20-го іюля 1785 года: «если объ этомъ еще не знаете, такъ вы должны знать, что я въ послѣднюю зиму читала сочиненіе «Von der Einsamkeit», которое меня совершенно вылечило отъ этой болѣзни (т. е. отъ страсти къ уединенію) и которое дало мнѣ высокое понятіе объ авторѣ» и пр. [3]).

Чтобы выразить Циммерманну свою благодарность, Екатерина въ началѣ 1785 года послала ему въ подарокъ драгоцѣнный перстень и медаль съ ея портретомъ; къ этому была приложена собственноручная записка Екатерины: «къ королевскому великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику Циммерманну въ знакъ благодарности за многіе полезные рецепты, которые прописаны человѣчеству въ книгѣ объ уединеніи» [4]).

Мало того: императрица, уже до этого желавшая пріѣзда Циммерманна въ Петербургъ, теперь еще болѣе хотѣла лично познакомиться съ знаменитымъ писателемъ; чрезъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гамбургѣ она пригласила Циммерманна лѣтомъ 1785 г. посѣтить ее на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ.

Разумѣется Циммерманнъ считалъ своею обязанностью въ письмѣ къ императрицѣ выразить ей благодарность и за драгоцѣнные подарки, и за приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ.

Письмо Циммерманна отъ 28-го января 1785 года не издано. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ, какъ и въ другихъ письмахъ Циммерманна къ императрицѣ, обнаруживался необычайный литературный талантъ въ соединеніи съ умѣніемъ доставлять удовольствіе комплиментами. Въ заключеніе письма было сказано, что, если будетъ «человѣческая возможность», онъ пріѣздомъ въ Россію исполнитъ самое искреннее желаніе всей своей жизни [5]).

---

[1]) Маркардъ, 61.

[2]) Вейкардъ, 283.

[3]) Сб. Ист. Общ., XXIII, 243.

[4]) Маркардъ, 62.

[5]) „S'il est humainement possible, je réaliserai l'été prochain, aux pieds de Votre Majesté Impériale, le plus beau rêve de ma vie". Маркардъ, 63. Б.

Тотчасъ же послѣ полученія Циммерманнова письма Екатерина отвѣтила ему. Въ ея письмѣ отъ 22-го февраля 1785 года сказано: «Вы не знаете, въ какой мѣрѣ я вамъ обязана. Сначала я боялась было раскрыть вашу книгу, потому что, судя по заглавію, опасалась, чтобъ она не усилила во мнѣ ипохондріи, къ которой я безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность; однако, эта книга, напротивъ, остановила, уменьшила эту наклонность. Въ этой книгѣ есть сила, величіе и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги, думаю, что она можетъ быть лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ. Всякій хорошій докторъ долженъ бы вписать ее въ реестръ своихъ рецептовъ, и часто была бы она полезнѣе многихъ лекарствъ, къ которымъ я нисколько не расположена, что можетъ вамъ подтвердить вашъ пріятель Вейкардъ; годовой счетъ изъ аптеки собственно на мою особу рѣдко бываетъ больше тридцати копѣекъ. Хотя газеты и пишутъ обо мнѣ, что я умерла, умираю, нахожусь при послѣднемъ концѣ жизни и хвора, однако-жъ, по сіе время ничего этого не бывало. Итакъ, когда я желала, чтобъ вы сюда пріѣхали, то сіе желаніе отнюдь не отъ того происходило, чтобы воспользоваться вашими врачебными совѣтами, но чтобъ познакомиться съ человѣкомъ остроумнымъ, одареннымъ необыкновенными способностями и свѣдѣніями. Вотъ какого я о васъ мнѣнія. Общій нашъ пріятель, покойный князь Орловъ и многіе другіе не мало къ тому способствовали, а болѣе всего ваши сочиненія. Откровенность и чистосердечіе, господствующія въ вашихъ письмахъ, усиливаютъ мое желаніе видѣть васъ поближе» и пр.

VI.

Переговоры о пріѣздѣ Циммерманна въ Россію.

Занятіе императрицею сочиненіемъ Циммерманна «Ueber die Einsamkeit» подало поводъ къ приглашенію его въ Россію. Мы видѣли выше, что два предложенія князя Орлова не были приняты Циммерманномъ. Желаніе императрицы въ 1784 году чрезъ Вейкарда склонить Циммерманна ко вступленію въ русскую службу также не было исполнено. Теперь же, въ началѣ 1785 года, Екатерина выразила надежду на поѣздку знаменитаго писателя въ Петербургъ въ качествѣ гостя.

Однако, Циммерманнъ, условно обѣщавшій Екатеринѣ пріѣхать въ Россію на нѣкоторое время лѣтомъ 1785 года, въ то же время опасался чрезмѣрнаго утомленія при такомъ путешествіи [1]), а далѣе, по всей вѣроятности, онъ ожидалъ, что императрица авось пожелаетъ удержать его въ Петербургѣ; зависимость отъ придворнаго этикета, случайность, господствовавшая при личныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ коронованнымъ лицамъ, суровый климатъ Петербурга и пр.—все это заставило его отказаться отъ этого путешествія, хотя мы и не знаемъ, какимъ образомъ онъ довелъ до свѣдѣнія Екатерины свое рѣшеніе. Въ письмѣ императрицы къ Циммерманну, отъ 22-го февраля 1785 года, сказано: «Какъ я вижу, что вы не можете отважиться на безпокойства столь далекаго путешествія, не подвергнувъ опасности своего здоровья, а поѣздка моремъ могла бы имѣть также свои слѣдствія, то мнѣ совѣстно упрашивать васъ далѣе по этому предмету, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, жизнь многихъ изъ вашихъ больныхъ зависитъ единственно отъ вашихъ о нихъ попеченій; да и здѣсь, хотя я съ своей стороны не стану говорить о медицинѣ, другіе не преминутъ надоѣдать вамъ приглашеніемъ на консультаціи и этимъ лишать васъ того благоденствія, въ которомъ я желала бы васъ видѣть. Итакъ, я, хоть не безъ сожалѣнія, предпочитаю надежнѣйшее для васъ удовольствію васъ видѣть, сколько бы я того не желала. Я ограничусь тѣмъ, что буду писать къ вамъ иногда» и пр. [2]).

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ Циммерманнъ тогда же писалъ къ русскому дипломату Гроссу въ Гамбургѣ; см. соч. Маркарда, стр. 68.

[2]) Маркардъ, 302—303.

Б.

Въ письмѣ императрицы къ Гримму, отъ 20-го іюня 1785 года, сказано: «Я вступила въ переписку съ Циммерманномъ не для того, чтобы пользоваться его совѣтами для моего здоровья или по случаю болѣзней, а чтобы бесѣдовать съ нимъ о разныхъ предметахъ; онъ мнѣ пишетъ письма, преисполненныя умомъ и причудами; эта голова идетъ иногда неизвѣстно куда, но всегда заходитъ далеко, дальше, чѣмъ можно ожидать. Я желала, чтобы онъ пріѣхалъ сюда; онъ самъ хотѣлъ этого, но когда онъ уже было соглашался, я сама отсовѣтовала ему предпринять это путешествіе; онъ страдаетъ болѣзнію, не дозволяющею ему путешествовать; не смотря на это, онъ готовъ былъ ѣхать, но я не пожелала его смерти» [1]).

Въ своемъ отвѣтѣ на письмо императрицы, отъ 22-го февраля, Циммерманнъ (29-го марта 1785 г.) замѣтилъ, что рѣшился бы ѣхать и тогда, когда зналъ бы, что на дорогѣ ждетъ его смерть, но что такъ какъ она даетъ ему полную свободу ѣхать или не ѣхать, ему остается только благодарить императрицу за ея вниманіе къ его здоровью и пр. [2]).

Другъ Циммерманна, Маркардъ, не раздѣляя мнѣнія, что состояніе здоровья знаменитаго врача мѣшаетъ ему отправиться въ Петербургъ, и, напротивъ, думая, что такая поѣздка можетъ быть полезною для здоровья Циммерманна, уговаривалъ его не покидать этого плана. Къ тому же Маркардъ не полагалъ, чтобы предположеніе Вейкарда о желаніи императрицы удержать Циммерманна въ Петербургѣ имѣло основаніе [3]).

Вейкардъ въ то время, когда уже начался его споръ съ Циммерманномъ, замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ желчныхъ писемъ къ послѣднему, что Екатерина не безъ нѣкотораго раздраженія узнала объ опасеніяхъ Циммерманна, и въ запискѣ къ Вейкарду сказала о Циммерманнѣ: «Онъ боленъ и боится; я не желаю, чтобы съ нимъ случилось что либо при путешествіи [4])».

Мы не думаемъ, чтобы Екатерина была раздражена отказомъ Циммерманна. Иначе она не повторила бы своего предложенія весною 1786 года. Уже въ концѣ 1785 года въ запискѣ Екатерины къ Вейкарду сказано: «Зачѣмъ вашъ пріятель все только мечтаетъ о

---

[1]) Сб. Ист. Общ. XXIII, 343.

[2]) Маркардъ, 307.

[3]) Маркардъ, 66—67.

[4]) Маркардъ, 40 и 199. Указывая на письма Циммерманна къ Гроссу, Екатерина, какъ разсказываетъ Вейкардъ, писала Вейкарду: „Lesen Sie diesen Schnickschnack“ и пр.

томъ, какъ бы спрятаться въ Швейцаріи?... Я не смѣю высказаться на этотъ счетъ, но я уже прежде сдѣлала другое предложеніе и отказалась отъ него, видя, что здоровье вашего друга можетъ пострадать». Затѣмъ еще разъ, въ маѣ 1786 года, она писала Вейкарду: «Если бы онъ, Циммерманнъ, пріѣхалъ, онъ бы могъ разсчитывать на хорошій пріемъ. Я теперь въ Царскомъ Селѣ. Если бы г. надворный совѣтникъ Циммерманнъ явился у моихъ дверей, я бы отворила ихъ тотчасъ же и попросила его войти ко мнѣ... Все, что я о немъ слыхала чрезъ князя Орлова, заставляетъ меня думать, что эта первая аудіенція едва ли была бы послѣднею».

Узнавъ объ этомъ чрезъ самого Циммерманна, Маркардъ, въ то время не находившійся въ Ганноверѣ, сталъ уговаривать своего друга тотчасъ же предпринять поѣздку въ Россію. Циммерманнъ отвѣчалъ Маркарду: «Я могъ бы ѣхать въ Петербургъ и даже оттуда вмѣстѣ съ императрицею въ Тавриду, но въ концѣ концовъ я долженъ былъ бы оставаться въ Петербургѣ и умереть тамъ. Въ этомъ и годъ тому назадъ заключалось главное намѣреніе императрицы; этого же она желаетъ и теперь. Совѣтуя мнѣ ѣхать въ Петербургъ, вы не знаете въ чемъ дѣло. Мнѣ бы стоило только сказать одно слово и тотчасъ же Вейкардъ пріѣхалъ бы сюда за мною по порученію и на расходы императрицы; но я не скажу этого слова».

Еще до этого Маркардъ старался устранить препятствіе, заставлявшее Циммерманна отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ. Онъ еще въ мартѣ 1786 года писалъ къ Вейкарду, что ни подъ какимъ видомъ не должно задерживать Циммерманна въ Петербургѣ. «Если бы даже, писалъ Маркардъ, Циммерманну дали 20,000 рублей жалованья, онъ не могъ бы оставаться въ Россіи; при его лѣтахъ и при состояніи его здоровья, это было бы чрезвычайно опасно. За то поѣздка лѣтомъ была бы не чѣмъ инымъ, какъ partie de plaisir» и пр. Поэтому Маркардъ умолялъ Вейкарда убѣдить Екатерину отказаться отъ своего намѣренія удержать Циммерманна въ Россіи.

Вейкардъ показалъ письмо Маркарда императрицѣ, а въ письмѣ къ Маркарду замѣтилъ, что Екатерина предоставитъ рѣшеніе вопроса оставаться ли въ Россіи или нѣтъ усмотрѣнію Циммерманна [1]). Все это не повело къ желанной цѣли. Циммерманнъ не пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ Вейкарду было высказано опасеніе, что онъ лично не произведетъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія на императрицу и что она, послѣ того, какъ она была довольна

---

[1]) Маркардъ, 80—83.

его трудами и письмами, скажетъ въ разочарованіи, увидавъ его: «Mon Dieu, n'est ce que cela?»—Екатерина, узнавъ объ этомъ опасеніи Циммерманна, въ запискѣ къ Вейкарду высказала свое убѣжденіе, что она никогда не сказала бы этого, и пр.

Переговоры о пріѣздѣ Циммерманна въ Россію происходили, такъ сказать, косвенно чрезъ Вейкарда, Гросса, Маркарда. Послѣ того, какъ въ самомъ началѣ корреспонденціи Екатерины съ Циммерманномъ былъ затронутъ этотъ вопросъ и рѣшенъ отрицательно, къ нему въ этой перепискѣ болѣе не возвращались.

VII.

Приглашеніе врачей въ Россію чрезъ Циммерманна.

Уже въ XV столѣтіи бывали случаи пріѣзда въ Россію иностранныхъ врачей; число ихъ умножалось постепенно въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Русскихъ врачей мы до второй половины XVIII вѣка не встрѣчаемъ. Потребность же во врачахъ усиливалась постоянно, такъ что даже въ то время, когда уже начали являться русскіе медики, русскому правительству приходилось выписывать врачей изъ-за границы. Особенно во время царствованія императрицы Екатерины, при развитіи санитарной части въ администраціи вообще и при военныхъ дѣйствіяхъ съ турками и шведами въ особенности, Россія не могла обойтись безъ врачей-иностранцевъ.

И вотъ главнымъ агентомъ русскаго правительства на этотъ счетъ сдѣлался докторъ Циммерманнъ въ Ганноверѣ.

Напрасно Вейкардъ впослѣдствіи, во время непримиримой вражды съ Циммерманномъ, обвинялъ и его, и Екатерину въ томъ, что порученіе, данное Циммерманну, имѣло лишь цѣлью послужить поводомъ къ тому, чтобы дать Циммерманну орденъ св. Владиміра. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія нуждалась въ медикахъ и что именно князь Потемкинъ, управлявшій южною Россіею, желалъ приглашенія иностранныхъ врачей для своего намѣстничества. Въ письмахъ Циммерманна и Екатерины обсужденіе этого дѣла занимаетъ столь видное мѣсто, что нѣтъ возможности вѣрить разсказу Вейкарда объ орденѣ св. Владиміра.

Еще до начала переписки съ императрицею, Циммерманнъ иногда имѣлъ случай своею рекомендаціею помочь людямъ, желавшимъ

сдѣлать карьеру въ Россіи. Такъ, напр., въ августѣ 1784 года онъ, чрезъ Вейкарда, предложилъ русскому правительству купить коллекцію минераловъ, собранную какимъ-то швейцарцемъ Андреэ [1]. Другой разъ онъ ходатайствовалъ передъ императрицею за извѣстнаго натуралиста Форстера, до участія въ кругосвѣтномъ путешествіи Кука, находившагося въ Вильнѣ и желавшаго вступить въ русскую службу [2], и пр.

Нельзя удивляться тому, что многіе люди, узнавшіе о личномъ расположеніи къ Циммерманну императрицы Екатерины, надѣялись чрезъ его ходатайство получить выгодное мѣсто въ Россіи. Особенно молодые врачи пользовались покровительствомъ знаменитаго доктора, у дома котораго часто можно было видѣть экипажи русскихъ курьеровъ, доставлявшихъ ему собственноручныя письма Екатерины.

Первые врачи, рекомендованные Циммерманномъ для вступленія въ русскую службу, были Мейеръ и Фалькенбергъ. Мейеръ долженъ былъ стать во главѣ медицинской части въ Крыму. Неоднократно Екатерина съ Вейкардомъ бесѣдовала объ этомъ дѣлѣ, говоря о желаніи Потемкина, чтобы доктора Мейеръ и Фалькенбергъ скорѣе пріѣхали на мѣсто назначенія, и пр. И съ самимъ Потемкинымъ Екатерина переписывалась по этому предмету [3].

Циммерманнъ былъ очень доволенъ этимъ порученіемъ, какъ видно, между прочимъ, изъ его писемъ къ Маркарду отъ 17 февраля и отъ 10 марта 1786 года [4]. Это занятіе доставляло ему развлеченіе; къ тому же онъ, по своему добродушію, охотно помогалъ всѣмъ и каждому. Заключеніе контрактовъ съ докторами, рекомендованными Циммерманномъ, лежало на обязанности русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гамбургѣ, Гросса, съ которымъ Циммерманнъ находился постоянно въ оживленныхъ сношеніяхъ. Всѣ эти дѣла не обходились безъ разныхъ непріятностей, однако, какъ видно изъ писемъ Екатерины, въ которыхъ говорится объ этомъ предметѣ, она была очень довольна услугами, оказанными ей Циммерманномъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что послѣдній при этомъ случаѣ поступалъ добросовѣстно и осмотрительно, стараясь имѣть въ виду въ одно и то же время и интересы врачей-нѣмцевъ, и пользу Россіи. Число такихъ спеціалистовъ, отправившихся въ Россію и занимавшихъ тамъ мѣста докторовъ въ

---

1) Маркардъ, 49—50.

2) Маркардъ, 360.

3) См., напр., рескриптъ въ „Сборн. Истор. Общ.“, XXVII, 371—372, и записку къ Безбородкѣ въ „Сб. Ист. Общ.“, XLII, 273.

4) Маркардъ, 91.

различныхъ мѣстностяхъ, дошло, наконецъ, до двадцати четырехъ человѣкъ [1]).

Въ письмахъ Циммерманна къ Екатеринѣ очень часто и весьма подробно говорится объ этихъ докторахъ, въ особенности о Мейерѣ, Фалькенбергѣ, Труссонѣ и Штейнѣ. Въ письмѣ отъ 10-го января 1786 года императрица говоритъ о врачахъ: «Мы въ нихъ очень нуждаемся». Циммерманнъ, входя во всѣ подробности дѣла, въ одномъ изъ своихъ писемъ излагаетъ правила, которыми онъ руководствуется при исполненіи порученія императрицы, и обращается къ ней съ просьбою по возможности защитить медиковъ-нѣмцевъ отъ произвола медицинской коллегіи при размѣщеніи ихъ въ разныхъ городахъ. Въ письмѣ Екатерины отъ 12 октября 1786 года сказано: «Отнюдь не сомнѣваюсь въ усердіи, которое вы ко мнѣ изъявляете, ибо имѣю въ томъ доказательства. Вы прислали къ намъ людей хорошихъ и надѣюсь, что они хорошо помѣщены, когда вы говорите, что они довольны. Я вамъ очень обязана за тѣ великіе труды, кои вы принимали на себя по сему случаю». О нѣкоторыхъ изъ этихъ пришельцевъ въ этой перепискѣ говорится очень подробно. Такъ, напр., Циммерманнъ старался оправдывать одного изъ этихъ молодыхъ людей, доктора Штейна, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, вскорѣ послѣ этого опять вернулся къ Германію. Екатерина, между прочимъ, подробно писала о докторѣ Труссонѣ [2]), почему-то остававшемся недовольнымъ своимъ положеніемъ въ Россіи, и пр. [3]).

Понятно, что Циммерманнъ за свои труды получалъ награды. Орденъ св. Владиміра, котораго удостоился знаменитый врачъ, по мнѣнію недоброжелателей его, былъ чрезмѣрною милостью, оказанною ему императрицею. Вейкардъ былъ очень недоволенъ. Въ одной французской газетѣ появилась очень рѣзкая выходка противъ Циммерманна и Екатерины, по поводу этого ордена [4]). Предположеніе Вейкарда, что Циммерманнъ выпросилъ себѣ этотъ орденъ, кажется, лишено всякаго основанія. Другъ Циммерманна, Маркардъ, положительно утвер-

---

[1]) Маркардъ, 91—98. Тамъ же подвергнуты критикѣ замѣчанія Вейкарда объ образѣ дѣйствій Циммерманна.

[2]) См. зап Храповицкаго 16-го января 1789 г.

[3]) Маркардъ, 323, 326, 332, 341, 342 и слѣд. 373, 379. О ходатайствѣ Циммерманна за Коцебу въ 1791 году см. письма Гримма къ Екатеринѣ въ „Сб. Ист. Общ.", XLIV, стр. 424 и 432.

[4]) „Catherine avait decoré Zimmermann — ce charlatan méprisable — du cordon de je ne sais quel Saint brutal Russe" и пр. Маркардъ, 100—101.

ждаетъ, что Циммерманнъ никакъ не ожидалъ этой награды [1]). Въ этомъ же смыслѣ Циммерманнъ писалъ и къ императрицѣ, выражая благодарность за награду [2]).

Въ Запискахъ Храповицкаго 1-го февраля 1788 года сказано: «Позванъ послѣ обѣда, чтобъ для Циммерманна, живущаго въ Ганноверѣ, сшить соболью шапку и послать лучшаго чаю и кофе». Изъ письма Екатерины къ Циммерману отъ этого же числа видно, что Циммерманнъ просилъ императрицу прислать ему эти вещи [3]).

VIII.

Разрывъ Циммерманна съ Вейкардомъ.

Около того времени, когда Вейкардъ, въ началѣ 1786 года, переселился въ Россію, отношенія между нимъ и Циммерманномъ были совершенно благопріятными. Передъ государынею они оба безпрестанно хвалили другъ друга. Нѣтъ сомнѣнія, что Циммерманнъ, дѣйствительно, былъ высокаго мнѣнія о способностяхъ Вейкарда, желалъ ему всякаго добра и успѣха и не ожидалъ отъ него враждебныхъ дѣйствій. Въ письмахъ къ императрицѣ Циммерманнъ называетъ, въ 1785 году, Вейкарда своимъ любезнымъ и добрымъ другомъ, хвалитъ его, какъ врача, выставляетъ на видъ, что всѣ больные, которыхъ пользовалъ Вейкардъ, уважали и любили его, съ восторгомъ говоритъ о немъ какъ о философѣ, и пр. [4]).

Мы не намѣрены изложить подробно исторію ожесточенной борьбы, открывшейся между Циммерманномъ и Вейкардомъ, и довольствуемся указаніемъ на главныя причины разлада.

Циммерманнъ считалъ Вейкарда удобнымъ орудіемъ поддерживать благопріятныя отношенія между нимъ, Циммерманномъ, и императрицею. Письма Циммерманна къ Вейкарду, въ которыхъ обыкновенно въ тонѣ восторга говорилось о Екатеринѣ, были назначены собственно для нея. Вейкардъ не всегда регулярно исполнялъ порученія Цим-

---

[1]) Маркардъ, 106.

[2]) Маркардъ, 336.

[3]) Этого письма нѣтъ въ изданіи Смирдина. Оно напечатано у Маркарда, 361—363, и въ Сборникѣ Истор. Общества, XXVII, 470—473.

[4]) Маркардъ, 307, 321—322. „En Allemagne il serait partout un homme rare; sous le sceptre de Votre Majesté il sera avec honneur tout ce qu' Elle voudra“.

мерманна показывать эти письма императрицѣ. Циммерманнъ былъ сильно раздраженъ этимъ образомъ дѣйствій Вейкарда, который къ тому же надоѣдалъ Циммерманну своими вѣчными жалобами на неловкость своего положенія, на недостаточное матеріальное вознагражденіе, которое, будто, врачи въ Россіи получали. Наконецъ, Вейкардъ не охотно содѣйствовалъ предпріятію Циммерманна доставлять мѣста въ Россіи молодымъ нѣмецкимъ докторамъ.

Такимъ образомъ, сношенія между Циммерманномъ и Вейкардомъ становились все болѣе и болѣе враждебными. Они писали другъ другу рѣзкія письма, и даже Вейкардъ старался какъ то повредить своему бывшему пріятелю въ Германіи [1]).

Циммерманну, между прочимъ, чрезвычайно не нравились безпрестанныя выходки Вейкарда противъ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ Циммерманна къ Вейкарду сказано было, между прочимъ: «Вы злѣйшій врагъ Россіи; васъ бы слѣдовало сослать въ Сибирь» и т. под. Вейкардъ считалъ Циммерманна способнымъ погубить его доносомъ. Все это происходило уже лѣтомъ 1786 года. Однако, не раньше какъ въ октябрѣ, въ одномъ изъ писемъ Циммерманна къ императрицѣ сказано, какъ-бы въ видѣ порыва страшнаго гнѣва: «У меня есть врагъ, злѣе всѣхъ, которыхъ я имѣлъ когда либо: это Вейкардъ» [2]).

Въ отвѣтномъ письмѣ Екатерина, слегка коснувшись этого дѣла, спросила: «Что значитъ Вейкардова вражда! я бы хотѣла считать это шуткою; я не видала его больше двухъ мѣсяцевъ; въ чемъ могъ бы онъ на васъ пожаловаться?» [3]). Затѣмъ Циммерманнъ, въ письмѣ отъ 28 ноября 1786 года, писалъ между прочимъ: «Вейкардъ былъ моимъ другомъ; для меня это воспоминаніе неизгладимо. Онъ заставилъ меня говорить ему откровенно всю правду, для его же пользы. Тогда онъ старался всячески обезчестить меня и въ Петербургѣ, и въ Германіи, лишить меня благосклоннаго вниманія вашего величества. Я считалъ себя обязаннымъ сообщить вамъ объ этомъ, чтобы Вейкардъ, считавшійся вашимъ величествомъ моимъ другомъ, не употребилъ во зло этого обстоятельства» [4]).

Екатерина, съ свойственнымъ ей тактомъ, нисколько не вмѣшивалась въ этотъ споръ между обоими врачами. Развѣ только въ одномъ изъ ея писемъ къ Циммерманну сказано: «Обоимъ намъ должно

---

[1]) Все сочиненіе Маркарда и значительная часть автобіографіи Вейкарда посвящены этому дѣлу.

[2]) Маркардъ, 340.

[3]) Маркардъ, 341.

[4]) Маркардъ, 347—348.

побѣдить своихъ непріятелей, и я надѣюсь, что мы съ ними управимся». Можно считать вѣроятнымъ, что тутъ былъ намекъ на разладъ Циммерманна съ Вейкардомъ. Послѣднему она, однажды, писала, опять таки намекая на его споръ съ бывшимъ пріятелемъ: «Мнѣ кажется, что господамъ ученымъ слѣдовало бы оставить лишнюю брань и споры; при этомъ бываетъ мало чести» [1]).

Вейкардъ питалъ свою ненависть къ Циммерманну еще послѣ кончины послѣдняго. Екатерина не имѣла повода возвращаться къ этому эпизоду.

А. Г. Брикнеръ.

---

[1]) Вейкардъ, 337.

ЕКАТЕРИНА II ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

Письма и повелѣнія графу В. П. Мусину-Пушкину

1788—1789 гг.

57 [1]).

„Въ С. П. бургѣ. Августа 28 [2]) 1789 года".

Графъ Валентинъ Платоновичь. Отъ Вице-Адмирала Принца Нассау-Зигенъ извѣщены Мы, что бывшій при немъ французскій морской офицеръ кавалеръ Деваражъ [3]), во время преслѣдованія бѣжавшаго изъ границъ Нашихъ Короля Шведскаго съ войскомъ его, убитъ Башкирцами и хотя присланный отъ помянутаго Вице-Адмирала Камеръ-Юнкеръ и гвардіи Капитанъ Бибиковъ объявляетъ, что тотъ кавалеръ имѣя на себѣ синій суртукъ отъ Башкирцевъ былъ припятъ за Шведа, тѣмъ болѣе что они крестъ съ него снятый принесли какъ знакъ, что удалося имъ убить непріятельскаго офицера; Мы однакожъ находимъ нужнымъ, чтобъ вы приказали надлежащимъ образомъ о семъ произ-

---

¹) См. „Русск. Стар." изд. 1887 г., т. LIII, мартъ, стр. 551—574; т. LIV, стр. 47—70.

²) Въ рескриптѣ отъ 26 августа, гр. Мусину-Пушкину „предписано поспѣшать простертіемъ дѣйствій его до Гельзингфорса". Арх. Гос. Сов. I, 1, 736.

³) О послѣдствіяхъ морскаго пораженія шведовъ при Свенскзундѣ, 13 авг. 1789 г., Екатерина II выразилась: „le roi de Suède s'est enfuit comme un chien qu'on chasse de la cuisine, les oreilles pendantes et la queue entre les jambes", чѣмъ вѣрно передала сущность донесенія гр. Мусина-Пушкина (Собр. реляцій, II, 64—71), во всякомъ случаѣ несравненно вѣрнѣе, чѣмъ это изображено г. Брикнеромъ (стр. 206—209), по которому шведы не бѣжали, а лишь „поспѣшно удалялись" и „быстро отступали", причомъ онъ болѣе чѣмъ смѣло утверждаетъ: „весьма чувствительною потерею для русскихъ была смерть кавалера де-Ваража". Кто же этотъ кавалеръ де-Варажъ? Французскій морской офицеръ, служащій при русской арміи иностранецъ—по опре-

шествіи изслѣдовать, и разсмотрѣть не корысть ли и своевольство Башкирцовъ были тому причиною; и естьли сіе послѣднее окажется, въ такомъ случаѣ съ виновными поступить по всей строгости законовъ. Между тѣмъ изъ предъосторожности противу подобныхъ происшествій, надобно совѣтовать служащимъ при арміи Нашей иностранцамъ, во время войны, носить мундиры и суртуки службы Нашей.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

58.

Въ С. П. бургѣ. Августа 29. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Для свѣденія вашего приложена у сего копія реляціи Адмирала Чичагова о появившемся непріятельскомъ флотѣ, и о поспѣшеніи помянутаго Адмирала итти въ море для поиска на сей флотъ. Онъ имѣетъ достаточныя отъ Насъ наставленія на всѣ подобные случаи, такъ какъ и на препятствіе буде бы симъ оказательствомъ флота Шведы хотѣли покрывать транспорты войскъ для усиленія себя въ Финляндіи чинимыя. Впрочемъ предводители флота нашего имѣя двадцать три линейныхъ кораблей и въ числѣ ихъ шесть сто-пушечныхъ и шесть фрегатовъ, кромѣ эскадръ Вице-Адмирала Круза [1]) и капитана Тревенена [2]), готовыхъ въ надобности на его подкрѣпленіе, можетъ съ помощью Божіею стать противу мореходному Шведскому ополченію.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина»

дѣленію императрицы; находившійся въ должности дежурнаго при вице-адмиралѣ принцѣ Нассау-Зигенѣ — по официальнымъ донесеніямъ! Это даже не „дежурный галернаго флота", какъ его титулуетъ г. Брикнеръ. Въ донесеніяхъ де-Варажъ упомянутъ всего два раза, считая въ томъ числѣ и извѣстіе о его смерти (Собр. реляцій, II, 60 и 69). Почему же „для русскихъ потеря его должна быть „чувствительною", да еще и „весьма?" Вся эта чувствительность выразилась въ слѣдующей записи Храповицкаго: „Веража убили наши башкирцы; самъ виноватъ: скакалъ, вылупя глаза, на чухонской лошади, въ синемъ сертукѣ и не зналъ ни слова по русски" (стр. 305). Ссылаться на Castera, II, 358 (Paris, 1797), какъ дѣлаетъ г. Брикнеръ, значитъ ослаблять свои доводы, а не подкрѣплять ихъ. В. Б.

[1]) Александръ Ивановичъ Крузъ, 1727—1798.

[2]) Тревененъ, англійскаго флота поручикъ, принятый въ русскую службу съ чиномъ капитана 1-го ранга, много сжегъ непріятельскихъ кораблей и оказалъ большія услуги въ шведскую войну, во время которой получилъ орденъ св. Георгія и рану. В. Б.

59 [1]).

Въ С. П. бургѣ. Сентября 1-го [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ реляціи вашей отъ 28 августа предъявляя затруднѣнія въ перенесеніи оружія нашего за Кимень, неизьяснили вы: полагаетели оставить войски наши вамъ ввѣренныя подъ именемъ оборонительной войны въ полномъ недѣйствіи до окончанія нынѣшней компаніи, или же по крайней мѣрѣ возможнымъ считаете хотя не утверждая крѣпкой ноги въ землѣ непріятельской, произвести какіе-либо поиски на корпусы или хотя важнѣйшіе посты Шведскіе; почему и убѣждаемся мы сообщить вамъ наши мысли и усмотрѣнія.

Видѣвъ изъ многихъ донесеній вашихъ, что къ произведенію важныхъ противъ непріятеля дѣйствій, отъ арміи вами предводимой, ожидали вы только таковыхъ на лѣвомъ флангѣ вашемъ отъ галернаго флота нашего, полагали мы, что вы между тѣмъ по крайней мѣрѣ употребите стараніе ваше тревожить непріятеля частыми и значущими поисками, которыхъ удачи оправдалися при переходѣ за Кимень Генераловъ-Маіоровъ Денисова и Фонъ-Сухтелна. Въ семъ удостовѣреніи неупустили мы вамъ примѣтить, что какъ вездѣ, гдѣ наши атаковали, успѣхъ былъ въ нашу сторону, то и нужно тѣмъ пользоваться; къ сожалѣнію нашему однако-жъ, кромѣ двухъ помянутыхъ случаевъ, нздѣлано было болѣе на то попытокъ, и непріятель спокойнымъ образомъ могъ брать свои мѣры на усиліе его. По связи дѣйствій и по зависимости отъ васъ галернаго флота, сообщили мы вамъ планъ атаки отъ него на непріятеля производимой, въ удостовѣреніи, что вы по искусству вашему неоставите здѣлать нужныя распоряженія, дабы въ то самое время когда сія атака возметъ свое

---

[1]) Къ протоколу Совѣта отъ 30 августа 1789 г. приложена слѣдующая записка, писанная рукою графа Безбородко: „Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ гг. члены Совѣта завтра, то есть въ пятницу, 31 августа, собрались въ Совѣтъ для выслушанія разныхъ нужныхъ бумагъ". Когда въ Совѣтѣ, 31 августа, была выслушана реляція гр. Мусина-Пушкина, то гофмейстеръ гр. Безбородко объявилъ Высочайшую волю, чтобъ Совѣтъ „изъяснилъ мысли свои о удобнѣйшихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ при окончаніи нынѣшней кампаніи". Арх. Гос. Сов. I, 1, 737. Плодомъ этого „изъясненія" является этотъ рескриптъ.

[2]) Въ засѣданіи 10 сентября, „Совѣту предъявлена копія съ даннаго гр. Мусину-Пушкину высочайшаго повелѣнія отъ 7-го сего мѣсяца, въ коемъ изъяснена ему надобность перейти за Кюмень и произвесть еще поиски надъ непріятелемъ". Арх. Гос. Сов. I, 1, 740. В. Б.

исполненіе, разнымъ корпусамъ непріятельскимъ могла быть учинена диверсія не только отъемлющая способы обратить часть силъ его на подкрѣпленіе армейскаго его флота, но и возможный вредъ въ тѣхъ мѣстахъ ему наносящая. Мы также были въ доброй надеждѣ, что для открытія вашихъ дѣйствій вы ожидали таковыхъ отъ галернаго флота, и зная въ подробности, что и какъ сей послѣдній здѣлать былъ долженъ, за временно учредите свой планъ коимъ образомъ при одержаніи поверхности пользоваться временемъ, котораго потеря невозвратна, и какъ прикосновеннымъ къ галерному флоту частямъ, войти съ нимъ въ связь и распространеніе общихъ и дальнихъ поисковъ. Видѣли мы однако-жъ съ прискорбіемъ, что когда Вице-Адміралъ Принцъ Нассау, въ слѣдъ за одержаніемъ знаменитой побѣды надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ, хотѣлъ приступить къ высадкѣ войскъ позади корпуса въ Гекфорсѣ и Кименегордѣ державшагося, и требовалъ отъ сухопутныхъ войскъ нашихъ содѣйствія, начальствующіе ими не были предварительно наставлены. Время прошло въ ожиданіи отъ васъ приказаній, потомъ въ разныхъ распоряженіяхъ, и наконецъ непріятель успѣлъ отвратить гибель ему предстоявшую своимъ отступленіемъ. Не можемъ мы отнюдь почитать важнымъ пріобрѣтеніемъ оставленіе со стороны Шведской поста въ Гекфорсѣ. Прошеднашаго года былъ онъ ими оставленъ. Войски наши въ немъ при началѣ нынѣшней компаніи находилися; но непріятель весьма удобно и безъ большой отъ нашихъ обороны, предъуспѣлъ овладѣть онымъ. Должно опасаться, что при недѣйствіи нашемъ и при наступленіи времени къ занятію кантониръ или и зимнихъ квартиръ, можетъ онъ ипаки туда войти и укрѣпиться, а можетъ быть и далѣе простерть свои покушенія. Такимъ образомъ слѣдующая компанія имѣетъ быть начинаема паки съ тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ и нынѣшняя, естьли еще непріятель и далѣе не предъуспѣетъ. Мы оставляемъ вамъ рѣшить, сходствуетъ-ли съ пользою и славою Нашею и Имперіи Нашей, чтобъ труды, иждивенія, и потеря людей ни чемъ неоцѣненная, вотще обратилися.

О подкрѣпленіи котораго непріятель ожидалъ, Мы вамъ дали знать въ указѣ нашемъ отъ 3-го августа [1]), присовокупя тутъ точно что «въ сихъ обстоятельствахъ вы сами судить можете, колико нужно есть употребить всѣ тѣ способы, коими подобное непріятельскихъ силъ умноженіе упреждено, и вредныя отъ него слѣдствія отвращены были бы; а потому на ваше усердіе къ службѣ, искусство и храбрость Мы имѣемъ добрую надежду, что вы не упустите воспользо-

[1]) Указа этого въ бумагахъ не оказалось, но смыслъ его изложенъ тутъ-же. В. Б.

ваться всякимъ случаемъ, къ одержанію надъ непріятелемъ поверхности, къ нанесенію ему ощутительныхъ ударовъ, и чтобъ ожидаемыя имъ свѣжія войска не весьма дѣятельное принесли ему подкрѣпленіе». Мы и тутъ считали, что вы упредите нанесть врагу нашему толь чувствительный уронъ, что и самое подкрѣпленіе, ими ожидаемое, непринесло бы ему большой пользы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, естьли вы усматриваете непреодолимыя затрудненія къ перенесенію полнымъ образомъ оружія нашего въ шведскую Финляндію, по крайней мѣрѣ не можете-ли приказать произвести поискъ на непріятеля отъ лѣваго фланга вашего, обще съ галернымъ флотомъ къ сторонѣ Луизы? Мы имѣемъ извѣстіе отъ Вице-Адмирала Принца Нассау, что онъ часть войска съ галеръ признанныхъ имъ за неспособные къ плаванію, ссадилъ на берегъ, чѣмъ сухопутная часть и болѣе подкрѣпляется. Сверхъ того, продолжая плаваніе свое, покуда возможно, неупуститъ онъ естьли только удобность дозволитъ здѣлать высадку на берегъ: но надобно, чтобъ начальствующіе на лѣвомъ флангѣ вашемъ сообразжалися его дѣйствіямъ, и на случай оныхъ у него яко младшіе у старшаго, подъ командою состояли. При рѣшимости на подобный поискъ, должны вы будете принять мѣры къ удержанію непріятеля противу Коувалы и Мемели держащагося отъ обращенія всѣхъ, или покрайней мѣрѣ знатныхъ силъ его на свой правый флангъ, учиня ему отъ васъ диверсію съ наблюденіемъ надлежащей осторожности. Подтверждаемъ тутъ что всего нужнѣе, естьли поискъ сей назначенъ будетъ, дѣйствовать скорѣе и нетерять времени въ перепискахъ и другихъ медлѣніяхъ. Ожидая въ подробности, что и какимъ образомъ вы учредите, пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

60.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 7-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Ожидавъ по сей день донесенія вашего на указъ нашъ отъ 1-го сентября, получили мы оное, и видимъ, что еще нѣсколько дней надобно потерять въ перепискѣ, когда уже для дѣла не много времени остается. Вы тутъ изъясняете что ожиданія вами пособій отъ лѣваго крыла почти всякій разъ тѣмъ или другимъ подвергалися затрудненіямъ, и что и нынѣ положенія ваши должны остаться безъуспѣшны. На сіе не можемъ оставить безъ примѣчанія, что отъ собственнаго вашего предусмотрѣнія зависѣло воспользоваться успѣхами галернаго флота нашего, на дѣйствія самыя

полезныя и рѣшительныя, ибо вы знали планъ отъ насъ тому флоту начертанный, а по мѣрамъ тутъ принятымъ и по силѣ онаго могли заключать объ удобности исполненія, слѣдовательно ежели-бы, имѣя за правило что нигдѣ, въ военномъ же ремеслѣ всего болѣе, не должно тратить времени, наставили вы командующихъ на лѣвомъ вашемъ флангѣ въ запасъ заранѣе, чтобъ они первымъ счастливымъ моментомъ пользовалися на непріятеля на носу у нихъ стоявшаго, а въ ту-же самую минуту и сами вы въ недѣятельности не осталися, то успѣхи далеко были бы уже простерты, въ пользу и честь государства: но время протекло въ перепискѣ и распоряженіяхъ, а непріятель успѣлъ ретироваться, заимствовалъ нѣкоторое подкрѣпленіе, и наконецъ опомнился отъ страха ему нанесеннаго. Мы находимъ, что и теперь отъ галернаго флота нашего учинено вамъ немалое и сугубое пособіе, ибо съ одной стороны, три баталіона гвардіи и три пѣхотные полки съ него ссаженные доставляютъ знатное умноженіе войскамъ вами предводимымъ; съ другой же въ ескадрѣ бригадира Слизова немалое число судовъ обращено на охраненіе береговъ нашихъ, когда извѣстнымъ образомъ непріятель лишившися большей части своего армейскаго флота, лишенъ способовъ тому противуборствовать. Далѣе представляете что по наступившему сырому и холодному времени, истребленію подножныхъ кормовъ и трудностямъ въ доставленіи провянта и фуража, не обнадеживаете себя по переходѣ за Кимень, пріобрѣсти знатныя надъ непріятелемъ поверхности, особливо же буде онъ нерѣшася при самомъ переходѣ дать сраженіе, начнетъ отступать, и задерживать продолженіе пути вашего полевыми защитами и что въ такомъ случаѣ не останется вамъ иннаго какъ учинивъ нѣкоторые поиски возвратиться съ арміею въ свои границы. Положимъ, что непріятель станетъ уклоняться отъ сраженія съ вами; сіе однако-жъ по собственнымъ словамъ вашимъ, не помѣшаетъ здѣлать надъ нимъ нѣкоторые поиски; и такъ, естьли вамъ удастся нанести врагу нашему пораженіе, очистить противный берегъ Кименя, отогнавъ оттуда шведовъ колико можно далѣе, и воспользоваться открытою чрезъ отступленіе ихъ землею, чтобъ отнять у нихъ удобность на остальное время года дѣлать покушенія на границы наши; возвращеніе ваше изъ-за Кимени на здѣшній берегъ не будетъ вредно, и конечно полезнѣе недѣятельности въ которой мы никакихъ выгодъ не усматриваемъ. Основався на семъ еще одинъ разъ подтверждаемъ, что вамъ надобно приложить всемѣрное стараніе, посредствомъ движенія войскъ вами предводимыхъ отъ лѣваго фланга и отъ главной части вашей произвесть надъ непріятелемъ поиски внутри земли его, отогнать его отъ противнаго берега рѣки Кимени,

и простерть дѣйствія ваши за оною по возможности, хотя уже и не съ тѣмъ, чтобъ тамъ взять твердую ногу, но по крайней мѣрѣ чтобъ очистить землю на нѣкоторое разстояніе и отнять у непріятеля удобности и средства войти въ наши предѣлы, а потомъ и возвратиться въ оные.

Естьли вы и тутъ, паче чаянія нашего встрѣчаете преграды въ исполненіи, то по крайней мѣрѣ объясните намъ во всей подробности, что именно инако далѣе вы дѣлать намѣрены; какія пользы находите въ подобномъ недѣйствіи арміи нашей, и какія преграды можете вы надежнымъ образомъ полагать на случай непріятельскихъ покушеній на Гекфорсъ и инныя мѣста, наипаче-же когда настанетъ время отшествія войскъ нашихъ въ кантонирь, или зимнія квартиры. Намъ таковыя свѣденія необходимо нужны дабы мы могли взять мѣры сходственныя къ обезпеченію границъ нашихъ и чести оружія нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

61.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 18-го 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Послѣ реляціи вашей отъ 10-го сентября неимѣвъ никакихъ отъ васъ новѣйшихъ извѣстій, признали мы за нужное симъ предписать чтобъ, буде вы по сіе время за Кимень не перешли и въ дѣло съ непріятелемъ не вступили, въ такомъ случаѣ оставили уже всякое предпріятіе, и войска наши приказали на первое время расположить въ кантонирь-квартиры не утѣснительнымъ образомъ, а насъ увѣдомили гдѣ оныя расположены, какія взяты будутъ осторожности противу впаденія непріятельскаго въ границы наши, въ которыхъ мѣстахъ назначаются и какимъ войскамъ зимнія квартиры и гдѣ отъ которой части и въ какомъ числѣ учредятся посты для охраненія предѣловъ нашихъ. Естьли же сіе застанетъ, что вы перешли Кимень, то не вдаваяся далеко въ непріятельскую землю, по произведеніи только первыхъ и удобнѣйшихъ поисковъ, долженствуете возвратиться въ наши границы, и относительно введенія войскъ въ кантонирь-квартиры и другихъ распоряженій поступить по вышеписанному. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

62.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 20-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Для свѣденія вашего приложена у сего копія рескрипта [1]) отъ насъ даннаго Вице-Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ о пріуготовленіи галернаго флота на будущую компанію. Вы не оставте предписать кому надлежитъ о пособіи ему въ исполненіи на него возложеннаго. При расположеніи войскъ въ зимнія квартиры, нужно чтобъ вы старалися помѣститъ войска на флотъ назначенныя по близости и удобности гдѣ его исправленіе и вооруженіе производимы будутъ; что же касается до Елецкаго пѣхотнаго полку, нынѣ въ отдаленности находящагося, оный вы можете въ теченіи зимы замѣня другимъ сближить къ мѣстамъ для флота назначеннымъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

63.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 25-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Всевышній благословилъ повсюду оружіе наше противу врага имени христіанскаго знаменитыми успѣхами. Мы сегодня получили отъ Генерала Фелдмаршала Князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго изъ главной его квартиры у Каушанъ извѣстіе,что 7-го Сентября Бригадиромъ и войска донскаго походнымъ атаманомъ Орловымъ [2]), разбитъ на рѣкѣ Салчѣ турецкій пятитысячный корпусъ, при которомъ самъ Сераскеръ Гассанъ паша бывшій капитанъ пашею находился; 8-го Сераскеръ паша при сближеніи войскъ нашихъ оставя свой лагерь и пушки бѣжалъ къ Измаилу. 11-го Генералъ Суворовъ и Римско-Императорскій Генералъ Принцъ Саксенъ Кобургскій [3]) съ корпусами ихъ у Фокшанъ, разбили на голову турецкія силы верховнымъ везиремъ предводимыя, взявъ 80 пушекъ, 50 знаменъ, весь лагерь и обозъ, причемъ непріятель потерялъ убитыми до шести тысячь человѣкъ. 12-го Сераскеръ Гассанъ паша загнанъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ и заперся. 13-го въ Коушанахъ трехъ-бун-

---

[1]) Указаннаго приложенія не оказалось.

[2]) Сборникъ русс. ист. об., XLII, 36.

[3]) Отзывъ о немъ Екатерины II: „Что Кобургъ послѣ побѣды храбрится, тому не дивлюсь, имъ удача не въ привычку". Сборникъ русс. ист. об., XLII, 33.
В. Б.

чужный Заиналы - Гассанъ паша Беглербей Анадольскій и бывшій въ прошломъ году Сераскеромъ у Рябой магилы, взятъ козаками подъ командою полковника Платова [1]), съ подкрѣпленіемъ конныхъ егерей: сей отрядъ былъ подъ предводительствомъ Генерала-Поручика Принца Ангальтъ-Бернбургскаго [2]), при чемъ взято 3 пушки, 2 знамя и 160 плѣнныхъ, убито же болѣе семисотъ человѣтъ. 14-го Замокъ Аджибейскій взятъ Генераломъ-Маіоромъ Рибасомъ [3]), въ виду всего флота непріятельскаго. Принося благодареніе Богу помощнику Нашему, поспѣшаемъ вамъ о томъ сообщить для обнародованія въ арміи вамъ ввѣренной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

64.

Въ С. П. бургѣ. Октября 5-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Премiеръ-Маіору Муханову [4]), въ награжденіе отличной его храбрости доказанной взятьемъ непріятельской батареи пожалованный отъ Насъ крестъ четвертаго класса военнаго ордена при грамотѣ съ симъ посылаемый, прикажите ему доставить, и при томъ всѣмъ въ дѣлѣ семъ участвовавшимъ Наше благоволеніе объявите. Подтвердите Бригадиру Римскому-Корсакову и прочимъ знатнѣйшими частями войскъ Нашихъ начальствующимъ, что мы

---

[1]) Матвѣй Ивановичъ Платовъ (позже графъ), 1751—1818, полковникъ отъ арміи и старшина донскаго войска. Любопытное письмо о немъ кн. Потемкина императрицѣ Екатеринѣ II помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1876, XVI, 459. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ бригадиромъ и войсковымъ атаманомъ екатеринославскихъ казаковъ обѣихъ сторонъ Днѣпра (Сборникъ русс. ист. об., XLII, 64). Новѣйшія о немъ свѣдѣнія см. въ „Русской Старинѣ“ 1885, XLVIII, .

[2]) Принцъ Викторъ Амедей Ангальтъ Бернбургскій, генералъ-поручикъ русской службы, былъ вскорѣ вызванъ въ Финляндію для участія въ третьей кампаніи противъ шведовъ и въ первомъ же дѣлѣ 19 апрѣля 1790 г. „повергся на землю отъ жестокой полученной имъ раны“ и чрезъ нѣсколько дней скончался. Собр. реляцій, II, 78—86.

[3]) Осипъ Ивановичъ Рибасъ, генералъ-маіоръ, позже адмиралъ, награжденъ за взятіе Хаджибея орденомъ св. Георгія 2-й ст. Имъ начата постройка Одессы на мѣстѣ Хаджибея.

[4]) Мухановъ сдѣлалъ всѣ три кампаніи шведской войны и въ реляціяхъ заключается значительная часть его послужнаго списка, такъ какъ онъ является въ нихъ капитаномъ, секундъ-маіоромъ и премьеръ-маіоромъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка (Собр. реляцій, II, 24, 32, 77). В. Б.

отъ усердія и мужества ихъ ожидаемъ, что и по расположеніи войскъ въ кантониръ или и зимнія квартиры, недопустятъ они непріятеля вторгнувшися въ границы Наши остаться въ нихъ; но при случаѣ покушенія его отразятъ его со вредомъ для него чувствительнымъ.

Для свѣденія вашего приложена у сего копія указа Нашего къ Адмиралу Чичагову посланнаго, объ окончаніи настоящей кампаніи на морѣ по причинѣ поздаго и суроваго времени. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

65.

Въ С: П: бургѣ Октября 5 дня 1789 года.

[Копія]. Василій Яковлевичь. Въ разсужденіи настоящаго поздаго и суроваго времени трудно предполагать, чтобъ флотъ Шведскій могъ вытти въ море, а еще меньше ожидать можно, чтобъ онъ покусился направить плаваніе свое въ Финской заливъ; почему и находимъ нужнымъ повелѣть вамъ первое, корабли и прочія суда требующія большихъ починокъ и въ морѣ держаться уже не могущіе, отправить въ Кронштатъ; второе, съ остальными кораблями, фрегатами и прочими судами держаться вамъ сколько можно при Ревелѣ, дозволяя вамъ при томъ войти на рейду тамошнюю когда вы заблагоразсудите; третіе, между тѣмъ назнача тѣ корабли и другія суда, кои въ Ревельскомъ портѣ должны остаться на зиму сколько ихъ безопасно и безъ утѣсненія по разсмотренію вашему помѣстится можетъ, вскорѣ за перво отсылаемыми въ Кронштатъ отправить и прочія, дабы они надежно и безъ бѣдственно туда дойти успѣли; четвертое, а какъ для продовольствія войскъ Нашихъ въ Финляндіи, отправлено будетъ изъ Риги нѣкоторое количество судовъ съ хлѣбомъ; то дабы оныя безопасно дошли къ сторонѣ Выборга, и недосталися въ руки непріятелю, по примѣру недавно попавшагося ему галіота съ тысячью семью стами кулями муки, приказано означеннымъ судамъ дошедъ противу Ревеля отнестися къ вамъ, дабы вы могли при настоящей отсылкѣ кораблей, фрегатовъ и катеровъ взять мѣры къ обезпеченію плаванія ихъ; пятое, посты Перкалаутскій и Борзундскій снять по лучшему вашему усмотренію одинъ за другимъ, распорядя, чтобъ изъ сихъ постовъ суда, коимъ надлежитъ итти къ Кронштату, туда прямо и посланы были. О всѣхъ распоряженіяхъ, кои вами учинены будутъ въ слѣдствіе таковой воли Нашей, Мы будемъ ожидать отъ васъ извѣстія, пребывая вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: «Екатерина».

66.

Въ С. П. бургѣ. Октября 10. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ слѣдствіе указа Нашего отъ 18-го Сентября [1]) по введеніи войскъ въ кантониръ квартиры, Мы ожидаемъ отъ васъ росписанія и о зимнихъ квартирахъ съ показаніемъ подробнымъ и картою, гдѣ и какія имянно полки и команды располагаются, кто при нихъ изъ Генераловъ находится будутъ, въ которыхъ мѣстахъ, и какія посты для охраненія границъ отъ непріятельскаго впаденія назначаются, гдѣ полагаются зборные мѣста, да и въ общѣ какія мѣры для надежнаго между войсками сообщенія и касательно осторожности пріемлются. Между тѣмъ по волѣ Нашей отъ военной коллегіи получитъ приказаніе Инспекторъ войскъ Нашихъ, Генералъ-Порутчикъ Волковъ [2]) осмотрѣть всѣ полки и баталіоны узаконеннымъ порядкомъ, освидѣтельствовать въ нихъ исправность людей и вещей, для донесенія о томъ благовременно, дабы все требующее пополненія или поправленія могло тотчасъ здѣлано быть: а какъ при таковомъ осмотрѣ нужно быть особливо-же полковымъ, баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ каждому на своемъ мѣстѣ, да и послѣ для приведенія войскъ въ состояніе къ службѣ на слѣдующую компанію, а наипачѣ въ необходимомъ пріученіи рекрутъ, не отлучаться; то Мы сіе препоручаемъ наблюденію вашему, съ тѣмъ чтобъ вы подтвердили всякому что неисправности и упущенія, кои могли бы оказаться по всей строгости законовъ неминуемо взысканы будутъ. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

67.

Въ С. П. бургѣ. 14 Октября 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ прилагаемой при семъ Газетѣ Гамбургской подъ № 161-мъ во второмъ артикулѣ изъ Гамбурга напечатана переписка [3]) между Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Шульцомъ и Шведскимъ Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Стедингомъ, въ

---

[1]) См. выше № 61.

[2]) Аполлонъ Андреевичъ Волковъ. О донесеніи его отъ 17 мая 1790 г., изъ Ревеля, упомянуто въ Арх. Гос. Сов. I, 1, 788.

[3]) Означеннаго приложенія не оказалось. Уже второй разъ императрица вынуждена обращать вниманіе на обнародованіе въ нѣмецкихъ газетахъ извѣстій, касающихся шведской войны: въ первый разъ, ревельскій губернаторъ А. И. Врангель помѣщалъ въ „Reichs-Post-Reiter, за 1788 г., рескрипты и указы Екатерины II. Сборникъ рус. ист. общ., XXVII, 528. В. Б.

которой внесено ругательство на Санкпетербургскія вѣдомости, которыя издаются по дозволенію Нашему, и въ коихъ относительно военныхъ и политическихъ дѣлъ наблюдается дабы ни что съ правдою не сходное и неприличное печатаемо небыло. Мы желаемъ знать самъ ли собою или съ позволенія вашего означенный Баронъ Шульцъ вступилъ съ Стедингомъ въ сію переписку, и присылалъ ли онъ вамъ копіи съ оной, о чемъ и дайте намъ знать; есть ли же вы о томъ не были извѣстны, то истребуйте отъ него объясненіе [1]), равно какъ и о причинахъ для чего онъ таковую переписку оставилъ безъ надлежащаго вамъ донесенія. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

68.

Въ С.П.бургѣ. Октября 14 [2]). 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Вчера съ присланнымъ отъ Россійско-Императорскаго посла князя Голицына [3]) изъ Вѣны курьеромъ получено извѣстіе, что по овладѣніи арміею Его величества Императора Римскаго предводимою генераломъ фелдмаршаломъ барономъ Лаудономъ [4]) въ 21-ый день Сентября двумя главными предмѣстіями города и крѣпости Бѣлграда, сей городъ утѣсняемый дѣйствіемъ артиллеріи осаждающей 27-го Сентября здался на капитуляцію; и въ слѣдствіе того войсками Римско-Императорскими Королевскими занятъ.

Въ слѣдъ затѣмъ сего утра получила Я отъ генерала фелдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго увѣдомленіе, что городъ и крѣпость Бѣлгородъ на устьѣ рѣки Днѣстра 30-го Сентября здался намъ на капитуляцію, при чемъ получено въ добычу пушекъ пятьдесятъ одна, знаменъ тридцать два и множество всякихъ запасовъ. Сіи знаменитыя произшествія соизволяемъ чтобъ въ арміи вами предводимой были празднованы, принося благодареніе Всевышнему благословящему оружіе Наше и Союзника Нашего противу врага всего христіянства. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Объясненіе генерала-маіора барона Шульца и постановленіе Совѣта („переписку сію вновь напечатать въ тѣхъ же вѣдомостяхъ“) см. въ Арх. Гос. Сов., I, 1, 748.

[2]) 19-го октября 1789 г. посланъ „указъ къ Пушкину о выходѣ шведскаго флота“. Храповицкій, 313.

[3]) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ съ 1762 по 1792 г.

[4]) Баронъ Гедеонъ Эрнестъ Лаудонъ, австрійскій фельдмаршалъ, умеръ въ 1790 году. В. Б.

69.

Въ С. П. бургѣ. Октября 23 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прилагая при семъ имянной списокъ находящимся въ Фридрихсгамской Госпиталѣ нижнимъ воинскимъ чинамъ, кои за полученными въ сраженіи съ непріятелемъ ранами болѣе службы продолжать не въ состояніи, и которыхъ потому, на основаніи рескрипта Нашего отъ 22 Августа сего года Вице-Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ даннаго, и къ вамъ въ копіи при указѣ того же числа сообщеннаго [1]), слѣдуетъ пристроить къ мѣстамъ приличнымъ для ихъ пропитанія, соизволяемъ, чтобъ вы чрезъ кого заблагоразсудите отобрали у каждаго изъ нихъ желаніе естьли у нихъ семейства, и къ нимъ ли желаютъ они переселиться, гдѣ и будутъ получать опредѣляемое отъ щедротъ нашихъ содержаніе; объ остальныхъ же, кои не имѣютъ родственниковъ и не похотятъ возвратиться на прежнія жилища, не умедлимъ дать Наше повелѣніе о надлежащемъ ихъ пристроеніи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

70.

Въ С. П. бургѣ. Ноября 15 [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Вчера въ 10 часу пополудни получила Я отъ генерала фелдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина Таврическаго извѣстіе, что по начатіи дѣйствій отъ арміи имъ предводимой противу города и крѣпости Бендеръ, командующій тамъ Сераскеръ и два еще трехъ-Бунчужные паши 3-го ноября пополуночи въ первомъ часу прислали къ Генералу фельдмаршалу отдаяся въ его волю; въ слѣдствіе чего 4 Ноября Наши войска введены въ помянутые городъ и крѣпость снабдѣнныя изобильно орудіями, снарядами и магазейнами. Сіе знаменитое произшествіе соизволяемъ, чтобъ въ арміи вамъ ввѣренной было празднуемо принесеніемъ благодаренія Всевышнему благословящему толь великимъ успѣхомъ оружіе Наше противу врага имени Христіанскаго. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Ни указа, ни копіи рескрипта нѣтъ.

[2]) Отъ 20-го ноября 1789 г. графу В. П. Мусину-Пушкину посланъ былъ указъ объ отправкѣ въ Екатеринославскую губернію „добровольно выходящихъ изъ Швеціи русскихъ бѣглецовъ“. П. С. З., № 16,817. В. Б.

71.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 12 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ прибывшимъ вчера изъ Вѣны курьеромъ получила я извѣстіе, что Министръ мой Булгаковъ [1]) освобожденъ изъ заключенія, въ которомъ онъ со дня объявленія неправедной противъ меня войны содержанъ былъ, и что бывъ отпущенъ отъ Порты, пріѣхалъ въ Тріестъ 22 Ноября стараго стиля. Увѣдомляя васъ о семъ произшествіи, желаю чтобъ вы оное пристойнымъ образомъ довели до свѣденія въ войскѣ Шведскомъ и въ Шведской Финляндіи. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная

«Екатерина».

72.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 29 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прибывшую съ шведской стороны женьщину [2]), по имяни Фалькъ, можете приказать съ надлежащею осторожностью отпустить обратно за границу. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

73.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 29. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. По представленію вашему въ разсужденіи болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, позволяемъ вамъ пріѣхать сюда [3]), пребывая впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

Сообщ. 30 дек. 1870 г. кн. Ив. Гагаринъ.

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, 1743—1803, русскій посланникъ въ Константинополѣ, проведшій болѣе двухъ лѣтъ въ Семибашенномъ замкѣ, гдѣ онъ перевелъ съ французскаго „Всемірнаго Путешественника".

[2]) Въ реляціи гр. Мусина-Пушкина отъ 4-го октября 1789 г. говорится „о присыланномъ подъ бѣлымъ флагомъ суднѣ шведскомъ... для возвращенія шести человѣкъ вольныхъ россійскихъ мореходцевъ и одной женщины (не Фалькъ-ли?), взятыхъ на отправленномъ изъ Риги съ мукою галіотѣ". Арх. Гос. Сов., I, 1, 745.

[3]) 5-го января 1790 г., графъ Мусинъ-Пушкинъ представлялся уже императрицѣ, при чемъ Храповицкій записалъ въ своемъ „Дневникѣ": „худой пріемъ". 17-го же января въ совѣтѣ читаны указы, данные военной коллегіи „объ отзывѣ сюда генерала графа Мусина-Пушкина и объ опредѣленіи на его мѣсто главнокомандующимъ финляндскою арміею генерала графа Салтыкова". Арх. Гос. Сов. I, 1-ая, 759. В. Б.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЗАПИСКИ О РОССІИ

генерала Манштейна,

изданныя въ 1879 г. подъ именемъ графа Петра Панина,

1725—1744 гг.

[Переводъ В. В. Тимощукъ съ нѣмецкой рукописи].

Кто занимался болѣе спеціально изученіемъ русской исторіи за время съ 1725-го по 1744-й годъ, тотъ знакомъ, вѣроятно, съ сочиненіемъ, появившимся въ печати подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на записки Манштейна», и безъ сомнѣнія задавался вопросомъ о томъ, кто же въ дѣйствительности былъ авторомъ этого, мѣстами весьма интереснаго, сочиненія.

По этому поводу дѣлались различныя догадки и этотъ вопросъ долгое время оставался спорнымъ, пока онъ не былъ, наконецъ, какъ-бы рѣшенъ окончательно, хотя и не вполнѣ правдоподобно, при помощи новой гипотезы, которую до сихъ поръ никто еще не оспаривалъ. Но наука, въ интересахъ истины, требуетъ такихъ доказательствъ, которыя въ состояніи были бы выдержать, не колеблясь, болѣе строгую критику; поэтому мы и позволимъ себѣ подвергнуть подобной оцѣнкѣ всѣ высказанныя, по этому поводу, мнѣнія и попытаемся подтвердить результатъ нашего изслѣдованія болѣе вѣскими доказательствами, нежели это дѣлалось до нынѣ. При этомъ мы, конечно, будемъ вынуждены вдаться въ такія частности и подробности, которыя представляютъ интересъ лишь для спеціалиста, но которыя совершенно неизбѣжны при рѣшеніи этого вопроса.

I.

Какъ извѣстно, «Замѣчанія» были изданы на русскомъ языкѣ два раза. Впервые въ «Отечественныхъ Запискахъ», изд. Свиньина, гдѣ они появились, къ сожалѣнію, небольшими отрывками въ слѣдующихъ томахъ: 1825 г. т. XXI, XXII, XXIII; 1826 г., т. XXV; 1828 г., т. XXXV и XXXVI; 1829 года, т. XXXVIII и XXXIX. Приведенная въ этихъ главахъ нумерація страницъ, указывающая на соотвѣтствующія событія у Манштейна, относится къ русскому изданію записокъ Манштейна — Глинки (1810 г.), но при этомъ нѣтъ тѣхъ указаній на соотвѣтствующія страницы, которыя помѣчены самимъ авторомъ въ рукописи; въ этомъ изданіи встрѣчаются также нѣкоторые пропуски противъ оригинала, вызванные, вѣроятно, требованіями цензуры. «Замѣчанія» появились безъ подписи автора, который былъ неизвѣстенъ издателю, и подъ заглавіемъ «Замѣчанія на записки г. Манштейна о Россіи».

Второе изданіе «Замѣчаній», въ которомъ оригиналъ впервые воспроизведенъ вполнѣ точно безъ пропусковъ, появилось въ XXVI томѣ «Русской Старины», изд. 1879 г. (стр. 359—410 и 567—616), съ приложеніемъ статьи П. Н. Петрова (стр. 616 — 626), въ которой онъ доказываетъ, на первый взглядъ довольно правдоподобно, что авторомъ этихъ «Замѣчаній» былъ не кто иной, какъ гр. Петръ Ивановичъ Панинъ. Подъ вліяніемъ изслѣдованія г. Петрова, это сочиненіе было издано, нѣсколько поспѣшно, подъ именемъ гр. Панина и подъ заглавіемъ: «Русскій дворъ въ 1725—1744 годахъ, замѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на записки Манштейна о Россіи». Событія, описанныя Манштейномъ, цитируются въ этомъ изданіи согласно новому изданію Записокъ Манштейна, появившемуся въ 1875 г. въ приложеніи къ «Русской Старинѣ».

Къ сожалѣнію, въ этомъ, вообще весьма тщательномъ, изданіи [1]) не указано на связь, существующую между «Замѣчаніями» и «Записками» Миниха-сына , и ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ особымъ шрифтомъ не указаны тѣ мѣста, въ которыхъ оба эти сочиненія сходствуютъ буквально, вслѣдствіе чего всякому, подробнѣе занимающемуся изученіемъ этихъ источниковъ, приходится вновь трудиться надъ сличеніемъ обоихъ текстовъ.

Обратимся теперь къ вопросу: кто былъ авторомъ «Замѣчаній» и какимъ образомъ возможно его доискаться?

---

[1]) Между прочими, впрочемъ незначительными, ошибками въ текстѣ слѣдовало бы исправить опечатку въ „Русск. Стар.“ т. XXVI, стр. 581: „О пожалованіи (Миниха) герцогомъ курляндскимъ“, вмѣсто чего должно быть: „герцогомъ украинскимъ“. А. Ю.

Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя пройти молчаніемъ тѣ предположенія и догадки, которыя дѣлались по этому поводу до сихъ поръ.

Тогда какъ первый издатель «Замѣчаній» ничего не могъ сказать объ авторѣ этого сочиненія и не дѣлаетъ даже по этому поводу никакого предположенія, въ 42 части «Отечественныхъ Записокъ» (1830 г.) «Замѣчанія» приписаны гр. Ѳеодору Андреевичу Остерману, сыну вице-канцлера [1]), а въ «Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ» (1-е изданіе), изд. бар. Зедделера, въ статьѣ «Манштейнъ» [2]) они приписаны другому сыну вице-канцлера, Ивану Андреевичу Остерману; между тѣмъ оба эти предположенія весьма гадательны и не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Затѣмъ, въ 1859 г., появилась небольшая статья П. К. Щебальскаго (см. Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. россійск. 1859 г., III, 141—146): «Кто написалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи?», въ которой онъ прямо отрицаетъ авторство Ивана Остермана и старается доказать, что «Замѣчанія» написаны Минихомъ, сыномъ извѣстнаго фельдмаршала. Однако, доказательства, приведенныя имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія и основанныя лишь на однихъ умозаключеніяхъ, весьма не многочисленны; они не имѣютъ подъ собою твердой почвы и поэтому не носятъ характера непреложной истины, и хотя звучатъ правдоподобно, все-таки не производятъ впечатлѣніе неизбѣжныхъ выводовъ, вслѣдствіе чего ихъ не трудно было опровергнуть.

Главнѣйшіе аргументы, приводимые Щебальскимъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, слѣдующіе: младшій Остерманъ, говоритъ онъ, не можетъ быть авторомъ этого сочиненія потому, что въ немъ часто порицается вице-канцлеръ, его отецъ, тогда какъ фельдмаршалъ и первый министръ, Минихъ, напротивъ того, превозносится и восхваляется. Вообще, въ этихъ Запискахъ видно желаніе кого-то оградить и отстоять противъ нападеній Манштейна и онѣ не что иное, какъ апологія фельдмаршалу Миниху. Это желаніе оправдать Миниха высказывается особенно ясно въ защитѣ его военныхъ дѣйствій подъ Очаковымъ (1737 г.) и въ попыткахъ доказать, что онъ былъ не причастенъ въ убійствѣ маіора Синклера [3]), а равно и въ характеристикѣ фельдмаршала, написанной яркими красками, при чемъ авторъ упоминаетъ лишь вскользь о его честолюбіи и вспыльчивости.

Отдѣльными поправками къ разсказу Манштейна объ арестѣ Бирона авторъ заявляетъ себя во всякомъ случаѣ какъ лицо, стоявшее весьма близко къ фельдмаршалу Миниху.

---

[1]) См. „Русск. Стар." т. XXVI, стр. 618, въ изслѣдованіи г. Петрова.

[2]) См. Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1859 г., т. III, стр. 141, въ статьѣ Щебальскаго, гдѣ по ошибкѣ стоитъ: „Андрей Ивановичъ Остерманъ" вмѣсто „Иванъ Андреевичъ".

[3]) Фамилія пишется: „Sinclair", а не „Zinkler" (см. Russische Revue, 1886, IV, стр. 447). А. Ю.

Но самымъ вѣскимъ доводомъ, подтверждающимъ предположеніе объ авторствѣ Миниха-сына, Щебальскій считаетъ разсказъ о совѣщаніи обоихъ Миниховъ съ бар. Менгденомъ на другой день ареста Бирона, когда они рѣшали вопросъ о томъ, какъ наградить вліятельнѣйшихъ сановниковъ имперіи, и фельдмаршалъ диктовалъ своему сыну списокъ тѣхъ наградъ и повышеній, о которыхъ говорится въ «Замѣчаніяхъ». Только одинъ изъ этихъ трехъ лицъ могъ, по мнѣнію Щебальскаго, сообщить такъ обстоятельно всѣ эти подробности. Такъ какъ Менгденъ, насколько извѣстно, не оставилъ никакихъ записокъ, а фельдмаршалъ Минихъ написалъ только одно большое сочиненіе [1]): «Ébauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie», то ихъ могъ написать одинъ только молодой Минихъ, авторъ извѣстныхъ записокъ (издан. 1817 г.), который воспользовался для опроверженія Манштейна отрывками изъ этого сочиненія, написаннаго имъ уже въ 1758 г. [2]). Далѣе мы коснемся еще того, что говоритъ Щебальскій о сходствѣ этихъ двухъ сочиненій и о первоначальномъ текстѣ «Замѣчаній».

Между тѣмъ, въ недавнее время, г. Петровъ, въ вышеупомянутой статьѣ своей («Составитель Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи», «Русская Старина», изд. 1879 г., т. XXIV, 616—626), опровергнулъ, также на первый взглядъ довольно правдоподобно, мысль объ авторствѣ Миниха-сына [3]) и обоихъ графовъ Остермановъ и назвалъ авторомъ «Замѣчаній» гр. Петра Ивановича Панина, подкрѣпивъ свое мнѣніе довольно вѣскими аргументами. Надобно сознаться, что авторъ излагаетъ свою мысль и подтверждаетъ ее доказательствами съ такою послѣдовательностью, что она невольно подкупаетъ читателя на первыхъ порахъ, но, вникнувъ въ нее поглубже, замѣчаемъ вскорѣ всю ея несостоятельность.

Доводы, на основаніи которыхъ Щебальскій приписываетъ авторство «Замѣчаній» Миниху-сыну, имѣющіе за собою только долю вѣроятія, опровергаются г. Петровымъ также на основаніи простыхъ предположеній и кажущихся противорѣчій; весьма естественно, что при столь шаткихъ доказатель-

---

[1]) Это доказательство не достаточно убѣдительно, ибо кромѣ „Ébauche" фельдмаршалъ Минихъ оставилъ еще записки (см. Russische Revue, 1886 г., III, 318—343) и слѣдовательно въ этомъ отношеніи предположеніе Щебальскаго оказывается несостоятельнымъ; гораздо проще было бы, отрицая мысль объ авторствѣ Миниха, привести въ подтвержденіе этого мнѣнія тотъ фактъ, что авторъ „Замѣчаній на записки Манштейна" ссылается на изданіе этихъ записокъ, появившееся въ 1771 году, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ скончался уже въ 1767 году.

[2]) Записки Миниха-сына, какъ мы увидимъ далѣе, во многихъ мѣстахъ сходствуютъ почти буквально съ „Замѣчаніями на Записки Манштейна".

[3]) Г. Петровъ неоднократно называетъ его Іоаннъ Эрнстъ, тогда какъ его звали просто Эрнстомъ. А. Ю.

ствахъ могъ получиться лишь шаткій выводъ [1]. Индуктивный методъ изслѣдованія, котораго придерживался авторъ, проведенъ также не совсѣмъ полно и послѣдовательно; то-же самое можно сказать о сравненіи въ этой статьѣ «Замѣчаній» съ «Записками» Миниха-сына, иначе г. Петровъ замѣтилъ бы свою ошибку.

Его методъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: по содержанію и тексту «Замѣчаній» онъ выводитъ заключеніе объ авторѣ и объ обстоятельствахъ его жизни; затѣмъ, по методу исключенія, оба Остермана и Минихъ-сынъ объявляются неподходящими подъ требуемыя условія, и, наконецъ, графъ Панинъ, будто бы отвѣчающій всѣмъ этимъ условіямъ, признается авторомъ этого сочиненія.

Мы попытаемся теперь разобрать критически тѣ доводы, которые г. Петровъ приводитъ въ опроверженіе мысли объ авторствѣ Миниха-сына и со своей стороны постараемся, если возможно, привести новыя доказательства, заимствованныя нами изъ самаго текста «Замѣчаній», которыя могли бы подтвердить это предположеніе. Затѣмъ мы постараемся выяснить отношеніе этихъ фактовъ къ личности графа Эрнста Миниха, котораго, по примѣру Щебальскаго, и мы считаемъ несомнѣнно авторомъ «Замѣчаній на Записки Манштейна».

Наконецъ, чтобы придать нашему предположенію характеръ непреложной истины, мы постараемся подкрѣпить его новыми, до сихъ поръ никѣмъ еще не высказанными, но неопровержимыми доказательствами.

Г. Петровъ полагаетъ:

1) что авторъ «Замѣчаній», поправляя Манштейна, говоритъ о походахъ Миниха 1736 и 1737 гг. и о взятіи Очакова несомнѣнно какъ очевидецъ и что его сужденія о фельдмаршалѣ и его дѣйствіяхъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ былъ подчиненный ему генералъ и притомъ командовавшій корпусомъ (Русск. Стар. XXVI, стр. 617), ибо онъ не только дополняетъ разсказъ Манштейна, но и возстановляетъ истину, сообщая различныя подробности, которыя почерпнуты имъ навѣрно не изъ реляцій, а коихъ онъ самъ былъ очевидцемъ. Таковы, напр., слѣдующія подробности:

а) Авторъ «Замѣчаній» говоритъ: «нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось инаго средства, какъ наскоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя» («Замѣчанія», стр. 389). На это можно возразить, что намъ навѣрно извѣстны не всѣ реляціи, изъ коихъ могли быть заимствованы эти свѣдѣнія, и далѣе, что это мѣсто есть не болѣе, какъ пересказъ того, что говоритъ Манштейнъ, хотя съ добавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, до которыхъ, однако, можно было дойти по собственнымъ соображеніямъ; наконецъ,

---

[1]) Было бы весьма пріятно, если бы г. Петровъ подкрѣпилъ свои доводы и цитаты надлежащими указаніями на соотвѣтствующія страницы источниковъ, что значительно облегчило бы ихъ провѣрку.

авторъ могъ знать эти подробности изъ разсказовъ очевидцевъ похода и, быть можетъ, передаетъ только ихъ слова.

Весьма интересно также замѣтить, что вышеприведенное мѣсто «Замѣчаній» сходствуетъ почти буквально съ однимъ итальянскимъ сочиненіемъ прошлаго столѣтія. Въ Viaggi di Russia графа Algarotti (Opere, tomo VI, стр. 108, Cremona, 1780) мы читаемъ:

Avveniva talvolta, che i nemici, se in faccia de' Russi tirava il vento, mettesser fuoco all'erbe... Ne ci era via da ripararsi, se non col cavar fossi, e levar terra; e così far argine a quello incendio, che correa per la campagna vittorioso.

Слѣдующее мѣсто «Замѣчаній» также весьма сходно съ разсказомъ Альгаротти:

Замѣчанія (Русская Старина, т. XXVI, изд. 1879, стр. 386):	Algarotti. (Opere, Tomo VI (Cremona, 1780), p. 107):
Армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись въ другомъ.	L'esercito marciava... Altro non si vedeva intorno, che erba, e cielo, e i Tartari, che venivano in più nodi ad attacar l'esercito qua e là. Sguizzavano respinti da una banda, ed ecco, che poco stante comparivano da un' altra, e talvolta anche accerchiavano tutto l'esercito. Tanta ne era la moltitudine.
Ограждаясь отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу.	Si opponevano a costoro i Cosacchi, e i Dragoni... e ad ogni caso venivano sostenuti dalla fanteria, che... portava dei cavalli di Frisia, che piantati ben presto in terra tenevan luogo di trinceiramento.

Графъ Альгаротти предпринялъ, какъ извѣстно, въ 1739 году, путешествіе въ Петербургъ и описалъ его въ своихъ письмахъ, которыя, повидимому, были впослѣдствіи имъ передѣланы и изданы вмѣстѣ съ очеркомъ внутренняго быта и политическаго состоянія Россіи и съ описаніемъ турецкой войны 1736—1739 гг., въ которой участвовалъ Минихъ.

Мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что авторъ «Замѣчаній» былъ знакомъ съ описаніемъ Альгаротти, и воспользовался имъ мѣстами для своего труда; это подтверждается нѣкоторыми обстоятельствами. Альгаротти скончался въ 1764 году, тогда какъ «Замѣчанія» написаны, очевидно, лишь въ семидесятыхъ годахъ, слѣдовательно позднѣе итальянскихъ писемъ. Не подлежитъ сомнѣнію,

что, при обработкѣ послѣднихъ, Альгаротти пользовался посторонними источниками, напр., рукописью Манштейна [1]); но насколько можно утверждать, не имѣя болѣе обстоятельныхъ данныхъ, онъ навѣрно не могъ пользоваться «Замѣчаніями», которыя были написаны, по всей вѣроятности, только послѣ его смерти.

Также намъ кажется неправдоподобнымъ, чтобы Альгаротти и Эрнстъ Минихъ оба могли пользоваться однимъ и тѣмъ же источникомъ, по крайней мѣрѣ, намъ объ этомъ ничего не извѣстно; но за то мы знаемъ, что между ними существовали извѣстныя отношенія, что оба они были коротко знакомы съ Воронцовыми и что итальянскій графъ посвятилъ даже великому канцлеру Воронцову свое «Путешествіе въ Россію» (см. также Архивъ кн. Воронцова, томъ XVII, стр. 476, письмо С. Р. Воронцова отъ 29 мая 1818 г.). Поэтому врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что Эрнстъ Минихъ былъ отлично знакомъ съ произведеніемъ Альгаротти, въ которомъ подробно говорится о турецкой войнѣ его отца, фельдмаршала Миниха, и впослѣдствіи воспользовался мѣстами этимъ сочиненіемъ. На такія именно мѣста ссылается отчасти г. Петровъ, полагая, что авторъ «Замѣчаній», какъ очевидецъ военныхъ дѣйствій, разсказываетъ о нихъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Далѣе мы укажемъ еще въ нашемъ изслѣдованіи на такія мѣста, которыя, повидимому, заимствованы у Альгаротти.

Впрочемъ, Минихъ-сынъ въ своихъ «Запискахъ» также говоритъ о событіяхъ этого времени и о переходахъ по степи и зачастую описываетъ травы и животныхъ, фауну и флору такъ подробно, какъ могъ бы описать только очевидецъ, и тѣмъ не менѣе онъ все таки не былъ очевидцемъ разсказаннаго, а только прекрасно умѣлъ пользоваться источниками. Такъ, напр., онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 108): «нерѣдко солдатамъ случалось окружить зайца и тогда они прямо хватали его руками». Такъ можетъ говорить только очевидецъ, сказалъ бы г. Петровъ. Но Минихъ-сынъ заимствуетъ это замѣчаніе изъ того же источника, которымъ онъ часто пользуется, именно изъ записокъ Манштейна (см. француз. изд. 1771 г., Лейпц., стр. 181).

b) Далѣе: автору «Замѣчаній» также отнюдь не было надобности присутствовать лично при взрывѣ двухъ пороховыхъ погребовъ, причиненномъ разрывною бомбою; тѣмъ болѣе, что Эрнстъ Минихъ во время турецкихъ походовъ постоянно видѣлся въ зимнее время съ отцомъ въ Петербургѣ, и фельдмаршалъ могъ многое разсказать ему; кромѣ того, молодой Минихъ встрѣчался въ столицѣ съ своимъ родственникомъ гр. Сольмсомъ [2]), также участвовавшимъ

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: Algarotti und Manstein въ журналѣ „Russische Revue", St.-Petersburg, 1887 г. 2 Heft.

[2]) О Сольмсѣ см. также Russ. Revue, 1886, IV, стр. 488. А. Ю.

въ походахъ, и, наконецъ, въ Петербургъ же былъ присланъ съ извѣстіемъ о взятіи Очакова племянникъ Миниха, ген.-ад. Вильдеманъ [1]), который несомнѣнно также могъ сообщить подробно объ этомъ событіи, и его разсказы, навѣрно, живо запечатлѣлись въ памяти молодаго Миниха.

с) Наконецъ, г. Петровъ находитъ, что защита военныхъ дѣйствій фельдмаршала изобличаетъ человѣка военнаго и притомъ командира отдѣльной части, ибо чиновникъ не могъ бы, по его мнѣнію, обратить вниманіе на всѣ тѣ ничтожныя обстоятельства, на которыя обращаетъ вниманіе авторъ «Замѣчаній».

Это возраженіе кажется намъ совершенно неосновательнымъ; можно не быть военнымъ и все-таки имѣть о военномъ дѣлѣ нѣкоторое понятіе, которое давало бы право и возможность высказывать свое собственное сужденіе; это доступно въ особенности тогда, когда вращаемся въ кругу офицеровъ и генераловъ. Почему же Минихъ, сынъ стараго полководца, не могъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ, въ особенности, когда оно касалось его отца, въ интересахъ котораго онъ навѣрно постарался собрать самыя точныя свѣдѣнія относительно военныхъ событій? Къ тому же, какъ намъ извѣстно, онъ былъ очень хорошо знакомъ съ такими личностями, какъ Кейтъ, Левендаль, Сольмсъ и др.! Нѣтъ, г. Петровъ не убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ этого сочиненія непремѣнно долженъ былъ быть очевидцемъ описываемыхъ событій [2]).

Такъ какъ австрійскій полковникъ ф.-Беренклау далъ вслѣдъ затѣмъ неблагопріятный отзывъ объ осадѣ Очакова [3]), то Миниху-сыну навѣрно были также извѣстны тѣ доводы, на основаніи которыхъ отецъ его защищался противъ этого обвиненія.

2) Авторъ «Замѣчаній» поправляетъ показаніе Манштейна (Manstein, Mémoires (1771, Leipz.), стр. 74 и слѣд.), полагавшаго, что китайское посольство, прибывшее въ Петербургъ въ 1732 г., было первымъ китайскимъ посольствомъ при русскомъ дворѣ. Онъ говоритъ, что подобное же посольство посѣтило Россію уже въ предшествовавшемъ году. О посольствѣ 1732 года авторъ «Замѣчаній» распространяется болѣе подробно, но мѣстами говоритъ о немъ то-же самое, что и Манштейнъ, однако, поправляетъ послѣдняго въ свою

---

[1]) Записки Миниха-сына, стр. 119.

[2]) На упрекъ Манштейна, что Минихъ заставилъ войска идти въ самую сильную жару, авторъ „Замѣчаній" („Русск. Стар.", т. XXVI, стр. 386) говоритъ: „вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ бы воспользоваться ночною прохладою" и т. д. Очевидецъ и генералъ зналъ бы все это навѣрно и не сказалъ бы „вѣроятно", если бы онъ участвовалъ въ походѣ. Эти слова выражаютъ собою не болѣе, какъ догадку.

[3]) См. Woltmann's Zeitschrift: Geschichte und Politik (1801, Berlin), II, 159—182, а также Соловьева, „Ист. Россіи", т. XX, стр. 465. А. Ю.

очередь, когда тотъ говоритъ, что русскимъ не особенно понравились манеры этихъ китайцевъ, замѣчая: «напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные». («Замѣчанія», «Русск. Стар.», т. XXVI, стр. 379).

Г. Петровъ вполнѣ основательно задаетъ вопросъ: какимъ образомъ Минихъ-сынъ, прибывшій въ Петербургъ лишь въ началѣ апрѣля 1733 года (см. Зап. Миниха-сына, стр. 58), могъ бесѣдовать съ китайскимъ посольствомъ, которое посѣтило Россію въ 1732 году?

Мы не отрицаемъ того, что это обстоятельство можетъ служить аргументомъ противъ авторства Миниха-сына, но оно не является таковымъ неизбѣжно. Мы не коснемся здѣсь того факта, что Эрнстъ Минихъ сообщаетъ иногда хронологическія данныя не вполнѣ точно, какъ это можно замѣтить уже въ его Запискахъ; этотъ вопросъ мы разсмотримъ впослѣдствіи, но въ данномъ случаѣ мы можемъ высказать нѣкоторыя предположенія, устраняющія до извѣстной степени вышеприведенное недоразумѣніе.

Вѣроятно, это китайское посольство, какъ второе, оставалось въ Россіи болѣе долгое время, нежели первое посольство, и на него было возложено выполненіе въ Петербургѣ многихъ дѣлъ, требовавшихъ болѣе продолжительнаго тамъ пребыванія. Съ другой стороны, также весьма возможно, что оно прибыло въ нашу столицу лишь въ концѣ 1732 г. и оставалось тамъ, по крайней мѣрѣ, до весны или до лѣта слѣдующаго года (1733), а быть можетъ и долѣе.

За болѣе долгое пребываніе его говорятъ также слова автора «Замѣчаній», что онъ «неоднократно» видѣлъ посольство и «разговаривалъ» съ нимъ.

Но чтобы Панинъ (кандидатъ г. Петрова на авторство), бывшій въ то время 11 или 12 лѣтнимъ мальчикомъ (см. ст. Петрова, Русская Стар., т. XXVI, стр. 623), «неоднократно» бесѣдовалъ съ китайцами и уже въ такомъ возрастѣ могъ составить себѣ понятіе объ ихъ «разсудительности» и «обходительности» и впослѣдствіи высказать подобное мнѣніе, это eo ipso крайне неправдоподобно; за то Минихъ-сынъ (род. 1707 г. стар. стиля) прибылъ въ это самое время въ Петербургъ со своего поста въ Парижѣ, гдѣ онъ, преисполненный живѣйшимъ интересомъ къ внѣшней политикѣ, былъ тотчасъ (см. Зап., стр. 58) представленъ ко двору и вообще былъ въ состояніи лично слѣдить за всѣмъ, происходившимъ въ высшихъ сферахъ и въ политическомъ мірѣ.

Итакъ, этотъ аргументъ, клонящійся къ отрицанію авторства гр. Эрнеста Миниха, не можетъ считаться существеннымъ и, въ значительной степени, соотвѣтствуетъ всему остальному.

О китайскомъ посольствѣ 1731 г. авторъ «Замѣчаній» говоритъ гораздо менѣе и не упоминаетъ о томъ, пришлось ли ему также бесѣдовать съ нимъ.

Между тѣмъ, кажется, что онъ читалъ даже рѣчь, произнесенную вторымъ посольствомъ, и пользуется ею, какъ источникомъ для своего разсказа. (Авторъ «Замѣчаній» говоритъ, стр. 378: «Главный изъ нихъ (пословъ) въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ (настоящее время! до этого и послѣ весь разсказъ веденъ въ прошедшемъ)» что, и т. д.).

3) Авторъ „Замѣчаній" говоритъ далѣе о событіяхъ, относящихся къ царствованію Елисаветы и коихъ онъ былъ очевидцемъ. Онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ генералами Кейтомъ и Левендалемъ, которые не всегда были хороши съ фельдмаршаломъ; послѣдняго изъ этихъ двухъ генераловъ (Левендаля) онъ посѣтилъ еще послѣ восшествія на престолъ Елисаветы. Объ обоихъ онъ отзывается съ хорошей стороны и считаетъ смерть ихъ большою потерею для Россіи.

Характеристика этихъ двухъ генераловъ, знакомыхъ ему лично, также согласуется почти буквально съ описаніемъ Альгаротти:

Замѣчанія («Русс. Стар.» томъ XXVI, 612):	Algarotti, Viaggi di Russia (opere VI, p. 85; 1780, Cremona).
Графъ Владиміръ Левендаль... былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендаль хорошо говорилъ почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ, и состояніе войскъ европейскихъ.	Levendal, uomo d'ingegno finissimo, bel parlatore, che sa tutte le lingue, e conosce tutte le corti, e tutti gli eserciti di Europa, pieno di valore (e che dicesi servire singolarmente alla fortuna).
Стр. 612:	Стр. 85 и 86.
Яковъ Кейтъ... имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ. Среди звука оружія не переставалъ онъ заниматься науками и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ.	Keith, uomo di posatissimo giudizio, che con la dolcezza ha ottenuto dagli uffiziali Russi più sommissione, che qualunque altro con la severità, che in mezzo all'armi non ha punto trascurato le lettere, e congiunge con la pratica della guerra la teoria più ragionata e più profonda.

Точно также и характеристика генерала Ласси сходна съ тѣмъ, что говоритъ о немъ Альгаротти:

Замѣчанія, стр. 384:	Algarotti, 86.
Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возраждающуюся славу россійскаго	Lascy incanutito sotto l'elmo, che sotto Pietro vide sorgere la gloria

оружія при Петрѣ Великомъ, никогда не вмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человѣкъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ.

della Russia, che non s'intrigò mai in affari di Stato, e seppe ubbidire a chiunque fu preposto per comandare. . . . .

Ha la riputazione di esser economo del sangue, paziente aspettator della occasione, e da' soldati vien salutato col nome di padre, baska (батюшка).

a) Авторъ «Замѣчаній» говоритъ въ дополненіе къ словамъ Манштейна [1]) о враждѣ, существовавшей между Кейтомъ и фельдмаршаломъ Минихомъ, что, не смотря на эту вражду, они не переставали взаимно уважать другъ друга, и приводитъ слѣдующій случай въ подтвержденіе своего «заключенія»: При возмущеніи гвардіи въ лагерѣ подъ Выборгомъ, бывшей подъ командою гр. Ласси, Кейтъ, въ присутствіи многихъ офицеровъ, сказалъ: «очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ предъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ» (Замѣчанія, стр. 388) [2]).

Изъ этого разсказа, однако, вовсе не слѣдуетъ, что авторъ непремѣнно долженъ былъ находиться въ это время въ Выборгѣ и лично слышать слова Кейта, какъ склоненъ думать г. Петровъ (см. «Р. Ст.», 623). Тѣ-же «многіе офицеры» могли сообщить ему этотъ эпизодъ, иначе къ чему бы онъ упоминалъ объ ихъ присутствіи? Если бы онъ самъ слышалъ слова Кейта, то навѣрно заявилъ бы объ этомъ, тогда какъ онъ только передаетъ этотъ фактъ какъ слышанное и на основаніи его выводитъ «заключеніе», что Кейтъ все таки уважалъ фельдмаршала.

b) Авторъ «Замѣчаній» описываетъ (Зам., стр. 612) генерала Левендаля, какъ человѣка умнаго, просвѣщеннаго и храбраго, и говоритъ: «Левендаль, обращавшійся со мною дружески, вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, открывался мнѣ, что онъ твердо рѣшился оставить россійскую службу» и пр.

---

[1]) Mémoires (1771), стр. 211.

[2]) Панинъ присутствовалъ при этомъ возмущеніи и содѣйствовалъ его усмиренію (см. „Русск. Стар.", XXVI, стр. 623); это обстоятельство, конечно, могло бы говорить въ пользу его авторства, но не обусловливаетъ его непремѣнно. Панинъ служилъ и въ 1736 и 1737 гг. подъ начальствомъ этихъ обоихъ генераловъ; Манштейнъ (Mém. Leipz. 1771, p. 461) говоритъ, впрочемъ, что это возмущеніе было усмирено Кейтомъ и ничего не упоминаетъ о Панинѣ. А. Ю.

Если, судя по этому отрывку, можно признать авторомъ разсказа гр. Панина, служившаго подъ начальствомъ Левендаля и, быть можетъ, относившагося къ нему также доброжелательно и даже дружественно, то въ этомъ случаѣ намъ все-таки кажется возможнымъ признать авторомъ и Миниха-сына, даже если мы возьмемъ во вниманіе время, о которомъ здѣсь говорится (царствованіе Елисаветы), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые побочные факты дѣлаютъ наше предположеніе довольно правдоподобнымъ. Эрнестъ Минихъ также восхваляетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 116) генерала Левендаля, называя его «храбрымъ», и разсказываетъ, что онъ былъ «раненъ подъ Очаковымъ въ руку». Это обстоятельство не заимствовано имъ изъ обычнаго источника (см. Зап. Манштейна, франц. изд. 1771 г., Лейпц., стр. 208), но скорѣе указываетъ на личное знакомство, точно также какъ названіе «храбрый», данное этому генералу, свидѣтельствуетъ о дружескомъ къ нему расположеніи. Далѣе, Минихъ-сынъ, «вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы», все-таки имѣлъ еще нѣкоторую возможность говорить съ Левендалемъ или принимать его у себя [1]).

Фельдмаршалъ и его сынъ были арестованы въ ночь съ 25-го на 26-е ноября [2]); процессъ ихъ тянулся около трехъ мѣсяцевъ. Однако, можно предполагать, что арестованный гр. Эрнстъ Минихъ пользовался относительною свободою, такъ какъ онъ получилъ, вмѣстѣ со своею женою, дозволеніе навѣстить отца въ крѣпости, передъ отправленіемъ его въ заточеніе. Фельдмаршалъ уѣхалъ въ Сибирь лишь въ началѣ февраля 1742 г. [3]), тогда какъ сынъ его оставался, быть можетъ, въ Петербургѣ еще довольно долго—точныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ—и затѣмъ былъ сосланъ въ деревню, и, наконецъ, переведенъ въ Вологду, гдѣ онъ жилъ на свободѣ подъ надзоромъ; впрочемъ, надобно полагать, что за нимъ слѣдили не особенно строго, такъ какъ ему дозволялось вести переписку и до него доходили также политическія новости; весьма вѣроятно, что его посѣщали даже старые знакомые.

Слѣдовательно, періодъ времени отъ конца ноября 1741 г. до февраля 1742 г. могъ быть тѣмъ временемъ, „вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы", о которомъ говоритъ авторъ „Замѣчаній"; во всякомъ случаѣ, мы не видимъ въ этомъ серьезнаго довода противъ авторства Миниха-сына.

---

[1]) Левендаль, дѣйствительно, посѣтилъ гр. Миниха-сына, вскорѣ послѣ паденія фельдмаршала, какъ говорится въ „Замѣчаніяхъ" (стр. 601).

[2]) Согласно Бюшингу (Büsching, Magazin, III, 506) въ ночь съ 24-го на 25-е ноября.

[3]) См. семейныя записки Миниха (Familienbuch) въ Mittheilungen aus d. Gb. d. Gesch. Liv-, Est- u. Curlands, 1845, III, 359. А. Ю.

с) На 612 и послѣд. стр. „Замѣчаній" приведенъ благопріятный отзывъ о Кейтѣ; хотя авторъ не упоминаетъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ, но легко допустить, что онъ зналъ его лично. Минихъ-сынъ (Зап., 116) отлично помнитъ, что Кейтъ былъ раненъ подъ Очаковымъ въ колѣно—онъ не могъ заимствовать этого у Манштейна (см. Mémoires, Leipz., 1771, 208). Эта подробность заставляетъ также предполагать, что ему случалось бесѣдовать съ Кейтомъ; въ самомъ дѣлѣ, могъ ли бы Минихъ помнить раны всѣхъ генераловъ, если бы онъ не былъ знакомъ съ ними, не принималъ въ нихъ участія и не слышалъ бы отъ нихъ самихъ о разныхъ случайностяхъ ихъ жизни?

Точно также гр. Эрнстъ Минихъ могъ узнать еще въ Петербургѣ до своего заточенія [1]), а быть можетъ слышалъ даже лично отъ Кейта, или узналъ позднѣе о томъ, что этотъ генералъ „тотчасъ по восшествіи на престолъ Елисаветы" (Зам., 613) получилъ приглашеніе поступить на службу въ Пруссію. Вѣдь Минихъ не былъ лишенъ возможности получать извѣстія о текущихъ событіяхъ и, по всей вѣроятности, по возвращеніи изъ Вологды, также постарался многое узнать обстоятельно, прежде нежели принялся за свои «Замѣчанія».

d) Автору «Замѣчаній» не было никакой надобности лично находиться въ Петербургѣ, во время заговора противъ Елисаветы (1743 г.), о которомъ онъ говоритъ (стр. 613 и послѣд. стр.), поправляя отчасти показанія Манштейна; напротивъ того, то мнѣніе «многихъ людей, достойныхъ всякаго вѣроятія [2]), о которомъ онъ упоминаетъ въ началѣ разсказа о заговорѣ, какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ получилъ эти свѣдѣнія отъ этихъ людей и не былъ очевидцемъ описываемаго событія.

Заключительныя слова, дышащія ненавистью противъ Елисаветы, могли вылиться у Миниха-сына изъ глубины души, такъ какъ онъ могъ видѣть въ ней разрушительницу своего собственнаго счастья и виновницу бѣдствій своего отца. Онъ порицаетъ также слѣдующимъ образомъ варварское наказаніе заговорщиковъ [3]), виновность которыхъ не была даже вполнѣ доказана. «Жестокое сіе наказаніе, свойственное варварскимъ временамъ, конечно, не послужитъ въ похвалу государыни, коея великодушіе и сострадательность къ человѣчеству съ толикимъ тщаніемъ старались превознести" (стр. 614).

---

[1]) Петровъ полагаетъ (стр. 618 внизу), что Минихъ-сынъ былъ арестованъ и сосланъ одновременно съ отцомъ, но это обстоятельство, насколько намъ извѣстно, никѣмъ не подтверждено.

[2]) „Многіе люди, достойные всякаго вѣроятія, называли сей заговоръ вымышленнымъ".

[3]) Нѣкоторымъ изъ нихъ былъ отрѣзанъ языкъ (Manstein, Mémoires (1771, Leipz.), стр. 520).

А. Ю.

4) Авторъ «Замѣчаній» разсказываетъ (стр. 578—580) о тайномъ совѣщаніи обоихъ Миниховъ и барона Менгдена относительно наградъ, которыя надлежало роздать высокопоставленнымъ лицамъ; по смыслу, а нерѣдко и буквально, онъ говоритъ то же самое, что мы читаемъ объ этомъ въ запискахъ Миниха-сына (Спб. 1817, 207—210). Во время этого совѣщанія Минихъ сынъ, вооружившись перомъ, записывалъ то, что диктовалъ ему отецъ; когда росписаніе производствъ и наградъ было готово, разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ (стр. 209 и послѣд.), «то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поднесть оное принцессѣ на утвержденіе. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ пріѣхалъ онъ и самъ, и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи». Нѣсколько подробнѣе и немного иначе разсказываетъ объ этомъ авторъ «Замѣчаній» (стр. 579 и послѣд.). «Такимъ образомъ, составя роспись о повышеніи чинами и пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю [1]) своему переписать оную на-бѣло. Но снѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: «что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею».

Г. Петровъ полагаетъ, что столь явное порицаніе фельдмаршала Миниха, столь откровенное осужденіе его тщеславія не могло быть высказано сыномъ, который въ своихъ Запискахъ только восхваляетъ отца, но Панинъ могъ узнать отъ секретаря, о которомъ говорится въ «Замѣчаніяхъ» (а не въ «Запискахъ»), эти подробности, которыя не могли быть извѣстны молодому Миниху, такъ какъ онъ удалился изъ комнаты.

Намъ будетъ понятно, что молодой Минихъ не могъ порицать отца въ своихъ Запискахъ, если мы припомнимъ, что онъ писалъ ихъ для своихъ дѣтей и что отецъ его въ то время былъ еще живъ. Требуя отъ своихъ собственныхъ дѣтей должнаго повиновенія и уваженія, съ его стороны было бы весьма не педагогично подать имъ дурной примѣръ, осуждая ихъ дѣда, хотя, по нашему мнѣнію, порицаніе фельдмаршалу высказывается и въ «Запискахъ Миниха-сына» въ томъ, что авторъ не умалчиваетъ о самолюбивомъ стремленіи фельдмаршала получить званіе генералиссимуса.

Мы можемъ съ своей стороны привести примѣръ тому, что Эрнстъ Минихъ позволялъ себѣ иногда осуждать поступки отца. Бюшингъ [2]), вынужденный въ 1765 г. оставить занимаемое имъ мѣсто пастора въ церкви св. Петра

---

[1]) Г. Петровъ почерпнулъ откуда-то свѣдѣніе, что его звали Эмме (стр. 620), но не указываетъ изъ какого источника оно заимствовано.

[2]) См. Büschings eigene Lebensgeschichte, стр. 489 (Halle, 1789).

А. Ю

въ Петербургѣ вслѣдствіе обнаружившейся внезапно и ничѣмъ не мотивированной вражды къ нему стараго фельдмаршала, сообщаетъ намъ какимъ образомъ отнесся къ этому факту молодой Минихъ: «Послѣдній поступокъ его отца по отношенію ко мнѣ не понравился ему».

Мы можемъ привести еще одинъ примѣръ честности и справедливости гр. Эрнста Миниха, который не измѣнялъ своему долгу даже ради сыновнихъ чувствъ и родственныхъ отношеній. Послѣ ссылки онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ таможенъ. Гадебушъ [1]) разсказываетъ: «мнѣ говорили, что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже своему отцу».

«Замѣчанія», долженствовавшія навѣрное появиться безъ подписи автора, могли быть написаны болѣе объективно, нежели Записки, и въ нихъ Минихъ могъ рѣшиться высказать порицаніе отцу, если это согласовалось съ истиною.

Г. Петровъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, которое онъ могъ бы привести въ подтвержденіе своего мнѣнія, а именно: Минихъ-сынъ разсказываетъ (Зап., 209), что онъ списалъ, по приказанію отца, копію съ упомянутой росписи; между тѣмъ мы читаемъ въ «Замѣчаніяхъ», что фельдмаршалъ, послѣ ухода сына, велѣлъ переписать роспись на-бѣло секретарю [2]). Въ этомъ заключается противорѣчіе, если мы не будемъ считать «копію» и «переписку на-бѣло» за одно и то-же; впрочемъ, мы не видимъ въ этомъ никакой необходимости. Эрнстъ Минихъ, какъ камергеръ, безъ сомнѣнія читалъ также экземпляръ росписи, переписанный секретаремъ на-бѣло и представленный правительницѣ, и увидѣлъ въ немъ приписку о достоинствѣ генералиссимуса. Иначе трудно себѣ объяснить это мѣсто «Замѣчаній».

Впрочемъ, легко допустить, что Эрнстъ Минихъ, писавшій свои «Замѣчанія» приблизительно лѣтъ 30 спустя послѣ этихъ событій, перепуталъ въ своей памяти иныя обстоятельства и не придавалъ особеннаго значенія нѣкоторымъ подробностямъ и тѣмъ выраженіямъ, которыя онъ употреблялъ. Примѣненіе строгой логики къ противорѣчивымъ историческимъ разсказамъ вообще довольно затруднительно въ этомъ мірѣ, полномъ всевозможныхъ противорѣчій, и число предположеній, которыя можно дѣлать въ подобномъ случаѣ, доходитъ нерѣдко до безконечности.

Намъ удалось, надѣемся, по крайней мѣрѣ, доказать, что этотъ четвертый пунктъ, кажущійся г. Петрову столь вѣскимъ, еще не исключаетъ возможности авторства Миниха-сына.

5) Г. Петровъ находитъ (стр. 622), что авторъ «Замѣчаній» такъ часто отступаетъ въ своемъ разсказѣ отъ взглядовъ, высказанныхъ Минихомъ-сыномъ въ его Запискахъ, что оба эти сочиненія никакъ не могутъ принадлежать

---

[1]) Исторія лифляндскаго дворянства. Рукопись въ г. Дерптѣ.

[2]) Зам., стр. 579. А. Ю.

перу одного и того же лица. («Духъ автора «Замѣчаній» совершенно противуположенъ и несовмѣстимъ съ понятіями почтительнаго оберъ-гофмейстера двора принцессы Анны Леопольдовны» [1]).

Между тѣмъ какъ въ «Запискахъ» Минихъ-сынъ крайне воздерженъ въ своихъ сужденіяхъ, авторъ «Замѣчаній» выражается рѣзко и нападаетъ на нѣкоторыя личности, какъ, напр., на Бирона, о которомъ въ Запискахъ мы встрѣчаемъ довольно хорошій отзывъ (см. «Записки», стр. 49; однако, особенно благопріятнаго впечатлѣнія онъ, по нашему, и тутъ не производитъ!), тогда какъ въ «Замѣчаніяхъ» (391, 392) онъ названъ тираномъ, «кровожаднымъ временщикомъ» и «иноплеменнымъ извергомъ». Этотъ отзывъ не согласуется съ кроткимъ, апатичнымъ характеромъ Миниха.

Мы должны, однако, сознаться, что эта аргументація г. Петрова не достаточно убѣдительна. Во первыхъ, Минихъ писалъ свои «Записки» въ ссылкѣ, гдѣ онъ не могъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что надъ нимъ не будетъ контроля, и поэтому навѣрно остерегался высказывать рѣзкія сужденія вообще о любимцахъ императрицъ. Во вторыхъ, приблизительно тринадцать лѣтъ спустя послѣ окончанія «Записокъ», и подъ вліяніемъ продолжительной ссылки, его взгляды могли нѣсколько измѣниться; наконецъ, онъ писалъ «Замѣчанія», очевидно, съ намѣреніемъ остаться неизвѣстнымъ и поэтому не стѣснялся высказать въ нихъ болѣе рѣзкія сужденія.

Далѣе, г. Петровъ [2]) обращаетъ вниманіе на сентенціи [3]) въ «Замѣчаніяхъ», имѣвшихъ цѣлью также задѣть кое-кого и свидѣтельствующихъ о томъ, какъ страдаетъ государство, когда въ немъ злоупотребляютъ властью любимцы, властвующіе надъ правителями.

Слѣдующій примѣръ доказываетъ, однако, что подобныя мысли не были чужды и Эрнесту Миниху. Въ 1765 г. онъ высказалъ Бюшингу довольно пессимистическій взглядъ, замѣтивъ аллегорически и съ ироніей, что «русское государство имѣетъ передъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ, ибо иначе нельзя объяснить себѣ какимъ образомъ оно можетъ уцѣлѣть». Бюшингъ говоритъ по этому случаю: «я не согласился съ тѣмъ, что это особое преимущество Россіи, и мы поняли другъ друга» [4]).

Итакъ, мы разсмотрѣли критически тѣ доводы, которые приводитъ г. Петровъ въ опроверженіе авторства Миниха-сына; всѣ вышеприведенные имъ пункты и доказательства клонятся, по его мнѣнію, къ тому, чтобы установить

---

[1]) Впрочемъ, на стр. 618 онъ самъ оговаривается: „разность взгляда и оцѣнки лицъ, хотя, положимъ, не существенная“...

[2]) Стр. 622.

[3]) Напримѣръ, на стр. 374; особенно на стр. 410 и на 592.

[4]) Büsching, eigene Lebensgeschichte, 489. А. Ю.

тотъ фактъ, что „Замѣчанія“ могли быть написаны только гр. Петромъ Панинымъ, къ которому они такъ или иначе оказываются подходящими; мы же полагаемъ, что намъ удалось съ своей стороны доказать, что почти всѣ эти обстоятельства точно также могутъ говорить и въ пользу авторства Миниха-сына и, во всякомъ случаѣ, не находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ этимъ предположеніемъ. Однако, мы не намѣрены воспользоваться этими доводами, какъ положительнымъ доказательствомъ, подтверждающимъ наше мнѣніе, такъ какъ они построены, по большей части, лишь на нашихъ собственныхъ соображеніяхъ и не выходятъ изъ области предположеній; но этого отрицательнаго результата для насъ пока совершенно достаточно, чтобы показать, по крайней мѣрѣ, возможность авторства Миниха-сына.

Въ «Замѣчаніяхъ» есть еще одно мѣсто, какъ бы говорящее противъ авторства Миниха-сына или, по крайней мѣрѣ, затрудняющее доказательство этого предположенія. На 403 стр. мы читаемъ: «Упомянемъ объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны въ Петербургѣ». Затѣмъ, слѣдуетъ короткое описаніе «Ледяной крѣпости», воздвигнутой на Невѣ въ 1732 году, и разсказывается обстоятельно съ малѣйшими подробностями, изобличающими очевидца, о «Ледяномъ домѣ», сооруженномъ зимою 1739 года.

Такъ какъ Минихъ прибылъ въ Петербургъ лишь въ апрѣлѣ 1733 г., то очень можетъ быть, что онъ уже не видалъ «Ледяной крѣпости», но, конечно, разспрашивалъ объ этомъ необыкновенномъ произведеніи искусства, о которомъ, безъ сомнѣнія, говорилъ весь городъ. Слѣдовательно, подъ названіемъ «необыкновеннаго зрѣлища во дни Анны Іоанновны», которое онъ самъ видѣлъ, подразумѣвается, по всей вѣроятности, только «Ледяной домъ», описанный авторомъ подробно; ибо не легко допустить, что «Ледяная крѣпость» стояла еще на Невѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ и этотъ примѣръ не служитъ неопровержимымъ доказательствомъ противъ авторства Миниха-сына.

II.

Обратимся теперь къ положительной сторонѣ нашихъ доказательствъ.

Г. Петровъ основываетъ свои заключенія на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, поэтому доказательства его не могутъ быть убѣдительными; кромѣ того, онъ недостаточно воспользовался текстомъ «Замѣчаній», по которому можно вывести заключеніе о личности и общественныхъ отношеніяхъ автора. Его индуктивный методъ изслѣдованія, если можно такъ выразиться, не выдержанъ до конца и поэтому не привелъ къ положительному заключенію. Г. Петровъ многаго не замѣтилъ и не провѣрилъ вполнѣ тщательно и съ должнымъ вниманіемъ текста «Замѣчаній», зачастую тождественнаго съ текстомъ записокъ Миниха-сына. По этой причинѣ онъ упустилъ изъ виду, точно также, какъ до него Щебальскій, самое существенное обстоятельство, говорящее въ пользу авторства гр. Эрнста Миниха.

Обстоятельство это слѣдующее: авторъ «Замѣчаній» разсказываетъ въ первомъ лицѣ объ одномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ однажды съ маркизомъ де-Ботта, и передаетъ содержаніе этой бесѣды и свои собственныя выраженія при этомъ весьма подробно.

Что же мы находимъ по этому поводу въ «Запискахъ» Миниха-сына? Тотъ же самый разсказъ объ этой бесѣдѣ, переданный также въ первомъ лицѣ, такъ что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оба автора представляютъ собою одно и то же лицо. Для большей убѣдительности мы сопоставляемъ здѣсь оба эти разсказа:

«Записки Миниха-сына», Спб. 1817 г., стр. 230—232:

«Маркизъ де-Ботта, будучи мой всегдашній другъ, посѣтилъ меня спустя нѣсколько дней послѣ увольненія отца моего отъ службы. Вопросивъ, доволенъ ли онъ графомъ Остерманомъ, не могъ онъ нахвалиться добрыми его расположеніями. Какъ онъ окончилъ свою рѣчь, то сказалъ я, что не могу удержаться, дабы не открыть ему моихъ мыслей, а именно: что по мнѣнію моему вѣнскій дворъ скорѣе достигъ бы цѣли желаній своихъ, еслибъ отецъ мой при

«Замѣчанія» («Русская Старина», 1879 г., т. XXVI, стр. 589—590):

«Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельдмаршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоществовать австрійскому дому тѣмъ или другимъ средствомъ; что я

министерствѣ остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему рѣшеніе подавала; что отецъ мой внутренно никогда не отдаленъ былъ австрійскому дому способствовать, и если бы другихъ требованій кромѣ вспомогательнаго войска не было, то я увѣренъ, что не много стоило бы труда преклонить его на то; но что касается до графа Остермана, у него обѣщать и сдержать двѣ вещи различныя; что онъ издревле былъ другъ прусскаго двора, а вѣнскому никогда не благопріятствовалъ; что теперешняя его преклонность другаго повода не имѣла, какъ чтобы раздражить принцессу на возраженія отца моего... (стр. 232) Предсказаніе мое сбылось совершенно, ибо въ самое то время графъ Остерманъ увѣрилъ прусскаго министра барона Мардефельда по довѣренности своей», и т. д.

увѣренъ, ежели бъ Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какого непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе пособіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизъ де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время графъ Остерманъ не переставалъ увѣрять барона Мердефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля», и т. д.

На это намъ могутъ, пожалуй, возразить, что авторъ «Замѣчаній» списалъ, можетъ быть, по забывчивости, это мѣсто въ первомъ лицѣ изъ того источника, изъ коего онъ черпалъ свои свѣдѣнія, т. е. изъ Записокъ Миниха-сына. Однако, не трудно убѣдиться въ совершенной несостоятельности подобнаго предположенія, ибо авторъ «Замѣчаній» здѣсь отнюдь не пользуется своимъ источникомъ буквально, но частью измѣняетъ и добавляетъ кое что отъ себя. Уже изъ этого видно, что онъ работалъ сознательно и со вниманіемъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Эрнестъ Минихъ говоритъ въ «Запискахъ»: «Отецъ мой», тамъ мы читаемъ въ «Замѣчаніяхъ» постоянно «фельдмаршалъ». Наконецъ, просматривая то мѣсто, гдѣ говорится второй разъ объ Остерманѣ, мы убѣждаемся въ томъ, что авторъ «Замѣчаній» сознательно говоритъ отъ своего имени: «что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю», и т. д. Между тѣмъ, въ Запискахъ онъ не настаиваетъ болѣе въ этомъ мѣстѣ на томъ, что высказываетъ свое личное мнѣніе. Только одинъ и тотъ же авторъ могъ такъ свободно высказать мысли и воспоминанія, принадлежащія ему лично, такъ что желая отрицать тождественность автора въ обоихъ этихъ случаяхъ, пришлось бы отвергнуть всѣ законы психологіи и допустить, что авторъ «Замѣчаній»,—говоря въ первомъ лицѣ точно также, какъ говоритъ

авторъ того сочиненія, изъ котораго онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и приписывая себѣ, такимъ образомъ, мысли и событія, пережитыя Эрнстомъ Минихомъ—умышленно хочетъ ввести читателя въ обманъ; между тѣмъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать подобное предположеніе.

Въ подтвержденіе нашего, и безъ того уже достаточно доказаннаго, мнѣнія, мы постараемся привести еще нѣсколько фактовъ, говорящихъ въ пользу авторства Миниха и противъ гр. Панина; при этомъ мы можемъ воспользоваться даже такими доводами, которые на первый взглядъ имѣютъ лишь немного правдоподобія и вѣроятія, такъ какъ всѣ они построены на незыблемомъ основаніи. Съ этой цѣлью мы просмотримъ съ особенною тщательностью текстъ «Замѣчаній».

А. Я. Юргенсонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОНОСЫ ФИСКАЛОВЪ НА НИКИТУ ДЕМИДОВА.

Изъ исторіи отечественнаго горнозаводства въ царствованіе Петра I.

1711—1717 гг.

Въ 1711 году Петръ Великій учредилъ по всѣмъ провинціямъ должность фискаловъ въ смыслѣ прокуроровъ «ока государева», которыхъ обязанность состояла розыскивать тайнымъ и явнымъ образомъ о кражахъ казны, и вообще о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ управленія, а равно и частныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Для исполненія своей мысли царь указывалъ выбирать на новыя должности людей «добрыхъ, не обходя и купечества». Но, къ сожалѣнію, выборы, въ большинствѣ случаевъ, оказывались мало удачными: въ фискалы попадали, кромѣ немногихъ исторически извѣстныхъ лицъ, люди изъ мелкаго подьячества, или изъ промышленнаго и торговаго сословія, которые не замедлили обнаружить свои корыстныя наклонности [1]).

Вотъ изъ этой-то среды лица, облеченныя въ фискальскія должности, вскорѣ по открытіи своихъ дѣйствій въ Москвѣ, напали на Никиту Демидова, преслѣдуя его торговлю желѣзомъ. У Демидова

---

[1]) До какой степени фискалы злоупотребляли своею властью, видно изъ того, что изъ числа ихъ рѣдко кто кончилъ свое служебное поприще добромъ: кто угодилъ въ ссылку или, предчувствуя бѣду, бѣжалъ и скрылся гдѣнибудь въ украинахъ, кто битъ кнутомъ „нещадно“, а помощникъ оберъфискала Алексѣй Нестеровъ, изучившій свое ремесло до тонкости и хвалившійся тѣмъ, что образовалъ правительству законченнаго фискала изъ роднаго сына своего, начавъ подготовку его съ раннихъ лѣтъ, заслужилъ даже петлю и былъ повѣшенъ. Не даромъ въ народѣ ихъ обзывали „уличными судьями“, „антихристами“, а сенаторы не очень жаловали ихъ, даже называли просто „плутами“.

въ Москвѣ были заведены большіе дворы для склада металловъ, и, конечно, онъ былъ тогда самымъ крупнымъ торговцемъ ими. Московскимъ фискаламъ почему-то показалось, что онъ очень дорогою цѣною ставитъ въ казну металлы (боевые снаряды и сортовое желѣзо), а при продажѣ ихъ на волю вовсе не платитъ торговыхъ по уставу пошлинъ и другихъ сборовъ. Первые доносы на Демидова поданы въ августѣ мѣсяцѣ 1712 года фискалами отъ купечества—Михайломъ Андреевымъ (сыномъ) Нечаевымъ и Косовымъ—«въ противленіи Никиты Демидова именнымъ государевымъ указамъ по продажѣ всякаго чина людямъ разнаго желѣза, дѣланнаго безпошлинно». Спустя два мѣсяца, тѣ же фискалы, 1-го ноября, донесли своимъ начальникамъ—Модесту Желябужскому и Алексѣю Нестерову слѣдующее: «Пришли Никитины 15 струговъ съ невьянскихъ и ѳедьковскихъ заводовъ изъ Сибири со всякимъ желѣзомъ, и тѣ струги, не допуская до Москвы, онъ поставилъ тайно на Москвѣ-рѣкѣ у «Котловъ», ниже Данилова монастыря, дабы ему тако-жъ безпошлинно и безъ вѣсчаго продать тайно, а только свезъ желѣзо изъ трехъ струговъ въ гостиный дворъ полосатое (полосовое) и связное тому назадъ недѣли съ три, а изъ 12-ти струговъ желѣзо выгрузилъ многое на берегъ тамо-жъ, у «Котловъ», и укрылъ тёсомъ, чтобъ было никому незнатно, опричь того, что у него усмотрѣно на дворѣ, котораго по вѣсу будетъ тысячъ съ тридцать» [1]). Затѣмъ, фискалы предлагаютъ: желѣзо (въ стругахъ у «Котловъ») осмотрѣть, перевѣсить при фискалѣ и приставить караулъ, а Никиту Демидова и людей его и караульныхъ допросить каждаго порознь. «А по розыску за такую его вымышленную безпошлинную продажу то желѣзо побрать, по торговому уставу, на великаго государя, дабы впредь ему такъ чинить было неповадно». Доносъ этотъ написанъ и поданъ въ сенатъ 3-го ноября (1712 г.). На другой день сенатъ сдѣлалъ распоряженіе о наложеніи секвестра на желѣзо, и 5-го числа Никита Демидовъ стоялъ уже въ сенатѣ для допроса. Онъ показалъ: «чье это желѣзо, онъ не знаетъ, и до него ему дѣла нѣтъ; пусть сенатъ велитъ взять его въ казну на государя». По справкамъ впослѣдствіи оказалось, дѣйствительно, что то желѣзо казенное, приведено изъ уральскихъ заводовъ и сложено на берегу за мелководіемъ. Значитъ, фискалы тутъ промахнулись. Но это не смутило ихъ и они въ тотъ же день, 5-го ноября, по сообщенію младшаго фискала Аполона Лапина, подали другой доносъ слѣдующаго содержанія: «Увѣдомились

---

[1]) О желѣзѣ, сложенномъ въ амбарахъ Демидова, при домѣ его, поданъ доносъ въ сенатъ ранѣе 23-го сентября оберъ-фискаломъ Желябужскимъ.

мы чрезъ нѣкоторое извѣстіе, что у Никиты Демидова сложено тайно изъ струговъ на Москвѣ-рѣкѣ, ниже села Бронницъ, на винокуренномъ заводѣ Данила Евстафьева, желѣза сибирскихъ заводовъ до 20 тысячъ пудовъ, которое и нынѣ лежитъ у него скрытнѣ для безпошлинной продажи». Фискалы просили запечатать и это желѣзо, приставить караулъ, «а Демидова допросить для подлиннаго изобличенія». Послали на мѣсто склада желѣза подьячаго Герасима Турова, который въ «доѣздѣ» своемъ написалъ: «доски, числомъ 2,700, въ длину и ширину по $1^1/_4$ аршина, а толщиною пальца въ два; на каждой доскѣ надпись, вылитая большими уставными словами—имя князя М. П. Гагарина» (сибирскаго генералъ-губернатора).

10-го ноября Никита Демидовъ былъ снова призванъ въ сенатъ и на допросѣ показалъ, что «сложенное у села Бронницъ на винокуренномъ заводѣ Евстафьева за мелководіемъ желѣзо состоитъ изъ чугунныхъ половыхъ одноаршинныхъ досокъ, счетомъ 2,700, и тѣ чугунныя доски отлиты у него на невьянскомъ заводѣ по приказанію сибирскаго генералъ-губернатора и для него привезены, а на какое дѣло, того не знаетъ; что доски тѣ привезены не на продажу, и что кромѣ ихъ, ни здѣсь, на винномъ заводѣ, ни на другомъ мѣстѣ его скрытнаго желѣза нѣтъ».

Фискалы еще ранѣе, при самыхъ первыхъ доносахъ, желая преслѣдованіе Никиты Демидова обратить въ систему, просили сенатъ снабдить ихъ вѣдомостями изъ приказовъ сибирскаго, артиллерійскаго и адмиралтейскаго: сколько Демидовъ обязанъ доставлять въ ихъ вѣдомства металловъ «для усмотрѣнія и доношенія сенату о государевыхъ интересахъ, такъ какъ пропало и пропадаетъ повсегодно его, государево, многое добро несмотрѣніемъ». Фискалы обратили вниманіе сената и на то, что кромѣ завода въ Сибири у Демидова есть еще алексинскіе заводы подъ Тулою, «гдѣ нынѣ промышляетъ сынъ его, Григорій, а изъ Алексина писалъ къ фискальнымъ дѣламъ въ Москву фискалъ и прислалъ за руками алексинскихъ бурмистровъ прошлаго-де 1711 г. и нынѣшняго 1712 г. вѣдомости, что отъ сына его въ обьявкѣ у нихъ въ таможнѣ съ тѣхъ заводовъ никакого желѣза для пошлиннаго взятья и въ отпускъ къ Москвѣ и никуда нѣтъ. Да они же, фискалы, провѣдали именно, что и на тѣхъ алексинскихъ заводахъ по его, Никитину, велѣнью сынъ его продаетъ желѣзо всякое разное дѣльное многія тысячи по вся годы безпошлинно-жъ, отъ чего получаютъ себѣ по вся годы многія тысячи, а государю ничего не платятъ. И нынѣ на томъ заводѣ всякаго желѣза изготовлено на продажу многія-жъ тысячи. Надлежитъ и на томъ заводѣ для пошлиннаго взятья тако-жъ описать и перевѣсить, и для того же положить

на прошлые году по стольку же, отъ чего сбору будетъ нынѣ и впредь по вся годы не малое число».

Но не смотря на эти извѣты, сенатъ медлилъ и затребованныхъ фискалами вѣдомостей изъ приказовъ имъ не доставилъ вовсе. Тогда фискалы, главные въ Москвѣ, повторили свою просьбу, при чемъ подали въ сенатъ новый доносъ, которымъ думали нанести сильный ударъ Демидову, смять его совсѣмъ. Доносъ написалъ Модестъ Желябужскій въ сообществѣ съ своими помощниками — Алексѣемъ Нестеровымъ и Степаномъ Шепелевымъ—безъ обозначенія года.

«Въ минувшихъ числахъ подано нами доношеніе о взятьѣ вѣдомостей изъ приказовъ для усмотрѣнія государственныхъ интересовъ, въ которыхъ приказахъ пропало и пропадаетъ повсягодно много добра несмотрѣніемъ, и тѣ вѣдомости по сіе число не взяты, а безъ нихъ намъ наизусть о всемъ подлинно написать немочно. А изъ насъ Алексѣй Нестеровъ узналъ, что въ амбарахъ Никитина двора, въ Москвѣ, скрытно складено желѣза для безпошлинной продажи тысячъ тридцать (пудовъ), просимъ амбары тѣ запечатать и перевѣсить, и Демидова допросить [1]). А сего сентября 23-го дня (1712 г.), въ доношеніи калуженина посадскаго человѣка Ивана Степанова Кадмина, да кадашевца Михаила Анисимова Олисова, написано: въ прошлыхъ-де годахъ въ Сибири, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, отданы туленину Ник. Демидову невьянскіе желѣзные готовые заводы со всякими мастеровыми и крестьяны, и земляными, и другими угодьи на урочныя 10 лѣтъ, его худобою и промысломъ утая отъ другихъ охочихъ, и не давъ ни съ кѣмъ, ни здѣсь, ни тамъ торгу; а тотъ заводъ строился Садовой слободы Семеномъ Купріяновымъ (сыномъ Викуловымъ). Да у него-жъ, Никиты, построенъ на рѣкѣ Чусовѣ на пристани дворъ и амбаръ для складки желѣза и струговой пристани. И ежели царское величество, взявъ о всемъ вѣдомости изъ сибирскаго приказа, велитъ оные заводы со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ, какъ есть во владѣніи Демидова, отдать имъ на 20 лѣтъ безъ перекупки (т. е. безъ торговъ), и они е. ц. в. будутъ платить сверхъ окладу Никиты Демидова по тысячѣ руб. въ годъ».

При этомъ челобитчики просили:

---

[1]) По перевѣскѣ при фискалѣ Мининѣ, желѣза въ амбарахъ оказалось 17 тысячъ пудовъ. Спрошенный въ сенатѣ Н. Демидовъ показалъ, что то желѣзо привезено изъ-подъ Тулы. Онъ могъ бы сказать, что оно еще не продано, а только при продажѣ онъ обязанъ платить пошлину. Однако, весь складъ въ амбарахъ оставался запечатаннымъ, какъ увидимъ, на-долго.

а) выдать имъ единовременно 10 тыс. руб. на 10 лѣтъ съ уплатою сего долга и % желѣзомъ связнымъ по 4,500 пуд. въ годъ;

б) сколько дано будетъ имъ изъ казны денегъ, и за тѣ деньги они будутъ ставить въ казну желѣзомъ и всякими воинскими припасами по настоящей цѣнѣ погодно, но за эти наряды торговыхъ пошлинъ не имать;

в) за изготовленное на вольную продажу желѣзо, пошлины только записывать въ книги, и за эти пошлины челобитчики будутъ ставить въ казну связное желѣзо во всѣ 20 лѣтъ по 2,250 пуд. каждый годъ.

Въ заключеніе челобитчики просятъ на владѣніе заводомъ указа, «а у него, Никиты, взять въ скорости сказку съ «подкрѣпленіемъ»: по скольку онъ со владѣнія своего заводомъ за желѣзо платилъ пошлинъ въ годъ, и что (и сколько) у него мастеровыхъ людей поимянно, и снастей, чтобы онъ, Никита, тѣхъ мастеровыхъ и снасти куда (нибудь) не свёлъ».

Въ сенатѣ на это доношеніе положена резолюція рукою оберъ-секретаря Анисима Яковлевича Щукина: «допросить, согласно съ изложеннымъ у фискаловъ, Никиту Демидова и обоихъ челобитчиковъ».

Кадминъ и Олисовъ на допросѣ въ сенатѣ показали, что они люди не грамотные, дѣломъ желѣзнымъ никогда не занимались, а промышляли у казны: первый поставляя ей муку, крупу и масло, а другой—находился у вымѣна изъ обращенія мелкой серебряной монеты на новую въ сибирскихъ провинціяхъ; оба хвалились своею честностію и просили отдать имъ заводы «безъ порукъ» (залога), такъ какъ они таковыхъ не найдутъ. По всему видно, что они соблазнялись прибытками Никиты Демидова, но до него не доросли ни знаніемъ, ни трудами. Сенату стоило только справиться о царской грамотѣ 1702 года, данной Никитѣ Демидову при отдачѣ ему во владѣніе невьянскаго завода безсрочно, т. е. на вѣчныя времена, чтобъ бросить все дѣло и челобитчикамъ отказать.

Въ свою очередь Никита Демидовъ показалъ слѣдующее:

— «Со владѣнія своего заводомъ, желѣзо сибирское, связное, полосное и дощатое продавалъ въ городахъ Казанской губерніи, и съ продажи пошлины платилъ, а сколько и какого желѣза, и почему на годъ сходилось пошлинъ, того не упомнитъ. А на тѣхъ заводахъ мастеровыхъ и ремесленныхъ людей человѣкъ 70, кромѣ работниковъ, а кто именно и какихъ чиновъ и сколь давно работаютъ, того не упомнитъ же; а тѣ мастеровые и ремесленные люди всѣ русскіе, и иноземцовъ нѣтъ, въ томъ числѣ есть и купленные имъ люди, и всѣ научены желѣзному дѣлу отъ него, Никитина, ученія, будучи на тѣхъ заводахъ; за работу имъ платитъ свои деньги, а не государевы.

А что-де калуженинъ Кадминъ и кадашавецъ Олисовъ въ своемъ доношеніи написали, будто ему, Никитѣ, тѣ заводы отданы на урочные годы, на 10 лѣтъ, и то-де они пишутъ ложно, похотя его раззорить напрасно: тѣ заводы по именному в. г. указу отданы ему во владѣніе, а не на урочные годы, и обнадѣясь на ту его, государеву, милость на тѣхъ заводахъ построилъ и завелъ, прочa себѣ великій заводъ и всякое строеніе, которое стало ему близко ста тысячъ руб., и нынѣ такихъ заводовъ и строенія къ нимъ въ Московской и во всѣхъ губерніяхъ нигдѣ нѣтъ».

Казалось бы въ виду отвѣтовъ Никиты Демидова, ясныхъ и точныхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе въ правотѣ его, сенатъ могъ рѣшить всѣ дѣла, поднятыя фискалами и новыми «охочими» людьми, безотлагательно. Но сдѣлано иначе: велѣно все дѣло передать для розыска извѣстному начальнику «Розыскной канцеляріи», отъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручику Ивану Никифоровичу Плещееву, который протянулъ розыскъ на три года. Въ это время Плещеевъ безпрестанно посылалъ на дворы Демидова своихъ сыщиковъ съ «памятями», захватывалъ людей его, по долгу державъ ихъ въ «желѣзахъ» (кандалахъ), призывалъ самого Демидова для допросовъ. Демидовъ терпѣливо выносилъ всѣ напасти отъ страшнаго начальника Розыскной полиціи, терпѣлъ убытки и ни разу не пожаловался на притѣсненія. Онъ хорошо зналъ, что протесты и жалобы могли бы только навлечь на него новую бѣду, и, можетъ быть, хуже прежнихъ. И у него на заводахъ въ Сибири было больное мѣсто, за которое онъ могъ жестоко пострадать, особенно при не совсѣмъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ тогда находился: до царя далеко, да онъ и не любилъ тѣхъ, которые не соблюдали его указовъ; властный благопріятель (думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ) сошолъ со сцены, а за плечами стоялъ еще неутомимый Иванъ Никифоровичъ съ своимъ «розыскомъ». Дѣло могло принять очень скверный оборотъ: долгія руки начальника Розыскной канцеляріи уже протягивались къ этому больному мѣсту, и тобольскіе воеводы, по настоятельнымъ требованіямъ Плещеева, наводили справки о людяхъ на заводахъ Демидова, а онъ и прежде, когда мѣстные воеводы касались по разнымъ случаямъ этой статьи, не могъ переносить равнодушно, и сынъ его, Акинфій Никитичъ, жившій постоянно въ Невьянскомъ, всегда подъ разными предлогами, болѣе или менѣе благовидными, отклонялъ ихъ намѣренія пересчитать поименно его заводскихъ людей. Дѣло въ томъ, что въ числѣ заводскихъ мастеровыхъ и рабочихъ на заводахъ Демидова нашлось бы много бѣглыхъ рекрутъ, старообрядцевъ, нѣсколько человѣкъ (37) изъ военно-плѣнныхъ шведовъ, бѣжавшихъ изъ мѣстъ

своего поселенія, и множество пришлыхъ, гулящихъ и даже тяглыхъ людей, сошедшихъ съ разныхъ концовъ Россіи безъ «отпусковъ» (паспортовъ), за которыхъ заводовладѣлецъ не платилъ въ казну подушныхъ денегъ ни копѣйки. Значитъ, были весьма сильные поводы для Никиты Демидова держаться во всемъ поднятомъ дѣлѣ осторожно, не настаивать и выжидать какого-либо благопріятнаго случая. Къ счастію его, подобный случай подвернулся, хотя поздно, черезъ три года, и по обстоятельству, также скверному для Демидова. Однако, какъ увидимъ, онъ воспользовался имъ необыкновенно искусно и съумѣлъ ловко повернуть его на свою сторону.

Въ мартѣ 1715 года все тотъ-же фискалъ, Михайло Андреевъ Нечаевъ, подалъ новый доносъ на Никиту Демидова и на этотъ разъ прямо царю.

«Во извѣстіе в. ц. в. предлагаю»:

Изложивъ въ началѣ извѣстную исторію объ отдачѣ Демидову невьянскаго завода и о казенныхъ нарядахъ, фискалъ продолжаетъ такъ: «А судейскимъ нерадѣніемъ, безъ свидѣтельства, учинена великая передача напрасно, а именно: за полосное желѣзо въ выдачѣ ему, Никитѣ, по 14 алтынъ за пудъ, а я доподлинно увѣдомился, съ вышеписанныхъ заводовъ до Москвы и до Твери со всякими харчами и съ мастерствомъ, и съ работными наемными людьми, и въ своихъ стругахъ, станетъ желѣзо истинною цѣною по 10 алт. у пуда, а не по 14, итого въ передачѣ 4 алт. Также и у другихъ многихъ припасовъ передача есть. Да сверхъ казенныхъ нарядовъ, онъ же, Никита, продаетъ постороннимъ людямъ всякаго желѣза многія тысячи пудъ по 15 алт. и больше».

Фискалъ, предлагая по этимъ статьямъ допросить заводчика, кончаетъ такъ: «а ежели онъ, Никита, не боясь Бога, скажетъ неправду, при допросѣ мною въ неправдѣ уличенъ будетъ».

На подлинномъ доношеніи рукою князя Долгорукаго помѣчено: «противъ сего допросить».

Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, тогда генералъ-лейтенантъ и гвардіи подполковникъ, завѣдывалъ особою канцеляріею и доносъ фискала подвернулся какъ нельзя кстати: адмиралтейство нуждалось въ корабельномъ желѣзѣ и якоряхъ, и государь поручилъ князю Долгорукому подрядить на поставку желѣза для флота заводчика Никиту Демидова. Это было въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1715 г. Получивъ доносъ, царь отправилъ его къ кн. Долгорукому для разбора подъ его личнымъ наблюденіемъ.

Призванный въ канцелярію кн. Долгорукаго 27-го марта 1715 г. Никита Демидовъ сказалъ слѣдующее:

«Ему даны заводы и крестьяне (приписные), которые работаютъ у него по 8 недѣль въ году, и за эту работу онъ платитъ въ казну за нихъ подати. Когда онъ принялъ заводъ, то въ немъ была одна домна и мало молотовъ, а плотину хотѣли переносить на другое мѣсто, и онъ плотину перенесъ, построилъ вновь три домны, 15 молотовъ и много жилыхъ строеній на многія тысячи рублей. А по грамотѣ ему велѣно ставить желѣзо и припасы по уговорнымъ цѣнамъ, и сколько онъ сдалъ въ казну, того не упомнитъ. А въ прошломъ 1713 году, по царскому указу, правительствующій сенатъ, слушавъ выписку, приговорилъ: ему, Демидову, ставить артиллерійскіе всякіе припасы, по уступкѣ съ торгу противъ Вахрамѣевыхъ дѣтей Миллеровъ [1]); гранаты по 10 денегъ, бомбы и ядра по 6 алт. 2 деньги за пудъ, картечь въ $^1/_4$, $^1/_2$, $1^1/_4$ и $1^1/_2$ фунта по 2 деньги за ядро и съ провозомъ въ указанныя мѣста. Деньги за эти припасы онъ получаетъ изъ артил. приказа долго спустя послѣ сдачи ихъ. За полосное желѣзо онъ беретъ отъ казны плату по уговорной цѣнѣ. Никита Демидовъ самъ смотритъ за заводами съ дѣтьми, отъ чего ему и есть въ томъ барышъ, а изъ за него и другимъ. Желѣзо обходится ему самому иногда по 10 алт., но въ доброе время, а когда въ домнахъ и молотахъ бываютъ неполадки, и плотину прорываетъ, или пожаръ, или на рѣкахъ струги тонутъ съ грузомъ, и онъ долженъ наймовать людей, и отъ того бываютъ убытки, и тогда желѣзо и припасы цѣною выходятъ дороже. При томъ онъ получаетъ отъ казны деньги часто спустя три года и болѣе послѣ сдачи, и ежели Ц. В. укажетъ выдавать ему тотчасъ по пріемѣ металловъ въ мѣстахъ поставки, то онъ можетъ сбавить цѣну противъ даже уговорной, иначе невозможно сбавить цѣны. Съ 1712-го по 1715 г. было поставлено имъ одного желѣза 50 тысячъ пудъ и, въ томъ числѣ, въ Москву 30 тысячъ пудъ. Пошлинъ съ поставляемыхъ въ казну металловъ онъ не платилъ, о чемъ заявлено имъ въ московской губернской канцеляріи, а не платилъ потому, что другіе заводчики иноземцы (братья Миллеры) и Нарышкинъ также не платятъ; а съ желѣза, продаваемаго на волю, всѣ пошлины

---

[1]) Эти заводы въ Калужской и Тульской губ. были построены по указу царя Алексѣя Михайловича, въ компаніи двухъ иноземцевъ Марселиса и Филимона Акемы, извѣстныхъ тогда въ Москвѣ. Впослѣдствіи компаньоны раздѣлили между собою заводы, и изъ нихъ одни (калужскіе) перешли по наслѣдству Вахрамѣю Миллеру, женившемуся на вдовѣ роднаго племянника Филимона Акемы, а другіе заводы Марселиса, какъ выморочные, отданы были ближнему боярину Л. К. Нарышкину, родному дядѣ Петра.

платилъ, а сколько именно, о томъ можно справиться въ таможенныхъ книгахъ».

Въ дополненіе къ сему показанію, Никита Демидовъ подалъ кн. Долгорукому письменное объясненіе: «При отдачѣ мнѣ завода (Невьянскаго) я взялъ за поставку военныхъ припасовъ половину цѣны противъ иноземческихъ (все тѣхъ же Миллеровъ) заводовъ, за желѣзо взялъ менѣе по 5 алт. у пуда; но тогда металлы на Чусовую пристань перевозили черносошные крестьяне; они же клали кучи (для сженія древеснаго угля), строили струги и нагружали оные припасами [1]); а нынѣ въ доносѣ фискала Михаила Андреева (сына Нечаева) написано, будто я беру лишнія деньги, и онъ же пишетъ: «допряма знаетъ, что желѣзо обходится въ Москвѣ по 10 алт.». И то у меня бываетъ, только въ благополучное время; но бываютъ прорухи на заводахъ, и тогда желѣзо обходится дорого; и если Государь укажетъ, то я готовъ убавить цѣну съ желѣза противъ даже уговорной».

Князь Долгорукій, для удостовѣренія въ показаніяхъ Демидова, просилъ сенатъ доставить ему свѣдѣнія: сколько, отъ кого именно и по какой цѣнѣ доставлено въ артиллерію и другія казенныя вѣдомства металловъ, и сколько ихъ продавалось на волю съ уплатою пошлинъ. Но въ сенатѣ этихъ свѣдѣній не нашли, и тогда кн. Долгорукій потребовалъ ихъ отъ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, написалъ также въ адмиралтейство и сибирскій приказъ. Оказалось по этимъ справкамъ, что цѣны Демидова (до 1713 г.) были по нѣкоторымъ статьямъ вдвое менѣе цѣнъ прочихъ заводчиковъ, по другимъ статьямъ только нѣсколько дешевле, и не явилось ни одной статьи, гдѣ бы цѣны его превышали цѣны другихъ заводовъ. Брюсъ доставленныя свѣдѣнія дополнилъ еще слѣдующими соображеніями: прежде, до Демидова, сибирское желѣзо доставлялось изъ сибирскаго приказа и чрезъ подрядчиковъ, по цѣнѣ отъ 20 до 24 алт. 2 деньги, нынѣ оно ставится по 16 алт. за пудъ; шведское желѣзо покупалось по 30 алт., а нынѣ его въ продажѣ нѣтъ; съ заводовъ Нарышкина связное и прутковое покупается по 16 алт. 4 деньги, а на гвозди и другія мелочи по 20 алт. Въ артиллерію каждый годъ шло сибирскаго желѣза 7,532 п., вахрамѣевскаго 715 п. Изъ сибирскаго приказа дьякъ Иванъ Чепелевъ отвѣтилъ, что Н. Демидовъ за поставляемое въ казну желѣзо пошлинъ не платитъ, «для того, что въ договорѣ о платежѣ

---

[1]) По первой царской грамотѣ Н. Демидовъ выговорилъ для себя пользоваться работою сихъ крестьянъ; но они были „ясачные", и ихъ впослѣдствіи освободили отъ заводскихъ работъ.

ихъ не написано». Другіе заводчики также не платили. Кн. Долгорукій потребовалъ отъ Н. Демидова подлинныя грамоты и памяти, и оставилъ въ своей канцеляріи копіи съ нихъ [1]).

Безсмысленность послѣдняго фискальскаго доноса на Демидова, такимъ образомъ, была доказана до очевидности, и онъ могъ надѣяться на самый благопріятный для себя исходъ дѣла. Но этого ему было мало: Демидову хотѣлось навсегда развязаться съ розыскною полиціею, съ самимъ Плещеевымъ; добиться, чтобы сняты были печати съ его желѣза въ амбарахъ; онъ хотѣлъ поставить себя внѣ вліянія всякихъ канцелярій, не исключая и сибирскаго приказа, выйти изъ всѣхъ розысковъ не только безупречнымъ, но и побить своихъ недоброжелателей. Ему уже удалось сыграть съ фискалами злую шутку, осмѣять передъ сенатомъ публично ихъ усердіе не по мѣрѣ. Припомнимъ: по одному доносу фискала Нечаева (о стругахъ съ желѣзомъ на р. Москвѣ близь села Котлы) поднялась страшная тревога: сенатъ, получивъ доносъ, велѣлъ послать самаго бойкаго изъ подьячихъ Ѳедора Полунина, который вмѣстѣ съ фискаломъ-доносчикомъ осмотрѣлъ струги, перевѣсилъ желѣзо, запечаталъ и написалъ «доѣздъ». У склада стоялъ караулъ изъ солдатъ отъ Сибирскаго приказа. Караульный капралъ Ѳедоръ Широковъ показалъ, что то желѣзо взято изъ струговъ Н. Демидова, а какъ давно привезено, того не знаетъ, такъ какъ караулъ смѣняется ежедневно. Призванный тогда же въ сенатъ для допроса, Н. Демидовъ отвѣтилъ коротко: «Чье желѣзо у села Котлы и перевезенные изъ 3-хъ струговъ въ гостиный дворъ, онъ не знаетъ, и до того желѣза ему дѣла нѣтъ». Напротивъ, Демидовъ очень хорошо зналъ, что это желѣзо казенное, привезено съ Алапаевскаго и Уктусскаго заводовъ, и за мелководіемъ сложено тутъ на берегу. По всей вѣроятности служители Демидова съ лукавымъ умысломъ натолкнули фискаловъ на этотъ кладъ; зная, что эти послѣдніе не пропустятъ «сей вѣрной оказіи» показать свою ревность къ соблюденію казенныхъ интересовъ, и донесутъ, какъ и случилось. Для удостовѣренія, сенатъ спросилъ о заколдованномъ желѣзѣ сибирскую губ. канцелярію, и она разрѣшила недоумѣніе, подтвердивъ, что желѣзо то въ количествѣ 18,643 п. съ казенныхъ заводовъ и перевезено въ сопровожденіи тобольскаго дворянина Петра Желютина. Сибирская канцелярія подтвердила также о чугунныхъ доскахъ, отлитыхъ Демидовымъ, по приказанію кн. Гагарина.

---

[1]) Все розыскное дѣло по доносамъ на Демидова фискаловъ съ грамотами его поступило къ кн. Долгорукому изъ сената; оно находится теперь въ 1284-мъ томѣ Горнаго Архива.

Но Никита Демидовъ зналъ, что осмѣять врага не значитъ еще избавиться отъ него, и что осмѣянный врагъ изъ всѣхъ самый опасный; онъ терпѣливо выжидалъ случая побить ихъ наповалъ, и черезъ три года этотъ благопріятный случай представился. Выше мы замѣтили, что государь поручилъ кн. В. В. Долгорукому уговориться съ Никитой Демидовымъ о поставкѣ корабельнаго желѣза и якорей. По этому поводу въ канцеляріи князя Василія Владиміровича отмѣчено: «сего 3 апрѣля (1715 г.) именнымъ ѳ. ц. в. словеснымъ указомъ въ канцеляріи вѣдѣнія кн. В. В. Долгорукова приняты изъ адмиралтейства разныхъ ругъ образцы и вѣдомость: какого и сколько желѣза туда надобно, и тѣ образцы Никитѣ Демидову казаны».

По вѣдомости требовалось 77,500 п. все тонкаго желѣза, очень труднаго въ выдѣлкѣ по неимѣнію въ то время на заводахъ вальцовыхъ машинъ. И вотъ черезъ 6 дней послѣ перваго допроса, гдѣ Н. Демидовъ давалъ отвѣты, какъ обвиняемый, онъ стоитъ въ той же канцеляріи и передъ тѣмъ же княземъ Василіемъ Владиміровичемъ, но совсѣмъ въ другомъ положеніи, какъ человѣкъ, на котораго указалъ самъ царь для услуги правительству. На этотъ призывъ Н. Демидовъ отозвался, какъ всегда это дѣлалъ, съ полною готовностью, и по выслушаніи предложенія объявилъ свои условія, которыя мы приведемъ здѣсь дословно, какъ они записаны въ канцеляріи.

— «Никита Демидовъ, осмотрѣвъ образцы, сказалъ, что онъ готовъ ставить требуемое адмиралтействомъ желѣзо, а возьметъ цѣну за пудъ съ провозомъ: за полосное осьмигранное по 15 алт., тонкое толщиною въ $^1/_2$, $^3/_4$ и 1 дюймъ по 16 алт. 2 деньги; да на тѣхъ же заводахъ своихъ будетъ дѣлать укладъ (сталь), и для того дать ему мастеровъ съ Олонца, а цѣною укладъ по 1 р. за пудъ, и тѣхъ мастеровъ будетъ содержать на своихъ проторехъ. А въ нынѣшнемъ году которое восьмигранное выйдетъ изъ Сибири, и того желѣза, сколько его будетъ вѣсомъ, поставитъ онъ въ С.-Петербургъ по вышеописанной цѣнѣ, ежели успѣетъ до зимняго времени, а ежели не успѣетъ, то бы въ вину ему не причтено было; и на рѣкахъ бы съ того желѣза и съ военныхъ припасовъ, которые и впредь будутъ ставиться, и со струговъ никакихъ прибылей и оброковъ и на слѣдахъ (въ пути водою) пропускнаго, также привальнаго и отвальнаго, и мостовщины и съ работныхъ людей поголовныхъ денегъ въ Московской, Казанской и Нижегородской губерніяхъ не имать для того, что желѣзо станетъ ставить въ казну; также пошлины и вѣсчаго и съ найму подводъ не имать же. Деньги за металлы выдавать ему безъ задержанія, а безъ денегъ у него желѣза не имать, понеже за такою волокитою деньги будутъ обращаться

ему года въ три. Для склада желѣза и военныхъ припасовъ въ пути: въ Рыбной слободѣ, Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Ладогѣ и въ С.-Петербургѣ, гдѣ пристойно дать подъ дворы мѣста по близости къ рѣкамъ; а принимать бы то желѣзо и припасы по извѣстію его въ мѣсяцъ, или два того ради, чтобы ему не было отъ того лишнихъ харчей и волокиты; а когда въ это время желѣзо и припасы не примутся, и то желѣзо отдавать въ казну онъ не повиненъ, чтобы прикащикамъ у отдачи не зажиться и съ заводовъ не отбывать по долгу». Въ заключеніе своихъ условій Никита Демидовъ проситъ, во-первыхъ: «подтвердить новыми имянными указами право на владѣніе Невьянскими заводами на основаніяхъ прежнихъ грамотъ, и во-вторыхъ, вѣдать бы тѣ заводы и его, Никиту, съ дѣтьми, прикащики и съ мастеровыми и работными людьми и со крестьяны въ канцеляріи, которая здѣсь, въ С.-Петербургѣ, подъ вѣдѣніемъ кн. В. В. Долгорукаго, и о томъ дать указъ, чтобы ему впредь какихъ убытковъ не было».

Всѣ условія Никиты Демидова были приняты царемъ, который словесно указалъ князю Долгорукому заключить формальный договоръ. Вслѣдствіе того изъ канцеляріи князя Василія Владиміровича и за подписаніемъ его отъ 12 мая 1715 г. вышелъ указъ, въ которомъ было повторено все то, что требовалъ Демидовъ, съ прибавленіемъ только, чтобы онъ татарамъ и уѣзднымъ иноземцамъ желѣза, ружей и военныхъ припасовъ отнюдь не продавалъ. Въ концѣ указа сказано: «И тѣми желѣзными Невьянскими заводами, со всѣми угодьи и со крестьяны владѣть ему, Никитѣ, по прежнимъ великаго государя указамъ, каковы ему даны изъ сибирскаго приказа и изъ сената, и вѣдать его, Никиту, съ дѣтьми и со всѣми желѣзными заводы во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ, въ канцеляріи въ С.-П.-Бургѣ, подъ вѣдѣніемъ генералъ-лейтенанта и отъ лейбъ-гвардіи подполковника князя В. В. Долгорукова, а въ Сибирской и другихъ губерніяхъ и въ приказахъ его, Демидова, съ дѣтьми не вѣдать».

Достигнувъ такимъ образомъ желанной цѣли, Никита Демидовъ позаботился развязаться съ розыскной канцеляріей, и снять печати съ своихъ амбаровъ съ желѣзомъ. И здѣсь онъ поступилъ осторожно и обдуманно. Получивъ въ руки послѣдній указъ отъ 12 мая, 1715 г. онъ подалъ въ канцелярію князя Долгорукаго доношеніе на имя Государя: «по именному В. В. указу я привезъ желѣзо для Адмиралтейства и на вольную продажу; но вся партія сего желѣза въ Москвѣ, по доношенію калуженина Ивана Кадмина, при домѣ моемъ въ амбарахъ

запечатана, и я рабъ твой нижайшій допрашиванъ, а то желѣзо подлежитъ къ сдачѣ въ адмиралтейство, а безъ твоего Ц. В. указа распечатать и отпустить не смѣю. Повели распечатать и отпустить въ С.-Петербургъ, а что останется въ излишкѣ, то продать на волю съ уплатою таможенныхъ пошлинъ». На подлинномъ доношеніи помѣчено рукою князя Долгорукаго: «справиться съ Плещеевымъ».

Но Иванъ Никифоровичъ отвѣтилъ, что такого подлиннаго фискальскаго дѣла о Никитѣ Демидовѣ въ канцеляріи его нѣтъ, и оно отправлено изъ Москвы въ С.-Петербургъ по требованію сената. Сенаторъ Стрешневъ, по запросу князя Долгорукаго, прислалъ въ копіяхъ полное розыскное дѣло, увѣдомивъ князя, что «туленина Никиты Демидова желѣзо въ амбарахъ и другихъ мѣстахъ, по доношеніямъ фискальскимъ, описано, перевѣшано и кому беречь указано, и о томъ къ вашему сіятельству прилагается копія».

Этого только и нужно было Демидову. Спустя два дня, 17 мая онъ подалъ новому своему начальнику два доношенія. Въ первомъ просилъ: «нынѣшнею весною идутъ струги съ желѣзомъ для адмиралтейства, и о томъ желѣзѣ я опасенъ, чтобы струги тѣ гдѣ (либо) не замедлились, не дойдя до мѣста, а я нынѣ задержанъ здѣсь въ Петербургѣ для допросовъ. Повели меня отпустить и снабдить почтовыми подводами». Разрѣшеніе дано немедленно. Во второмъ доношеніи Н. Демидовъ повторяетъ просьбу свою снять печати съ амбаровъ съ желѣзомъ, «такъ какъ въ фискальной канцеляріи (у Плещеева) до него, Демидова, дѣла нѣтъ, а между тѣмъ адмиралтейство торопитъ его поставить сколь возможно скорѣе корабельное желѣзо, а оно все запечатано, и онъ безъ указа снять печати не смѣетъ»...

Наконецъ, 27 іюня 1715 г. вышелъ изъ канцеляріи кн. Долгорукаго, за его подписью, давно желанный указъ царскій: «Туленину Никитѣ Демидову амбары съ желѣзомъ распечатать, взявъ съ тебя обыкновенныя по торговому уставу пошлины въ Московской губерніи, и какъ получишь сей указъ, и ты бы по своему договору желѣзо, которое у тебя въ Москвѣ и въ Твери и иныхъ городахъ, отпускалъ въ С.-Петербургъ для доставки въ адмиралтейство немедленно, чтобы тамъ дѣлу корабельному остановки не учинилось». Московскому губернатору боярину Алексѣю Петровичу Салтыкову приказано исполненіемъ сего дѣла поспѣшить.

Никита Демидовъ, выйдя изъ всѣхъ, какъ онъ называлъ, «тюрбацій» неповиннымъ, воспользовался своимъ благопріятнымъ положеніемъ превосходно. Онъ выпросилъ, чтобы дворы его въ Москвѣ были свободны отъ солдатскаго постоя, такъ какъ отъ того (чинилось) много

покражы желѣза; чтобы всѣ розыскныя дѣла были переданы князю Долгорукому; чтобы давать ему для разъѣздовъ ямщицкія подводы за прогоны. На все это царь согласился. Впрочемъ, не смотря на царскія повелѣнія, подьячіе и таможенные приставники не упускали случая притѣснять Демидова. Такъ онъ жаловался, что въ московской губернской канцеляріи ландратъ Григорій Каменскій насчиталъ на него и взыскиваетъ 1939 руб., а за что—не знаетъ, просилъ дѣло передать на разбирательство своему новому благодѣтелю кн. Долгорукому. При продажѣ желѣза на волю брали съ Демидова въ таможняхъ пошлину какъ съ купеческаго товара по гривнѣ съ рубля, тогда какъ указная пошлина съ него, какъ съ заводчика-производителя, была, по торговому уставу, въ половину менѣе. На возраженія прикащиковъ противъ такихъ незаконныхъ дѣйствій, ихъ задерживали и сажали подъ стражу за «грубость». Не лишена интереса жалоба Демидова по подобному поводу на С.-Петербургскую таможню: здѣсь прикащика его Неклюдова держали 8 мѣсяцевъ, и все таки взяли пошлину выше законной, объясняя, что пошлина возвышена за грубость прикащика.

Не оставлялъ въ покоѣ Демидова и наводившій на современниковъ страхъ Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ. Изъ челобитной, поданной Демидовымъ царю 4 іюля 1717 года, видно: упомянувъ, что его велѣно вѣдать кн. Долгорукому по всѣмъ дѣламъ, и что онъ озабоченъ исправною поставкою корабельнаго желѣза, продолжаетъ: «а нынѣ мнѣ учинилась на Москвѣ напрасная многая волокита отъ Ив. Никиф. Плещеева, что непрестанно отъ него приходятъ ко двору моему солдаты съ «сыскными памятями», и справиться мнѣ въ твоихъ государевыхъ дѣлахъ отъ такой волокиты не мочно, а прикащикамъ моимъ въ Москвѣ отъ такихъ напрасныхъ волокитъ для отправленія дѣлъ и быть тамъ опасно». Также и фискалы не оставляли его въ покоѣ: ихъ долгія руки достали и князя М. П. Гагарина въ Тобольскѣ: Алексѣй Нестеровъ въ доносѣ на него прибавилъ, между прочимъ, что имъ отданъ Никитѣ Демидову Невьянскій заводъ, съ крестьянами, за 2,000 руб., а казнѣ обошелся во 100 тысячъ руб. [1]).

Въ заключеніе этой частной исторіи мы приведемъ объ услугахъ Никиты Демидова относительно вліянія его на современныя цѣны на желѣзо и чугунныя отливки. До него подрядчики (вольные, не изъ заводчиковъ) ставили въ казну русское желѣзо отъ 60 до 74 к. за пудъ, шведское жезѣзо покупалось по 90 к., послѣ объявленія войны

[1]) Невьянскій заводъ стоилъ казнѣ 11 тысячъ руб. и эту сумму Н. Демидовъ уплатилъ въ $2^1/_2$ года металлами.

цѣна ему поднялась до 3 р. за пудъ, и вскорѣ потомъ его нельзя было достать и за эту цѣну. Нарышкинъ съ своихъ заводовъ ставилъ дѣльное желѣзо на мелкія поковки по 60 к., братья Миллеры (Калужской губерніи) ставили въ казну: бомбы и пушки по 30 к., ядра пушечныя 25 к., гранаты 14 к., картечь мелкую (въ $^1/_4$, $^1/_2$ и $^3/_4$ фунта) по 1 к., а крупную (отъ 1 до 2 ф.) по $1^1/_2$ к. по-штучно; дѣльное желѣзо на мелкія поковки 60 к., связное 45 к., колесное (шинное) 90 к. за пудъ. Нарышкинъ и Миллеры обязаны были ставить въ казну металлы по договорамъ, причемъ имъ выдавались денежныя пособія въ кредитъ, кромѣ приписныхъ крестьянъ. Никита Демидовъ, еще до завладѣнія заводомъ на Уралѣ, съ своихъ заводовъ подъ Тулою, и не получая еще никакихъ пособій [1]), сбавилъ цѣну противъ другихъ заводчиковъ, по договору въ 1701 году, съ бомбъ, гранатъ и ядеръ на половину, а съ колеснаго желѣза сбавилъ 20 к. съ пуда, то есть продавалъ по 70 к. Послѣ появленія въ Москвѣ сибирскаго желѣза съ заводовъ Демидова и частію съ казенныхъ заводовъ цѣна ему упала съ 70 к. на 45 к. По этой цѣнѣ Н. Демидовъ обязался въ казну ставить металлъ. Въ 1713 г. съ нимъ сдѣланъ былъ новый договоръ, по которому онъ обязался ставить металлы въ Москву и другіе города по слѣдующимъ цѣнамъ: гранаты 5 к., картечь мелкую (менѣе фунта) по $1^1/_2$ к. за 3 штуки, а крупную по 1 к. за штуку съ доставкою въ Тверь (для С.-Петербурга) и въ Бѣлевъ (для Кіева), бомбы и ядра по 20 к. за пудъ. По договору въ 1715 г. (съ кн. Долгоруковымъ) онъ ставилъ полосовое восьмигранное желѣзо по 45 к., тонкое въ $^1/_4$ и до 1 дюйма, по 50 к. съ доставкою въ С.-Петербургъ. При этомъ, сбавивъ цѣну, Н. Демидовъ просилъ только, чтобы не весь нарядъ былъ положенъ на него одного, но раздѣленъ и между другими заводчиками. Ясно, что Никита Демидовъ много способствовалъ установленію у насъ сходныхъ продажныхъ цѣнъ, не только остановилъ ихъ возвышеніе, но еще помогъ царю замѣтно понизить ихъ. Самъ Петръ, строго наблюдавшій за расходами казенныхъ денегъ, зналъ объ услугахъ его и благоволилъ къ нему. Князь В. В. Долгорукій писалъ 9 апрѣля 1716 года изъ Данцига управляющему своею канцеляріею, полковнику Кушелеву: «его величество, чтобы на всѣхъ желѣзныхъ заводахъ въ подрядѣ и продажѣ желѣзо и прочія вещи въ малой цѣнѣ были, указалъ освидѣтельствовать продажу ихъ: по какой цѣнѣ пудъ, на какомъ заводѣ въ продажѣ имѣется и

---

[1]) Мельница на р. Тулицѣ, гдѣ онъ построилъ свой первый чугунно-литейный и желѣзный заводъ, уступлена ему не даромъ, а за „денежное и хлѣбное жалованье“ какъ казенному оружейнику.

потомъ выправясь и сравнивъ оныя цѣны съ подрядными туленина Н. Демидова, по чему онъ въ адмиралтейство ставитъ, и съ пріобщеніемъ копіи съ заключенныхъ съ нимъ условій, представить о семъ сенату (для наблюденія), чтобы на всѣхъ заводахъ цѣны желѣзу и другимъ (изъ него издѣліямъ) противъ Демидова верстаны были». Недаромъ Петръ Великій относился къ нему съ довѣріемъ, зналъ его лично и пожаловалъ ему съ потомками дворянское достоинство (въ 1721 г.). Какъ успѣлъ въ томъ бывшій простой кузнецъ не трудно понять: изучивъ технику желѣзнаго производства на практикѣ, трудами своихъ рукъ, онъ зналъ и съумѣлъ выработать и поставить свои заводы въ самомъ началѣ въ правильныя и выгодныя экономическія условія, «самъ смотрѣлъ и руководилъ работами, отъ того ему прибыль». «Заводы, яко малое дѣтище, требуютъ ухода за ними и хозяйскаго глаза», говоритъ онъ при другомъ случаѣ. Старшій сынъ его, Акинфій Никитичъ, служилъ ему по управленію заводами хорошимъ помощникомъ.

Сообщ. въ 1884 г. В. Рожковъ.

КЪ ИСТОРІИ ВОЕННО-УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ

императора Александра II-го

1856—1870.

«Русская Старина» помѣстила уже нѣсколько статей, относящихся къ реформамъ императора Александра II. Въ краткомъ отчетѣ о дѣятельности бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, въ январьской книжкѣ 1886 г., между прочимъ, представлены результаты преобразованія по военно-учебной части. Въ настоящей статьѣ мы рѣшились передать на страницахъ почтеннаго журнала знакомые намъ факты, имѣющіе значеніе для надлежащей оцѣнки причинъ и повода къ военно-учебной реформѣ, начатой за долгое время до вступленія Д. А. Милютина въ управленіе министерствомъ и приведенной имъ въ исполненіе, согласно предначертаніямъ императора Александра II. При этомъ, кромѣ личныхъ воспоминаній, мы пользуемся мало доступными матеріалами, давно нами собираемыми.

Недавно исполнилось 30 лѣтъ послѣ Восточной войны съ Турціей и ея союзниками, окончившейся паденіемъ Севастополя и заключеніемъ Парижскаго мира.

Тридцать лѣтъ, по исчисленію статистиковъ, составляютъ эпоху человѣческой жизни. Не много остается уже живыхъ свидѣтелей благихъ начинаній императора Александра II, вступившаго на престолъ въ такое время, когда каждый офицеръ чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ передъ своимъ отечествомъ. Въ этой войнѣ каждый исполнилъ свято свой долгъ — и на Дунаѣ подъ Ольтеницей и Четати, и за Кавказомъ — подъ Карсомъ, и въ Крыму — при защитѣ Севастополя: сражались храбро и умѣли умирать въ открытомъ полѣ, въ траншеяхъ и на бастіонахъ. А между тѣмъ, по возвращеніи на

родину, всѣ чувствовали себя какъ-бы униженными и оскорбленными. Не весело встрѣчали насъ мирные соотечественники....

Съ того времени прошло тридцать лѣтъ.... Не пора-ли подвести итоги одной изъ наиболѣе капитальныхъ реформъ императора Александра II, на долю котораго выпалъ тяжкій крестъ и вѣчная благодарная память за все сдѣланное имъ для своего народа, для русской арміи и для чести отечества. Настало новое поколѣніе, явились новые дѣятели, для которыхъ теперь намѣчаются новыя цѣли, открываются новыя перспективы; въ преобразованіяхъ прошлаго царствованія они, безъ особеннаго труда, могутъ отыскивать нѣкоторые пробѣлы, извиняемые чрезмѣрною сложностью задачъ и лихорадочною торопливостью приведенія ихъ въ исполненіе. Но новые дѣятели не могутъ порвать органической связи, соединяющей ихъ съ своими предшественниками; они обязаны вспоминать и о томъ благѣ, которое сдѣлано трудами ихъ предшественниковъ. Ибо всякое преобразованіе должно имѣть историческую почву, оправдываться обстоятельствами прошлаго и потребностями современныхъ явленій. Иначе зданіе будетъ строиться на пескѣ. И мы намѣрены представить рядъ фактовъ въ доказательство, что военно-учебная реформа, предпринятая въ прошедшее царствованіе, вызывалась самымъ ходомъ жизни нашей арміи, составляя въ томъ именно видѣ, въ какомъ она была осуществлена, лишь результатъ самой исторіи военнаго быта въ нашемъ государствѣ.

I.

«Что дѣлать, чтобы улучшить способы комплектованія корпуса офицеровъ арміи?» таковъ былъ первый вопросъ каждаго военнаго начальника отъ полковника до главнокомандующаго обѣихъ армій— графа Лидерса и князя Горчакова, послѣ возвращенія войскъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ этомъ вопросѣ являлся какъ-бы упрекъ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, стоившихъ государству большихъ денегъ, а между тѣмъ присылавшихъ въ армію только единицы.

Графъ Ридигеръ, извѣстный боевой генералъ въ Венгерскую войну, въ письмѣ 28 марта 1856 года къ военному министру князю В. А. Долгорукову, въ мрачныхъ краскахъ представляетъ безвыходное положеніе вольно-опредѣляющихся, большею частью изъ дворянъ, и отсутствіе въ арміи образованныхъ офицеровъ. Графъ Лидерсъ, 30-го

августа 1856 года, въ день тезоименитства императора, открываетъ школу для образованія подпрапорщиковъ, при штабѣ 4-го корпуса въ Воронежѣ. Князь Горчаковъ дѣлаетъ распоряженіе о собраніи юнкеровъ и вольноопредѣляющихся въ учебныя команды въ полкахъ 1-й арміи и ходатайствуетъ о необходимости дать средства для образованія 1,500 вольноопредѣляющихся въ его арміи.

Эти рѣшительные шаги сдѣланы были главными боевыми генералами русской арміи за нѣсколько лѣтъ до высочайшей резолюціи о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя училища и военныя гимназіи и объ учрежденіи, на остатки суммъ отъ сихъ преобразованій, юнкерскихъ училищъ для пѣхоты, кавалеріи и казачьихъ войскъ.

Вопросъ объ улучшеніи способовъ комплектованія корпуса офицеровъ поднимался не разъ и въ царствованіе императора Николая Павловича. Но тогда единственнымъ надежнымъ источникомъ для образованія офицеровъ считались кадетскіе корпуса. Послѣ смерти цесаревича Константина Павловича вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, въ 1832 г., принялъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Ему предстояло развить воспитательныя задачи корпусовъ, увеличить ихъ число и усовершенствовать военное воспитаніе и образованіе кадетъ.

Въ короткое время, кадетскіе корпуса появились, кромѣ столицъ, во многихъ губернскихъ городахъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ. Правительство стремилось развернуть большія средства для развитія благотворительныхъ цѣлей и умноженія способовъ военнаго образованія офицеровъ изъ дворянъ.

Въ 1825 году въ Россіи было 5 кадетскихъ корпусовъ съ 400 наставниковъ и 5,300 воспитанниковъ и на содержаніе ихъ расходовалось до 1 мил. руб., въ 1855 число этихъ заведеній достигло 23, съ 8,300 воспитанниковъ при 1,400 офицерахъ и наставникахъ, и на содержаніе ихъ расходовалось до 3-хъ мил. рублей.

Въ корпуса могли поступать только сыновья потомственныхъ дворянъ.

Дворянство и чиновныя лица во весь періодъ царствованія Николая Павловича пожертвовали на эти заведенія единовременно до 2.625,000 руб., а ежегодные взносы дворянъ въ пользу этихъ заведеній достигали 200,000 рублей (на 300 кадетъ).

Кадетскіе корпуса въ соединеніи съ академіями подняли у насъ военную науку, но въ нихъ упущены были изъ виду другія задачи; вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, стоя особнякомъ отъ арміи, не

прислушивалось къ ея нуждамъ и могло давать собственно армейскимъ частямъ лишь крайне ограниченное число образованныхъ офицеровъ.

Ближайшимъ сотрудникомъ в. к. Михаила Павловича былъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, назначенный въ 1835 году начальникомъ штаба его высочества по управленію военно-учебными заведеніями.

Изъ нѣсколькихъ писемъ Я. И. Ростовцева къ великому князю, изданныхъ г. Лалаевымъ 1885 году въ Педагогическомъ Сборникѣ (№ 5), мы позволяемъ себѣ взять нѣсколько отрывковъ, чтобы видѣть дѣятельность Ростовцева, который прилагалъ большое усердіе для оправданія оказываемаго ему довѣрія. Онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы усовершенствовать кадетскіе корпуса и, нужно отдать справедливость, въ свое время сдѣлалъ очень много для ихъ благоустройства и расширенія ихъ благотворительныхъ цѣлей.

Ростовцевъ писалъ великому князю въ сентябрѣ 1835 года: «всѣ преобразованія пріостановлены, я почти ежедневно бываю въ заведеніяхъ, наблюдая лично, чтобы прежнія преобразованія ваши приводились въ исполненіе, вижу, что всѣ мѣры, указанныя вашимъ высочествомъ, мало по малу прививаются, а нѣкоторыя изъ нихъ съ ощутительною пользою; обращеніе съ преподавателями и начальниковъ и воспитанниковъ перемѣнилось, учителя ожили; много дурныхъ учителей замѣнено новыми лучшими; воспитанники, совершенно до того къ ученью равнодушные, въ нѣкоторыхъ предметахъ сдѣлали замѣчательно быстрые успѣхи и прилежаніе къ наукамъ замѣтно дѣйствуетъ и на улучшеніе нравственности».... «заведенія съ проселочной дороги выведены, и шоссе вами для нихъ уже приготовлены, теперь надо, чтобы они только шли по немъ».... (18 сентября 1835 г.).

Спустя годъ, Ростовцевъ писалъ изъ Полоцка, гдѣ въ теченіе 16 дней осматривалъ корпусъ во всѣхъ подробностяхъ: «я производилъ экзамены по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ, нѣсколько разъ дѣлалъ фронтовое ученіе, былъ ежедневно съ воспитанниками, днемъ и ночью и т. д. и въ утѣшеніе сердцу вашего высочества пріятнѣйшимъ и священнымъ поставляю себѣ долгомъ, довести до вашего свѣдѣнія, что корпусъ этотъ находится въ блестящемъ состояніи...» «Всѣ офицеры отмѣнно счастливо набраны, преданы душою своему долгу, помогаютъ радушно инспектору классовъ въ наблюденіи за ученіемъ воспитанниковъ, и, наконецъ, учатся сами, чтобы не знать менѣе того, что воспитанники знаютъ, однимъ словомъ, они осуществляютъ мой идеалъ корпуснаго офицера». Письмо это оканчивается заявленіемъ о необходимости назначенія въ Полоцкій корпусъ

нижнихъ чиновъ «для обученія воспитанниковъ ружейнымъ пріемамъ». (Письмо 24 ноября 1836 г.).

Спустя полгода, Я. И. Ростовцевъ, получивъ точное приказаніе отъ его величества государя, составить подробный, по возможности, отчетъ о всѣхъ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ за время управленія таковыми в. к. Михаиломъ Павловичемъ, писалъ его высочеству: «Всѣ эти перемѣны и улучшенія, дѣлавшіяся вашимъ высочествомъ отдѣльно и какъ бы незамѣтно, когда зачали соединяться въ умѣ моемъ въ одинъ итогъ, то составили такую массу, что я, по совѣсти говоря, не знаю, чѣмъ зачать и чѣмъ кончить, ибо каждая отрасль получила рѣшительное преобразованіе, и соединить всѣ преобразованія вмѣстѣ, въ одной системѣ—значитъ одно и то-же, что написать новый уставъ для военно-учебныхъ заведеній». (Письмо 20 апрѣля 1837 г.).

И дѣйствительно, въ 1836, 1838, 1843 и 1848 гг. появились важныя законодательныя работы, которыми опредѣлялись: положеніе преподавателей, цѣль учрежденія корпусовъ, ихъ составъ и устройство по всѣмъ частямъ, положеніе о центральномъ управленіи военно-учебными заведеніями и «наставленіе для образованія военно-учебныхъ заведеній» (1848 г.).

Спустя годъ послѣ изданія «наставленія», 12 августа 1849 года Ростовцевъ писалъ великому князю, между прочимъ, слѣдующее: «8 числа князь Петръ Михаиловичъ (Волконскій) дѣлалъ отряду (кадетъ) маленькое ученье: ружейные пріемы всѣмъ полкомъ, баталіоны впередъ, три построенія и церемоніальный маршъ. Я просилъ его свѣтлость вызвать и застрѣльщиковъ, но онъ сего учить не могъ, не довѣряя своимъ силамъ». (Письмо 12 августа 1849 г.).

Окончилась восточная война, въ кадетскихъ корпусахъ начались разныя исторіи, одна изъ нихъ въ Константиновскомъ корпусѣ, переименованномъ въ 1855 г. изъ Дворянскаго полка, надѣлала много шуму въ публикѣ, такъ что осенью 1858 г. Ростовцевъ, какъ увидимъ ниже, призналъ необходимымъ приступить къ его коренному преобразованію.

Со времени Восточной войны въ военныхъ кружкахъ приходилось слышать глухое нареканіе на систему воспитанія кадетъ въ корпусѣ, на неудовлетворительный въ нихъ составъ офицеровъ-наставниковъ, нечестное обращеніе съ кадетами. Особенное впечатлѣніе производили статьи Пирогова, по поводу воспитанія малолѣтнихъ дѣтей въ закрытыхъ заведеніяхъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ Я. И. Ростовцевъ такъ выразилъ свое оправданіе на дѣланные въ обществѣ упреки кадетскимъ

корпусамъ: „Какъ идутъ военно-учебныя заведенія, лучше ли противъ прежняго или хуже,—судить объ этомъ дѣло не мое; если же они идутъ дурно, то это происходитъ или отъ причинъ, отъ меня независящихъ, или отъ моего неумѣнія, но уже, конечно, Богъ мнѣ видѣтель, не отъ моего нежеланія". (Изъ частн. письма Ростовцева 8 ноября 1858 г.).

Это сказано въ ту пору, когда уже послѣдовало распоряженіе о преобразованіи Константиновскаго корпуса изъ воспитательнаго заведенія въ заведеніе учебно-служебное.

Но еще ранѣе, тотчасъ по окончаніи Восточной войны, какъ замѣчено, графъ Ридигеръ, бывшій тогда командиромъ гвардейскаго корпуса, писалъ военному министру князю Василію Андреевичу Долгорукову (28 марта 1856 г.): „Продолжительная, 56-лѣтняя служба убѣдила меня какъ въ полкахъ арміи мало по малу уменьшалось число образованныхъ офицеровъ: есть цѣлыя дивизіи, въ которыхъ некому дать полка, баталіона и роты". Въ войскахъ арміи (въ гренадерскихъ и шести армейскихъ корпусахъ) служило до 4,500 юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, большею частью изъ дворянъ (въ 1852 г. 3,754 ч. въ пѣхотѣ и 652 въ кавалеріи). Въ три года Восточной войны, съ 1853 г. по апрѣль 1856 г., въ армію поступило вольноопредѣляющимися болѣе 10,000 человѣкъ, большею частью сыновей дворянъ, изъ этого числа произведено въ прапорщики и корнеты до 8 тысячъ, и засимъ въ 1856 г., тотчасъ послѣ заключенія Парижскаго мира, въ частяхъ арміи (кромѣ гвардіи и спеціальныхъ родовъ войскъ) состояло по спискамъ 6,190 чел.

«Важнѣйшая причина неудовлетворительнаго состоянія корпуса офицеровъ, по моему мнѣнію, писалъ Ридигеръ военному министру, происходитъ отъ неудовлетворительности мѣръ для пополненія арміи офицерами, произведенными изъ юнкеровъ. Юнкера, изъ которыхъ составляется наибольшая часть офицеровъ нашей арміи, поступаютъ на службу безъ всякой подготовки и не только не могутъ развить себя, но, находясь постоянно между нижними чинами, теряютъ до производства въ офицеры и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя имѣли". „Цѣль моя, заключаетъ Ридигеръ, состоитъ въ томъ, чтобы юнкеровъ, которые проводятъ зимніе мѣсяцы въ совершенной праздности, безъ всякаго надзора за ихъ нравственностью, въ деревняхъ, въ кругу солдатъ или поселянъ, въ городахъ — если не среди самаго низкаго, то среди наименѣе нравственнаго слоя общества, вывести изъ этой среды, подчинить ближайшему надзору высшаго начальства, давъ имъ вѣрное и примѣнимое къ будущей ихъ службѣ образованіе».

Мнѣніе графа Ридигера раздѣлялось графомъ Лидерсомъ, княземъ

Горчаковымъ, Данненбергомъ и другими извѣстными въ то время боевыми генералами, а равно профессорами военной академіи, въ то время подчиненной графу Ростовцеву. Неудовлетворительность способовъ образованія офицеровъ принималъ къ сердцу особенно профессоръ военной администраціи П. С. Лебедевъ, редакторъ «Русскаго Инвалида».

Между тѣмъ статьи „Военнаго Сборника", особенно талантливая статья „Изнанка крымской войны", дѣлали важныя разоблаченія и раскрывали глубокія язвы въ нашей администраціи. Въ то время каждый могъ говорить, что думалъ о причинахъ неудачъ крымской кампаніи. Разоблаченія періодической печати охватывали разныя стороны быта русскихъ войскъ въ минувшее царствованіе: системы содержанія, образованія войскъ, образованія офицеровъ и т. п.

Ридигеръ представилъ въ 1856 г. соображенія объ устройствѣ юнкерскихъ школъ, корпусныхъ и дивизіонныхъ, приблизительно на 3,000 юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Государь одобрилъ его проектъ и для начертанія „положенія о юнкерскихъ школахъ" повелѣлъ учредить комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого Ридигера; въ составъ комитета были назначены генералъ-адъютанты: Ростовцевъ, Катенинъ (дежурный генералъ), графъ Барановъ, генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ и свиты е. в. генералъ-маіоръ Милютинъ (въ то время уже оставившій профессорскую каѳедру въ военной академіи).

Но скоро умеръ графъ Ридигеръ; его предсѣдательское мѣсто занялъ генералъ-адъютантъ Плаутинъ; Д. А. Милютинъ вызванъ на Кавказъ. Труды комитета, въ которомъ дѣятельное участіе принималъ также и графъ Ламбертъ (назначенный впослѣдствіи въ Варшаву), выразились тѣмъ, что составленный проектъ былъ представленъ военному министерству 20 мая 1857 года, для внесенія въ военный совѣтъ, который, на случай открытія училищъ, опредѣлилъ вносить въ смѣту по коммисаріатскому департаменту изъ остатковъ 200,000 р.

Проектъ, однако, подлежалъ предварительному разсмотрѣнію начальника главнаго штаба его величества по военно-учебнымъ заведеніямъ Ростовцева, который, а равно какъ и Герштенцвейгъ, назначенный дежурнымъ генераломъ на мѣсто Катенина, представляли болѣе или менѣе существенныя препятствія, дѣлали затрудненія и на нѣсколько лѣтъ похоронили дѣло объ устройствѣ училищъ.

II.

Обратимся къ другимъ фактамъ, которые не могли остаться безъ вліянія на принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ реформѣ военно-учебной части въ Россіи.

Въ тридцатыхъ годахъ надѣялись улучшить комплектованіе арміи офицерами посредствомъ развитія военно-воспитательныхъ заведеній для малолѣтнихъ дворянъ. Съ этою цѣлью были открыты послѣдовательно новые корпуса въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ—въ Полоцкѣ, Полтавѣ, Брестѣ, Орлѣ, Воронежѣ. Открытіе корпусовъ происходило въ присутствіи Я. И. Ростовцева, который, какъ видно изъ его писемъ къ великому князю Михаилу Павловичу, велъ переговоры съ предводителями и другими именитыми дворянами, стараясь вызвать пожертвованія дворянства въ подмогу значительныхъ затратъ государственной казны на ихъ устройство.

Въ теченіе 30 лѣтъ, съ 1825 по 1855 г., изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ въ офицеры выпущено было въ сложности 17,754 человѣка, т. е. среднимъ числомъ ежегодно до 575 человѣкъ. Въ послѣднія 15 лѣтъ, съ 1841 по 1855 г., на содержаніе кадетскихъ корпусовъ употреблено было болѣе 37 милл. рублей и въ офицеры выпущено 8,795 чел. (въ годъ по 585 чел.).

При полномъ своемъ развитіи, военно-учебныя заведенія (съ 8,400 воспитанниковъ) могли выпускать въ офицеры не болѣе 600 человѣкъ. Образованіе одного кадета еще 1835 г., по исчисленію Ростовцева, стоило въ годъ 800 руб. ассигн. [1]). Въ сороковыхъ годахъ воспитаніе каждаго офицера, выпущеннаго изъ корпуса, обходилось государству свыше 4,500 р., а съ процентомъ стоимости зданій расходы на содержаніе и образованіе каждаго офицера доходили до 6,000 руб. сер., а впослѣдствіи еще болѣе, до 8 и даже 9 тысячъ, если исключить выпускаемыхъ въ гарнизоны, къ гражданскимъ дѣламъ и юнкерами.

Изъ числа 17,754 человѣкъ, выпущенныхъ въ офицеры изъ корпусовъ, по среднему выводу ежегодно назначалось на сто: въ гвардію 16, въ артиллерію, саперы, инженеры 24, въ армію (въ грена-

---

[1]) Такъ, въ письмѣ 3 іюля 1835 г., по поводу пожертвованій дворянства Витебской губерн., которое принимало на свой счетъ содержаніе 12 кадетъ въ Полоцкомъ корпусѣ (каждый уѣздъ по одному), онъ говоритъ: „если примѣру сему послѣдуютъ дворянства и другихъ губерній, то число таковыхъ воспит. можетъ усилиться до 50, что правительству сдѣлаетъ до 40,000 р. (ассигн.) выгоды въ годъ.

дерскій и армейскіе корпуса, въ пѣхоту и въ кавалерію) 38, въ линейные батальоны болѣе 6, въ корпусъ внутренней стражи (въ гарнизонъ) болѣе 14, въ казачьи войска менѣе 3.

Замѣтимъ, что изъ числа назначенныхъ въ армію лучшіе кадеты въ послѣдніе годы шли въ стрѣлковые батальоны (съ 1841 года) и въ гренадерскій корпусъ; наоборотъ, въ гарнизонъ и линейные батальоны назначались большею частью лѣнивые и неудачные по выпуску, что ежегодно по слабости здоровья уходило до 20 челов. на службу гражданскую и что неопредѣленное число взрослыхъ кадетъ за дурное поведеніе ссылалось въ полки юнкерами [1]).

Въ сороковыхъ годахъ, когда кадетскіе корпуса были въ полной силѣ, главный контингентъ, служившій для пополненія офицерскихъ вакансій въ армейской пѣхотѣ, составляли подпрапорщики или юнкера (сыновья потомственныхъ дворянъ) и унтеръ-офицеры изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся (сыновья личныхъ дворянъ, потомственныхъ и почетныхъ гражданъ, священно-и церковнослужителей и другихъ разночинцевъ).

Общее число такихъ лицъ, по десятилѣтней сложности съ 1833 по 1844 г., въ войскахъ пѣхоты и конницы, въ линейныхъ и гарнизонныхъ батальонахъ, достигало постоянно среднимъ числомъ до 4,600 чел., а именно: юнкеровъ 2,190 и унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся 2,470 чел. [2]).

Увеличеніе кадетскихъ корпусовъ нисколько не уменьшило наплыва вольноопредѣляющихся въ нашей арміи. Такъ, въ 1852 г., юнкеровъ и вольноопредѣляющихся во всѣхъ частяхъ арміи (т. е. за исключеніемъ гвардіи, артиллеріи и саперъ) состояло 4,409 чел. Въ теченіе войны въ 1853, 1854 и 1855 гг. поступило вновь въ ряды одной только арміи болѣе 10,000, а затѣмъ, по окончаніи войны, вслѣдствіе производства въ офицеры 7,931 чел., находилось на службѣ 6,190 человѣкъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ восточной войны, когда стали развиваться желѣзныя дороги, телеграфы и разныя частныя предпріятія—

---

[1]) Данныя эти основаны на отчетахъ бывшаго штаба военно-учебныхъ заведеній.

[2]) Мы могли бы представить данныя о числѣ вольноопредѣляющихся во всѣхъ корпусахъ арміи: гренадерскомъ, шести пѣхотныхъ, кавказскомъ и оренбургскомъ, въ линейныхъ батальонахъ: финляндскихъ, грузинскихъ, черноморскихъ и кавказскихъ, въ кавалерійскихъ дивизіяхъ, составлявшихъ резервную кавалерію, кирасирскихъ, драгунскихъ и уланскихъ.

Замѣтимъ только, что въ общемъ числѣ 4,600 чел. имѣлось въ пѣхотѣ 3,541 и въ кавалеріи 1,119 чел. Свѣдѣнія бывшаго инспект. департ.

стали ощущать недостатокъ офицеровъ въ полкахъ, вслѣдствіе оставленія рядовъ арміи, преимущественно изъ числа воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

На укомплектованіе открывавшихся вакансій въ мирное время на всю армію, въ которой числилось до 30,000 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, требовалось отъ 2-хъ до $2^1/_2$ тысячъ; въ то число кадетскіе корпуса могли давать ежегодно не болѣе $^1/_6$ доли, но изъ этой доли только одна треть съ небольшимъ направлялась въ армейскую пѣхоту и конницу, между тѣмъ какъ болѣе $^2/_5$ шло въ гвардію и спеціальные роды войскъ; наконецъ, окончившіе курсъ слабо и за неодобрительное поведеніе обращались въ линейные батальоны и гарнизоны.

Какъ слабо было вліяніе кадетскихъ корпусовъ, на улучшеніе состава армейскихъ частей, слѣдуетъ сказать, что въ этихъ частяхъ (кромѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ) офицеры изъ кадетъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ составляли не болѣе 12% въ пѣхотныхъ и 25% въ конныхъ, между тѣмъ какъ число офицеровъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся достигало въ армейской пѣхотѣ 80% ($^4/_5$), въ армейской кавалеріи 66% ($^2/_3$).

Была еще третья категорія офицеровъ—это офицеры, произведенные за выслугу лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи (12 лѣтъ), или за отличіе. Въ офицеры этой категоріи попадали, большею частью, воспитанники баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, выпускаемые на службу унтеръ-офицерами или писарями. Офицерами „изъ бурбоновъ", какъ тогда ихъ называли, дорожили начальники войскъ, поручая имъ нестроевыя команды или вообще мѣста хлѣбныя. По понятіямъ того времени о военномъ хозяйствѣ, были особенно полезны люди подобнаго закала: они умѣли прятать концы и очень хорошо понимали свои интересы. Нѣкоторые „бурбоны" въ арміи дѣлали карьеру не хуже родовитыхъ дворянъ, случайно попадавшихъ туда на службу или высылаемыхъ изъ гвардіи за какіе либо проступки. Число офицеровъ изъ нижнихъ чиновъ достигало въ пѣхотѣ 7% и въ кавалеріи 5% челов. Офицера изъ „бурбоновъ" легко было отличить отъ всей прочей массы армейскихъ офицеровъ, въ которой, однако, совершенно терялись офицеры изъ кадетъ. Первые жили особнякомъ и большею частью были въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ чинами полковаго штаба; напротивъ, офицеры изъ кадетъ, по своей неопытности, легко подчинялись вліянію господствующей среды въ полку. Въ званіи ротнаго командира не было никакой уже разницы между офицеромъ изъ юнкеровъ, не получившимъ почти никакого образованія, и офицеромъ изъ

кадетъ, на воспитаніе котораго государство дѣлало, однако, значительныя затраты. Молодой, неопытный юноша, прапорщикъ изъ кадетъ, не будучи вовсе знакомъ съ требованіями службы и практическими условіями жизни, съ первыхъ же дней дѣйствительной службы нуждался въ руководителѣ—дядькѣ и взводный унтеръ-офицеръ становился его „менторомъ“, училъ „барина“ отправленію караульной службы, въ которой только и заключалась въ то время дѣятельность субалтернаго офицера. Въ то время много говорилось также о неудобствахъ привиллегированныхъ офицеровъ, которые, являясь изъ гвардіи въ качествѣ командировъ полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ, тормазили движеніе по службѣ заслуженныхъ армейскихъ полковниковъ. По этому поводу въ шестидесятыхъ годахъ завязалась серіозная полемика, особенно въ „Военномъ Сборникѣ“. Дѣйствительно, вся тяжесть восточной войны лежала на арміи.

Въ то время, когда Россія напрягала всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы для борьбы съ врагами, когда для защиты угрожаемыхъ границъ государства, даже на отдаленномъ востокѣ, нужно было выставить болѣе милліона штыковъ, на укомплектованіе офицерскихъ вакансій, въ три года, поступило:

	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.	Итого.	Среднiй % въ три года.
Произведенныхъ изъ воспитанниковъ кадетск. корпусовъ	690	710	688	2,148	18,7%
Произведенныхъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся	1,525	2,806	3,600	7,931	69,2%
Произведенныхъ изъ нижнихъ чиновъ (фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ)	—	—	—	1.383	12,1%

Всего . . . . . 11,462 человѣка во всѣ роды войскъ;

но въ армейскія части, въ линейные и гарнизонные баталіоны произведено было въ офицеры: изъ кадетскихъ корпусовъ — 862 (въ годъ по 287 чел.), изъ юнкеровъ же и вольноопредѣляющихся — 7,183 (въ годъ по 2,394 чел.). Другими словами, въ каждой сотнѣ произведенныхъ въ офицеры для укомплектованія открывавшихся армейскихъ вакансій приходилось: изъ кадетъ—10 чел., изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся—90 чел. Образованіе первыхъ стоило государству въ сложности болѣе 8 тысячъ каждаго, образованіе послѣднихъ, большею

частью прерванное или недоконченное, трудно было даже и опредѣлить въ цифрахъ. Такія данныя краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій объясняютъ поводы къ реформѣ военно-учебной части въ Россіи и оправдываютъ настоятельныя представленія наиболѣе компетентныхъ въ боевомъ дѣлѣ генераловъ.

Но вотъ еще фактъ, который нельзя оставить безъ вниманія. Главнокомандующій первою арміею князь Горчаковъ, представляя государю необходимость неотлагательнаго принятія мѣръ для правильнаго устройства въ войскахъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, писалъ слѣдующее во всеподданнѣйшей докладной запискѣ 8-го (20-го) октября 1860 года: «Военно-учебныя заведенія почти не даютъ офицеровъ въ армію: изъ 895 воспитанниковъ, въ нынѣшнемъ году изъ кадетскихъ корпусовъ (и спеціальныхъ училищъ), назначено въ армейскіе полки только 19. Поэтому крайне трудно выбирать адъютантовъ, квартермистровъ, казначеевъ». Были полки, въ которыхъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ не было ни одного офицера, или же ихъ было въ полку не болѣе двухъ—трехъ на 60 человѣкъ!

Въ массѣ молодыхъ людей, служившихъ главнымъ, можно сказать, естественнымъ источникомъ для формированія армейскихъ офицеровъ, находилось до 85% дворянъ, которые нигдѣ не оканчивали учебнаго курса или получали кое-какое домашнее образованіе отъ случайныхъ учителей и гувернёровъ. Учебныя заведенія, выключеніемъ неудачниковъ, создали цѣлый классъ недоучекъ, воспитаніе многихъ изъ которыхъ было прервано въ 13—14 лѣтъ; не малое число отпадало отъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе бѣдности родителей, не имѣвшихъ никакихъ средствъ для завершенія ихъ дѣтьми едва начатаго курса образованія. Куда дѣться родителямъ съ неудачникомъ и недоучкою куда направить недоросля, лишеннаго возможности или средствъ получать образованіе? Отвѣтъ былъ простъ: отдать въ юнкера. Это было лучшимъ выходомъ для дворянина, избалованнаго жизнью, отвыкшаго отъ всякаго умственнаго труда, а между тѣмъ не привычнаго къ труду простому, физическому. Пока былъ даровой трудъ крѣпостныхъ, мелкопомѣстный дворянинъ кое-какъ прокармливалъ свою семью, но послѣ 1861 года положеніе тысячи дворянъ-помѣщиковъ, имѣвшихъ на своихъ рукахъ взрослыхъ недоучекъ, становилось крайне тяжелымъ, безвыходнымъ, и единственнымъ выходомъ являлась военная служба.

Въ военную армейскую службу съ давнихъ поръ направляли дѣтей своихъ обѣднѣвшіе дворяне Россіи и Царства Польскаго; только въ исключительныхъ случаяхъ вольноопредѣляющимися въ армію поступали дѣти зажиточныхъ дворянъ и богатыхъ купцовъ, когда уже, за всѣми испытанными лазейками и по недостатку образованія, некуда

было дѣваться. И для неимущихъ неучей, и для избалованныхъ «маменькиныхъ сынковъ» военная служба представляла вѣрный и легчайшій способъ стать на хорошую, а то и на завидную дорогу.

Къ пестрой массѣ сыновей титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянъ, генеральскихъ избалованныхъ сынковъ, да кадетъ, исключенныхъ за дурное поведеніе, нужно присоединить незначительное число дѣтей разныхъ другихъ сословій съ правами четырехъ и шестилѣтней службы въ нижнемъ чинѣ, до производства въ офицеры.

Полковая жизнь не вносила въ среду этой молодежи, безвременно оторванной отъ науки и привычной къ разгулу и бездѣлью, ни образованія, ни военнаго воспитанія. Въ полкахъ не въ состояніи были занимать чѣмъ-либо умъ юнкеровъ, да и не имѣли средствъ для того, чтобы удерживать массу молодыхъ людей съ превратными наклонностями, легкомысленныхъ шалуновъ или совершенно облѣнившихся отъ бездѣлія и праздной жизни.

И что могъ бы сдѣлать полковой командиръ съ людьми, пріобрѣтавшими еще до поступленія въ военную службу превратныя умственныя понятія, съ людьми, частью уже изломанными жизнью, или же съ такими нравственными уклоненіями, съ какими не могла справляться ни семья, ни правильно устроенное воспитательное заведеніе... Родители и опекуны толкали несчастныхъ сыновей своихъ въ юнкера, пусть, молъ, служитъ офицеромъ, тамъ его исправятъ! Между тѣмъ, при отсутствіи дѣйствительнаго наблюденія за вольноопредѣляющимися въ армейскихъ полкахъ, пускались въ ходъ угрозы и наказанія; но такія отрицательныя мѣры, при отсутствіи положительныхъ, никогда не поднимутъ душевныхъ силъ. Каждый человѣкъ на что-либо да употребляетъ свои силы, а если мы не позаботимся употреблять ихъ на хорошее дѣло, то онѣ грубѣютъ и еще сильнѣе втягиваютъ насъ въ болотную тину.

Единственнымъ стимуломъ для поднятія образованія юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, казалось, былъ экзаменъ на производство въ офицеры по такъ называемой программѣ 6-го мая 1844 года, отъ котораго освобождались только имѣвшіе аттестатъ объ окончаніи гимназическаго курса. Послѣдніе производились въ прапорщики или корнеты безъ экзамена по прослуженіи одного года. Но юнкеровъ одногодниковъ служило столь ограниченное число въ арміи, что на этомъ вопросѣ не стоитъ и останавливаться. Мы говоримъ о юнкерахъ-дворянахъ, служившихъ на двухъ-лѣтнемъ правѣ, которые обязаны были подвергаться экзамену изъ нѣкоторыхъ предметовъ, въ объемѣ курса уѣздныхъ училищъ, съ присоединеніемъ устава о строевой службѣ (не далѣе баталіоннаго ученія въ пѣхотѣ и полковаго—

въ кавалеріи). Замѣтимъ, что эта программа 1844 г. не требовала отъ будущихъ офицеровъ ни знанія гарнизонной (караульной) службы, ни знакомства, хотя бы элементарнаго, съ тактикой, фортификаціей и топографіей. Таковы были принципы линейной тактики въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ; эти принципы пошатнулись только послѣ тяжкихъ, кровавыхъ уроковъ Восточной войны. До этой войны полагали, что для стройнаго движенія массы въ линіяхъ колоннъ или развернутымъ фронтомъ, отъ офицера нужно требовать только одного—знанія фронта и повиновенія командѣ для стройнаго движенія массою. Здѣсь приходятъ невольно на умъ положенія «о волонтёрахъ» Петра Великаго, который, въ своемъ Уставѣ 1716 года, рекомендовалъ производить въ офицеры вольноопредѣляющихся, свѣдущихъ въ военныхъ наукахъ и аттестованныхъ во всѣхъ отношеніяхъ достойными носить офицерское званіе. «Ежели волонтёры не токмо въ военныхъ экзерциціяхъ при кавалеріи и инфантеріи, но и въ прочихъ военныхъ наукахъ, а особливо въ артиллеріи и фортификаціи, обучены, то толь лучше еще могутъ при нѣкоторыхъ акціяхъ въ томъ себя оказать и отъ другихъ, которые въ такихъ наукахъ неискусны, отмѣниться, и скорѣе чинъ получить». И еще: «Однако жъ, потребно есть, чтобъ оные себя честно, трезво, умѣренно, учтиво и храбро вели и поступали: понеже изъ ихъ добровольныхъ, а непонужденныхъ дѣлъ и поступка легко разсудить, какую пользу и плодъ при будущемъ повышеніи отъ его службы уповать можно».

Можетъ быть, это слишкомъ старо! Во всякомъ случаѣ уроки прошедшаго у насъ, какъ видно, забывали... Программѣ 1844 года большинство вольноопредѣляющихся удовлетворить не могли; экзамены при корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ обращались въ пустую формальность; въ штабѣ выдавались фиктивныя аттестаціи съ удовлетворительными отмѣтками завѣдомымъ невѣждамъ. И могло ли быть иначе, не смотря на строгіе циркуляры инспекторскаго департамента. Ихъ обыкновенно клали подъ сукно, когда являлась нужда въ пополненіи открывавшихся въ полкахъ штатныхъ офицерскихъ вакансій. Поэтому всякая кампанія обращала эти циркуляры въ мертвую букву. Кто изъ офицеровъ генеральнаго штаба, обязанныхъ производить экзамены въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ оберъ-квартирмейстера корпуса, не знакомъ съ этою, тягостною для нравственнаго чувства, формальностью. Подписывать экзаменный листъ юнкеру N, не знающему даже грамоты, приходилось скрѣпя сердце, и это было въ первые года послѣ Восточной войны, которую мы и проиграли по своему невѣжеству. На подобное послабленіе военное начальство давно привыкло смотрѣть сквозь пальцы, лишь бы соблюдены были формальности на бумагѣ.

Послѣ войны съ венграми, прославившей русское оружіе, къ военному дѣлу стали относиться въ арміи спустя рукава, съ нѣкоторою даже самоувѣренностью. Внѣшняя сторона въ строю казалась блистательною, но внутри его все проржавѣло.

И въ голову никому тогда не приходило обучать взрослыхъ недорослей военному дѣлу, да и зачѣмъ ихъ обучать, когда они такъ хорошо знали ружейные пріемы и имѣли нужныя снаровки для движенія развернутымъ баталіономъ. Качество офицера мѣрилось, странно сказать, не чѣмъ инымъ, какъ выслугою опредѣленнаго числа лѣтъ въ нижнемъ чинѣ; поэтому въ офицеры легко попадали унтеръ-офицеры, бывшіе воспитанники баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, рѣже—сданные по рекрутскому набору. А въ иномъ полку столбовой дворянинъ засаживался на вѣкъ юнкеромъ. Только немногіе прозорливые и опытные боевые начальники (напримѣръ, графъ Ридигеръ, командовавшій третьимъ корпусомъ въ Венгерскую войну, Данненбергъ—4-мъ, Лидерсъ—5-мъ и другіе) думали иначе: они пытались установить въ полкахъ сборныя команды юнкеровъ, чтобы не только обучать ихъ строю, но и занимать тѣми науками, какія нужны военному человѣку, будущему офицеру. Они мечтали воскресить «юнкерскія школы», на подобіе бывшихъ когда-то при штабахъ 1-й и 2-й армій, въ Тульчинѣ и Могилевѣ на Днѣстрѣ, и производить въ офицеры не иначе, какъ окончившихъ курсъ этихъ школъ.

Однако, юнкерскимъ командамъ, устроеннымъ на скорую руку передъ Венгерскою войною, не посчастливилось: то выходила непріятная исторія, то разбивали публичный домъ, то являлся неожиданно какой-либо скандалъ. Послѣ Венгерской войны кое-кто изъ начальниковъ подумывалъ о возобновленіи сбора юнкеровъ въ полковыя команды. Но тутъ возникали вопросы: на какія средства содержать эти команды? гдѣ взять учителей? кому поручить надзоръ за ними? Эти вопросы требовали серіознаго размышленія, а содержаніе команды на счетъ экономическихъ суммъ полковъ не могло нравиться въ то время, когда всякая экономія была на счету у командира полка. Порядочныхъ учителей не было даже въ гимназіяхъ. Да и зачѣмъ учить, когда и безъ науки бьемъ враговъ и въ Венгріи, и на Кавказѣ? Такъ разсуждали тогда не только армейскіе генералы, но и болѣе высокопоставленные начальники. При такихъ условіяхъ наступила въ 1853 г. Восточная война.

III.

Пока «комитетскій проектъ» о юнкерскихъ школахъ съ 1858 г. лежалъ подъ сукномъ, а въ смѣты военнаго министерства вписалась сумма въ 200,000 руб. къ условному отпуску на случай открытія училищъ (впрочемъ, совѣтъ министерства финансовъ исключилъ изъ бюджета на 1860 г. эти деньги, осенью 1859 г.), произошло слѣдующее: 1) школа подпрапорщиковъ 4-го корпуса въ Воронежѣ, открытая въ 1856 году, давала столь очевидные результаты, что по ея образцу начали устраивать, съ 1860 года, юнкерскія школы въ корпусахъ 1-й арміи и даже въ нѣкоторыхъ дивизіяхъ. 2) Константиновскій кадетскій корпусъ, 14-го мая 1859 года, переименованъ въ военное училище, а кадеты и экстерны (приходящіе) названы «юнкерами», состоящими на дѣйствительной службѣ, съ обращеніемъ военнаго заведенія воспитательнаго—въ военное заведеніе служебное. Такъ различали тогда Константиновскій корпусъ отъ другихъ кадетскихъ корпусовъ.

Эти событія произошли до кончины Ростовцева, бывшаго тогда полнымъ хозяиномъ военно-учебнаго вѣдомства, къ которому военный министръ, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, имѣлъ лишь косвенное отношеніе.

Необходимо остановиться на такихъ важныхъ событіяхъ, случившихся за нѣсколько лѣтъ до начала общей военно-учебной реформы въ 1863 году, и спокойно обсудить ближайшіе поводы къ коренному перевороту всей военно-воспитательной системы.

Къ устройству училища подпрапорщиковъ 4-го корпуса приложили особенное стараніе корпусный командиръ баронъ Врангель, начальникъ штаба корпуса баронъ Дельвигъ и оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Вессель. Первому удалось исходатайствовать средства на вознагражденіе начальника школы (маіора Агламазова), трехъ строевыхъ офицеровъ и преподавателей, изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, а равно на обзаведеніе учебниками и учебными пособіями и убѣдить воронежскаго губернатора объ отведеніи подъ училище отъ города приличнаго помѣщенія, съ платою изъ суммъ квартирной комиссіи по 1,400 руб. с. въ годъ. Полковникъ Вессель, въ качествѣ инспектора училища, установилъ учебную часть, составилъ программы, выбралъ учебники и назначилъ преподавателей, отличавшихся любовью къ дѣлу. Въ двухъ классахъ преподавались общіе и военные предметы: Законъ Божій, русская словесность, алгебра и геометрія; географія и исторія проходились почти въ объемѣ старшихъ двухъ классовъ общаго курса кадетскаго корпуса. Военныя же науки—тактика, артиллерія, фортификація, топографія

съ ситуаціоннымъ черченіемъ и законовѣдѣніе, со включеніемъ военно-уголовныхъ законовъ и судопроизводства, преподавались въ объемѣ спеціальнаго курса кадетскаго корпуса, за исключеніемъ судопроизводства, которое не входило въ курсъ кадетскаго образованія. Такимъ образомъ, юнкера Воронежскаго училища въ два года должны были изучать почти то же самое, на что въ кадетскомъ корпусѣ употреблялось четыре года. Очевидно, что подобная постановка учебнаго курса была разсчитана на хорошо подготовленныхъ, наиболѣе талантливыхъ и способныхъ юношей. И первоначально въ училище принимались юнкера, хорошо подготовленные и наиболѣе способные.

Въ дѣйствительности-же, въ составѣ вольноопредѣляющихся всего корпуса было немного выдавшихся по своей подготовкѣ и способностямъ молодыхъ людей; познанія большинства не могли идти далѣе курса уѣзднаго училища или требованій программы 6-го мая 1844 г.

Лѣтомъ 1858 года Воронежское училище посѣтилъ генералъ-квартирмейстеръ баронъ Ливенъ, который произвелъ выпускнымъ испытаніе въ наукахъ и строевой службѣ и въ своемъ докладѣ, представленномъ 13-го августа военному министру Сухозанету, изложивъ весь ходъ учебныхъ и строевыхъ занятій, сочувственно отнесся къ благому начатію училища на пользу образованія армейскихъ офицеровъ и ходатайствовалъ о немедленномъ производствѣ въ офицеры успѣшно окончившихъ курсъ юнкеровъ, не стѣсняясь сроками выслуги на дѣйствительной службѣ, и притомъ исключительно въ войска 4-го корпуса. Ту же мысль въ своей запискѣ приводилъ графъ Ридигеръ еще ранѣе, въ 1856 году, и о томъ же представлялъ начальникъ штаба корпуса баронъ Дельвигъ въ 1858 году. Но пока существовали въ силѣ законоположенія о производствѣ по правамъ происхожденія, то есть не иначе, какъ по выслугѣ въ званіи нижнихъ чиновъ двухъ, четырехъ, шести и двѣнадцати лѣтъ, представленія барона Дельвига и ходатайство генералъ-квартирмейстера были отклоняемы. Генералъ Ростовцевъ въ этомъ усматривалъ нарушеніе привиллегіи корпусному образованію, генералъ Герштенцвейгъ видѣлъ обходъ буквы закона.

Дежурный генералъ, руководствуясь силою закона, даннаго въ сороковыхъ годахъ, въ своемъ рапортѣ командиру 4-го корпуса, отъ 24-го февраля 1859 года, писалъ слѣдующее: «относительно производства слѣдуетъ руководствоваться общими правилами; тѣ, которые при опредѣленіи на службу выдерживали въ наукахъ экзаменъ по программѣ (6-го мая 1844 года), приложенной къ 7 ст. V т. Св. Воен. Пост., по 5-му продолженію, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ, производятся въ офицеры за выслугу лѣтъ, если по поведенію, усердію къ службѣ и знанію фронта, будутъ того заслуживать; ибо хотя учрежденіе этого училища удостоено высочайшаго одобренія, но

дѣйствія, которымъ бы отмѣнены были установленные экзамены для производства дворянъ и вольноопредѣляющихся, по вышеупомянутой программѣ (т. е. 6-го мая, при корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ) не существуетъ, а равно и повелѣнія, воспрещающаго производство не выдержавшихъ экзаменъ въ юнкерскомъ училищѣ по программѣ, не послѣдовало».

Слѣдовательно, одинъ изъ органовъ военнаго министерства отрицалъ то, что другой органъ того же министерства, департаментъ генеральнаго штаба, считалъ необходимымъ: первый стоялъ на буквѣ закона, послѣдній указывалъ, что условія и обстоятельства службы въ арміи измѣнились и обратили этотъ законъ въ мертвую букву. Генералъ Ростовцевъ, между тѣмъ, продолжалъ отстаивать преимущества корпусовъ, полагая, что школы, подобныя Воронежской, убьютъ военно-учебныя заведенія.

Инспекторскій департаментъ вмѣстѣ съ штабомъ его выс. по военно-учебнымъ заведеніямъ, или лучше сказать, представители двухъ высшихъ установленій, Герштенцвейгъ и Ростовцевъ, дѣйствовали вопреки стремленію и департамента генеральнаго штаба, и лучшихъ представителей арміи, признававшихъ необходимость помогать войскамъ посредствомъ образованія юнкеровъ въ школахъ и неоднократно указывавшихъ на преимущества въ служебномъ отношеніи такихъ офицеровъ, даже передъ офицерами изъ кадетъ. На практикѣ, между тѣмъ, выходило, что окончившіе курсъ съ успѣхомъ юнкера и унтеръ-офицеры изъ дворянъ продолжали служить въ званіи нижняго чина, а сверстники ихъ, полные невѣжды, выпущенные за дурное поведеніе изъ корпусовъ, производились въ офицеры! Однако, и такое ненормальное положеніе вопроса о правахъ по выпуску окончившихъ курсъ въ училищѣ 4-го корпуса не препятствовало его процвѣтанью. Даже болѣе — оно стало образцомъ для учрежденія другихъ юнкерскихъ школъ въ войскахъ и, какъ увидимъ сейчасъ, косвенно послужило образцомъ для реформы Константиновскаго корпуса въ военное училище.

Положеніе объ «училищѣ подпрапорщиковъ 4-го корпуса» было напечатано при департаментѣ генеральнаго штаба въ 1860 г. и разослано для свѣдѣнія во всѣ части арміи, а вслѣдъ за симъ отъ главныхъ начальниковъ войскъ въ военное министерство стали поступать настоятельныя ходатайства объ учрежденіи подобныхъ-же училищъ. Ходатайство свое начальники подкрѣпляли указаніями на недостатокъ образованныхъ офицеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, на крайне тяжелое положеніе вольноопредѣляющихся въ войскахъ; нѣкоторые военные начальники въ своихъ представленіяхъ доказывали недостаточность практической подготовки въ строевомъ дѣлѣ тѣхъ немногихъ офицеровъ, изъ кадетъ, которые поступали въ армейскія части.

Мы уже сказали о всеподданнѣйшей докладной запискѣ князя Горчакова, главнокомандующаго 1-й арміей. Въ этой запискѣ онъ указывалъ на необходимость безотлагательнаго разрѣшенія устройства въ частяхъ ввѣренной ему арміи школъ двухъ категорій съ годичнымъ курсомъ: полковыхъ — для менѣе подготовленныхъ вольноопредѣляющихся, и дивизіонныхъ—для лицъ, прошедшихъ полковыя школы или окончившихъ курсъ гимназій, служившимъ на 6-ти мѣсячн. и годовомъ правѣ. Въ первыхъ школахъ, или командахъ, полагалось проходить общіе предметы по программѣ 6-го мая 1844 г.; въ дивизіонныхъ же школахъ—математику, начальныя основанія военныхъ наукъ (тактику, фортификацію, артиллерію или курсъ объ оружіи), топографію, дѣлопроизводство, придерживаясь программы училища 4-го корпуса. Въ то время въ 1-й арміи состояло 1,500 дворянъ и вольноопредѣляющихся, и для нихъ, по проекту князя Горчакова, полагалось устроить 36 полковыхъ (по 20 чел. въ каждой) и 9 дивизіонныхъ школъ (по 80 чел. въ каждой). На содержаніе всѣхъ школъ 1-й арміи съ 1,440 юнкеровъ требовалось 54,000 руб.

Нельзя не замѣтить, что программы, составленныя въ штабѣ 1-й арміи оберъ-квартирмейстеромъ Черницкимъ, ближе отвѣчали среднему уровню образованія юнкеровъ, чѣмъ программы 4-го корпуса, но самый проектъ устройства школъ, въ полкахъ и дивизіяхъ, оказался сложнымъ и неудобо-осуществимымъ. Особенно неудобна была раздробленность школъ по полкамъ и дивизіямъ. Представленію князя Горчакова данъ былъ надлежащій ходъ; но вмѣсто 45 полковыхъ и дивизіонныхъ школъ, на 1,440 обучающихся юнкеровъ, военное министерство полагало (въ апрѣлѣ 1860 г.) устроить три училища, при штабахъ 1, 2 и 3 армейскихъ корпусовъ, на 600 юнкеровъ (по 200 въ каждомъ), съ двухъ-лѣтнимъ курсомъ, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе каждаго корпуснаго училища, согласно положенію училища 4-го корпуса, опредѣлено было изъ остатковъ интендантства 1-й арміи по 13,500 р. Эти соображенія военнаго министра Сухозанета получили высочайшее разрѣшеніе (21 августа 1861 г.).

Занятія съ вольноопредѣляющимися, которыхъ на зиму собирали въ полкахъ въ 1-й арміи еще съ осени 1858 года, не получили желаемой военнымъ начальствомъ постановки; только въ нѣкоторыхъ полкахъ, благодаря особенному вниманію командировъ, въ занятіяхъ строевою службою и науками введена была надлежащая система. Юнкера занимались усердно и, не смотря на то, что многіе изъ нихъ, достигнувъ 25 лѣтъ и болѣе, отвыкли отъ умственной работы, оказывали хорошіе успѣхи, напримѣръ, какъ намъ извѣстно, въ Новоингерманландскомъ полку, расположенномъ въ гор. Вильнѣ, командиръ котораго,

полковникъ Насакинъ, старался сдѣлать что-либо для поднятія образованія юнкеровъ. Съ этою цѣлью юнкерамъ, въ зимніе мѣсяцы, преподавались элементарныя свѣдѣнія изъ тактики и фортификаціи, повторялись уставы и общіе предметы по программѣ 1844 г. Экзаменъ, произведенный юнкерамъ весною 1859 года, въ присутствіи начальника корпуснаго штаба Минквица, вызвалъ полное одобреніе.

По ходатайству главнокомандующаго 1-й арміей разрѣшено было открыть училище при штабахъ 1, 2 и 3 корпусовъ, по образцу воронежскаго училища, на 200 человѣкъ каждое, не ожидая высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ, въ исходѣ 1860 года появились корпусныя юнкерскія училища въ Вильнѣ, Новогеоргіевскѣ и Житомірѣ, о чемъ и дано знать военному министру 3 октября и 12 ноября 1860 г. Въ училищѣ должны были руководствоваться инструкціей главнокомандующаго (приложенной къ приказу военнаго министра 1 іюля 1860 г., № 131), которая предписывала — въ младшемъ классѣ преподавать общіе предметы, по программѣ 6 мая 1844 г., съ добавленіемъ Закона Божія; въ старшемъ классѣ проходить тѣ военные предметы, какіе преподавались въ училищѣ 4-го корпуса, съ замѣною артиллеріи курсомъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи. Для производства выпускныхъ экзаменовъ назначить особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала, по избранію главнокомандующимъ, изъ начальника штаба или оберъ-квартирмейстера и двухъ или трехъ офицеровъ генеральнаго штаба. Выдержавшихъ успѣшно экзаменъ и выслужившихъ срокъ службы, по происхожденію, производить не по старшинству выслуги лѣтъ, а въ порядкѣ старшинства суммы балловъ; но имѣющимъ знаки отличія военнаго ордена, раны и бывшимъ въ дѣлахъ отдавать старшинство противъ сверстниковъ.

Едва училища 1-й арміи открыли свои дѣйствія, какъ наступила польская смута, отраженія которой опасались въ Вильнѣ и Житомірѣ, поэтому училища 1 и 3 корпусовъ были закрыты; училище же 2-го корпуса переведено было изъ Новогеоргіевска сначала въ Ловичъ, а потомъ въ Варшаву, гдѣ оно и сохранилось подъ именемъ «юнкерскаго училища войскъ Царства Польскаго», и удержалось, можно сказать, случайно, до общаго рѣшенія вопроса о юнкерскихъ училищахъ при округахъ во всей арміи. Въ этомъ отношеніи особенную услугу, какъ кажется, оказалъ генералъ Черницкій.

Между тѣмъ общее передвиженіе войскъ 1-го резервнаго (бывшаго 4-го) корпуса изъ Воронежской губерніи въ Курскую для приближенія ихъ къ предѣламъ сѣверо-западныхъ губерній, лѣтомъ 1863 года, привело къ упраздненію и воронежскаго училища подпрапорщиковъ, не смотря на то, что, существуя 7 лѣтъ, оно успѣло получить хорошее устройство, подготовило для своего корпуса 219

офицеровъ, которыми въ войскахъ были весьма довольны, и стало, можно сказать, моделью для устройства подобныхъ учебно-служебныхъ заведеній въ Россіи. Ходомъ занятій и результатомъ этого училища заинтересовано было уже давно военное министерство.

Заступившему мѣсто умершаго въ 1862 году полковника Весселя, подполковнику Бобровскому предписано было, по ознакомленію съ положеніемъ учебной части и внутренняго порядка въ училищѣ, представить свои соображенія въ комиссію при инспекторскомъ департаментѣ. Новый оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго корпуса исходатайствовалъ разрѣшеніе начальника штаба, А. П. Никитина, понизить требованія по программѣ какъ общихъ, такъ равно и спеціальныхъ предметовъ [1]), и, воспретивъ подпрапорщикамъ, имѣвшимъ средства, жить на частныхъ квартирахъ, разрѣшить увольненіе со двора ежедневно не долѣе, какъ до вечерней зари, съ тѣмъ, чтобы всѣ юнкера обязательно ночевали въ училищѣ.

Лѣтомъ подпрапорщики, по обыкновенію, выступали въ свой лагерь, гдѣ обучались строю, гимнастикѣ, фехтованію, стрѣльбѣ въ цѣль, дѣланію патроновъ, разбивкою и постройкою полевыхъ укрѣпленій, глазомѣрною съемкою, примѣненію къ мѣстности и полевой службѣ. Но въ концѣ іюня 1863 года, вслѣдствіе передвиженія войскъ 1-го резервнаго корпуса въ Курскую губернію, какъ сказано, послѣдовало распоряженіе о закрытіи училища: юнкера были разосланы въ полки, имущество же училища сдано командиру батальона внутренней стражи, а библіотека оставлена при штабѣ и впослѣдствіи перевезена была въ Курскъ. Подробный отчетъ оберъ-квартирмейстера о состояніи воронежскаго училища (общія начала устройства, порядокъ занятій, начальствующія лица, власть ихъ по наложенію взысканій, права при выпускѣ, постановка учебной части, содержаніе юнкеровъ и хозяйство училища), представленный въ военное министерство, былъ впослѣдствіи напечатанъ въ «Военномъ Сборникѣ».

Послѣ восточной войны были открыты юнкерскія школы еще и при нѣкоторыхъ дивизіяхъ, также двухклассныя: въ младшемъ классѣ повторялись предметы, по программѣ 6-го мая, и уставы, а въ старшемъ преподавались военныя науки, стрѣлковое дѣло и уставы; лѣтомъ же юнкера производили съемку и разбивку укрѣпленій (таковыя

---

[1]) Въ составѣ учащихся юнкеровъ въ 1862—63 году въ воронежскомъ училищѣ находилось: неокончившихъ курсъ гимназій и семинарій 26,85%, вышедшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій (не далѣе 3-го класса), окончившихъ и неокончившихъ курса уѣздныхъ училищъ и получившихъ неудовлетворительное домашнее образованіе 48,54%, выписанныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ на различные сроки (отъ 2-хъ до 5 лѣтъ) по неуспѣхамъ или за дурное поведеніе 24,61%.

училища были: въ 16, 17 и 23 дивизіяхъ). Но эти школы были также закрыты при началѣ польской смуты, вслѣдствіе ожидаемаго передвиженія войскъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о «Военной школѣ въ Финляндіи», устроенной начальникомъ 21-й дивизіи Мандерштерномъ, съ цѣлью обученія русскому языку и военнымъ наукамъ на этомъ языкѣ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся финляндскихъ уроженцевъ. Она была открыта 6 декабря 1846 года на основаніи высочайше одобреннаго положенія 18 сентября 1845 года; впослѣдствіи, въ 1861 году, графъ Бергъ призналъ нужнымъ сдѣлать въ школѣ, названной «юнкерскимъ училищемъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ» (положеніе 6 мая 1861 г.), замѣтныя улучшенія, и исходатайствовать на содержаніе училища, въ подкрѣпленіе къ штатнымъ суммамъ, ежегодную субсидію отъ военнаго министерства на сумму въ 3,000 руб.

Въ теченіе 15 лѣтъ (съ 1848 по 1862 г.) финляндское училище подготовило болѣе 200 офицеровъ. Въ немъ были допущены и пансіонеры, дѣти мѣстныхъ чиновниковъ, русскіе уроженцы. На содержаніе училища расходовалось среднимъ числомъ до 7,000 руб., такъ что образованіе каждаго юнкера стоило въ годъ менѣе 100 рублей (98 р. 93$^4/_5$ коп.), кромѣ провіанта, отпускавшагося въ натурѣ отъ казны, и помѣщенія, даннаго городомъ Гельсингфорсомъ.

Итакъ, до начала общей реформы военно-учебныхъ заведеній, почти во всѣхъ частяхъ арміи были уже устроены или намѣчены къ устройству учебныя заведенія. Изъ всѣхъ этихъ школъ—училище 1-го резервнаго (бывшаго 4-го) корпуса въ Воронежѣ было заведеніемъ уже достаточно благоустроеннымъ и результаты этого училища за 7 лѣтъ были извѣстны комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ графа Сиверса, съ цѣлью устройства училищъ. Въ арміи, стало быть, послѣ окончанія восточной крымской войны, какъ бы сами собою, подъ вліяніемъ насущной потребности, возникли училища подъ различными названіями и имѣвшія не одинаковый составъ предметовъ обученія, условныя средства для содержанія, но одну и ту же общую цѣль—образованіе строевыхъ офицеровъ изъ среды подпрапорщиковъ, юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся, между которыми большинство были потомственные дворяне, или недоучки, или неудачники.

ВЪ ВИДУ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

Замѣтки дипломата при петербургскомъ и лондонскомъ дворахъ

1852—1855.

Въ 1886 году изданы въ Штутгардтѣ воспоминанія графа Фицтума-фонъ-Экштедта, бывшаго, въ 1852 году, саксонскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, а потомъ назначеннаго посланникомъ въ Лондонъ.

Записки эти явились подъ заглавіемъ: «St.-Petersburg und London in den Jahren 1852—64». Начало ихъ относится къ одному изъ интереснѣйшихъ моментовъ царствованія императора Николая Павловича (преддверію Крымской войны) и представляютъ новыя данныя для характеристики какъ самого государя, такъ и приближенныхъ къ нему лицъ изъ высшаго петербургскаго общества того времени.

Хотя графъ Фицтумъ къ нѣкоторымъ вещамъ относится съ своей, «иностранной», точки зрѣнія и обнаруживаетъ, въ иныхъ случаяхъ, непониманіе русской жизни, тѣмъ не менѣе, записки его, изложенныя весьма объективно, заслуживаютъ вниманія и представляютъ не мало страницъ, занимательныхъ для русскаго читателя.

Вслѣдствіе сего, мы представляемъ здѣсь извлеченія изъ этихъ записокъ, касающіяся пребыванія гр. Фицтума въ Россіи (куда онъ пріѣхалъ въ началѣ іюня 1852 года); что касается до послѣдующихъ его воспоминаній, мы извлечемъ изъ нихъ лишь то, что непосредственно касается нашего отечества и политическаго положенія дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I.

I.

Въѣздъ въ Петербургъ по величественной Невѣ, въ тотъ часъ, когда золотой куполъ Исаакіевскаго собора ярко просвѣчиваетъ сквозь утренній туманъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто внушительное. Первое впечатлѣніе вскорѣ, однако, исчезаетъ, потому что Петербургъ, съ его обширными, но пустынными площадями, съ его безконечными, широкими, но безлюдными, сравнительно съ Парижемъ и Лондономъ, улицами—носитъ на себѣ или тогда носилъ (по крайней мѣрѣ, лѣтомъ) отпечатокъ провинціальнаго города. Въ этомъ морѣ домовъ, выдвинутыхъ изъ бездонной топи волею могучаго властителя, видишь сейчасъ же, что здѣсь и почва и человѣческая жизнь не имѣютъ той же цѣнности, какъ въ болѣе древнихъ и естественно-разросшихся большихъ городахъ. Подобно тому, какъ импровизированнымъ центральнымъ пунктамъ Австраліи и Америки, такъ и русской столицѣ не достаетъ историческаго освященія, такъ что, вопреки всему, сдѣланному для Петербурга Петромъ I и Екатериною II, вполнѣ понимаешь, что русскіе стараго закала признаютъ Москву за единственную и настоящую столицу государства.

Въ самый день моего прибытія я, между прочимъ, познакомился съ личностію, которая вскорѣ послѣ того пріобрѣла большую извѣстность. То былъ морской министръ, генералъ-адъютантъ князь А. С. Меншиковъ—человѣкъ уже престарѣлый, благообразный, высокаго роста и отмѣнно вѣжливый; на губахъ его играла та саркастическая улыбка, которою онъ обыкновенно сопровождалъ свои знаменитыя остроты. Князь принадлежалъ къ числу немногихъ лицъ, которыя пользовались полнымъ довѣріемъ императора Николая и осмѣливались все высказывать ему. Дѣлать это, конечно, нужно было осмотрительно и пилюлю правды подслащать шуткою. Въ этомъ искусствѣ князь Меншиковъ не имѣлъ себѣ равнаго.

Разсказываютъ, будто однажды понадобилось обратить вниманіе государя на злоупотребленія, позволяемыя себѣ нѣкіимъ сановникомъ, пользовавшимся его высочайшею милостію и игравшимъ важную роль въ управленіи московскою желѣзною дорогою. Меншиковъ принялъ на себя неблагодарную задачу раскрыть глаза монарху. Въ одно изъ воскресеній, послѣ развода, князь явился во дворецъ въ полной парадной формѣ, украшенный всѣми орденами. На вопросъ государя, откуда онъ явился, Меншиковъ отвѣчалъ: «я изъ Исакіевскаго собора; тамъ случилось со мною нѣчто, чрезвычайное. Подошелъ я исповѣдоваться къ одному вовсе мнѣ незнакомому священнику; а онъ мнѣ вдругъ шепчетъ на ухо: «ваше отпущеніе ни къ чему не послужитъ, если вы не откроете мнѣ всѣхъ грѣховъ вашихъ; вѣдь вы важный сановникъ, и на совѣсти у васъ лежатъ, вѣроятно, сомнительныя дѣла. Подумайте, что если

вы безнаказаннымъ ходите передъ людьми, то Богъ видитъ всякій подлогъ, который вы можете сдѣлать». Не считаю нужнымъ докладывать вашему величеству, съ какимъ негодованіемъ отвергъ я подобное подозрѣніе. Священникъ покачалъ головою, однако отпущеніе мнѣ далъ, и я причастился. Когда, по окончаніи службы, я сталъ выходить изъ церкви, духовникъ мой палъ предо мною на колѣни, говоря: «простите меня!—въ потемкахъ я принялъ васъ за другаго: мнѣ показалось, что вы генералъ N».

«Какъ!—и онъ тоже?» вскричалъ государь, засмѣявшись. Однако, было наряжено слѣдствіе, которымъ вполнѣ подтвердились подозрѣнія священника, и генералъ N лишился своего доходнаго мѣстечка.

При хорошо всѣмъ извѣстной продажности, царившей въ высшихъ сферахъ администраціи, понятнымъ было то довѣріе, коимъ императоръ Николай дарилъ немногихъ людей, у которыхъ руки были чисты. Въ числѣ ихъ, на первомъ планѣ стояли Меншиковъ и Ал. Ѳед. Орловъ.

Въ то время Петербургъ не имѣлъ ни желѣзнодорожныхъ, ни электрическихъ сообщеній съ иностранными государствами. Поэтому дипломатическій корпусъ былъ какъ бы отрѣзанъ отъ всемірныхъ международныхъ сношеній. Между всѣми представителями иноземныхъ дворовъ, прусскій посланникъ, генералъ-лейтенантъ Роховъ, считался за наиболѣе знающаго и наиболѣе вліятельнаго. Роховъ не обладалъ крупными государственными способностями, но былъ человѣкъ добродушный, общительный, всецѣло принадлежалъ старой школѣ и такъ сжился съ идеями императора Николая, что послѣдній охотно разговаривалъ съ нимъ, часто вслухъ предъ нимъ выражалъ свои мысли и показывалъ ему болѣе довѣрія, нежели своимъ собственнымъ министрамъ. Нерѣдко случалось, что государь сообщалъ прусскому посланнику какія либо важныя политическія рѣшенія, о которыхъ графъ Нессельроде ничего не зналъ, и Рохову приходилось просить дозволеніе—въ интересахъ дѣла—сообщить о томъ г. государственному канцлеру. Этотъ странный порядокъ веденія дѣлъ даетъ характеристическое указаніе на положеніе министра иностранныхъ дѣлъ въ то время.

Графъ Нессельроде, довѣренное лицо импер. Александра I, пріятель Меттерниха, одинъ изъ подписавшихъ вѣнскій трактатъ 1815 г., государственный человѣкъ, котораго за границею считали душою русской политики—былъ, въ глазахъ государя, не болѣе, какъ чиновникъ, которому онъ оказывалъ довѣріе лишь настолько, насколько считалъ это потребнымъ для дѣлъ. Но и въ средѣ петербургскаго общества, пріятность обращенія и высокое служебное положеніе графа не могли заставить забыть, что онъ былъ сынъ иностранца и не принадлежалъ православной церкви. Рожденный на англійскомъ военномъ кораблѣ, крещенный по англиканскому обряду, графъ никогда и не думалъ измѣнять своему вѣроисповѣданію и исправно посѣщалъ англиканскую церковь. Подчиненные его очень любили; на службѣ онъ былъ строгъ, но общителенъ;

особенную важность придавалъ ясному и изящному изложенію бумагъ. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ канцеляріи завидуютъ ему и его вѣрному Лабенскому — главному редактору бумагъ. Дѣломъ редакціи и самъ онъ любилъ заниматься, при чемъ терялъ много времени на тщательную отдѣлку своихъ докладовъ.

Занятіями этими онъ, однако, не отвлекался отъ своихъ оранжерей на Аптекарскомъ острову, особенно въ пору расцвѣтанія камелій. Цвѣты и музыку онъ любилъ страстно; къ женскому полу имѣлъ склонность до глубокой старости.

Однажды,—въ самую пору расцвѣтанія камелій,—маленькій человѣчекъ этотъ, съ своими большими очками на носу, уже сидѣлъ въ саняхъ, собираясь ѣхать изъ оранжерей домой, какъ вдругъ явился къ нему фельдъегерь съ депешами. Нессельроде взялъ ихъ и велѣлъ призвать Лабенскаго. Когда тотъ прибылъ въ оранжереи, канцлеръ успѣлъ уже прочесть депеши, заключавшія въ себѣ первыя извѣстія о февральской революціи 1848 г. въ Парижѣ. Онъ стоялъ передъ группою ярко-красныхъ камелій и, указывая на нихъ, сказалъ Лабенскому: «такой видъ представляетъ теперь Парижъ; тамъ провозглашена республика».

Нессельроде хвалился тѣмъ, что у него въ мозгу находится нѣсколько вѣеровъ, которыхъ онъ, по своей прихоти, можетъ раскрывать или складывать: такъ, онъ могъ временно забывать все, дабы устремить полную силу своего ума на изслѣдованіе вопроса, предлежавшаго ему въ данную минуту. Эта способность сосредоточиваться помогала ему справляться съ массою налегавшихъ на него крупныхъ и мелкихъ дѣлъ. Творческимъ умомъ онъ не обладалъ; но умѣлъ пользоваться чужими мыслями и уяснять ихъ. Здравостію его сужденій и способностію къ упорной, неутомимой дѣятельности объясняется то, что онъ успѣлъ удержаться въ своемъ положеніи въ продолженіи трехъ царствованій. Съ особенною гибкостію умѣлъ онъ примѣняться и къ обстоятельствамъ, и къ расположенію духа государей. Этимъ объясняются и тѣ противорѣчія, которыя, какъ говорятъ, встрѣчаются мѣстами въ его дипломатическихъ бумагахъ. При Александрѣ I онъ былъ не тотъ, что при Николаѣ, а затѣмъ, при Александрѣ II явился опять подъ инымъ обличіемъ.

Благодаря отличному знанію дѣлъ, ему удавалось обходить эти противорѣчія. Хотя, по натурѣ своей, онъ былъ весьма склоненъ къ миру и къ уваженію чужихъ правъ, однако, всегда готовъ былъ отдать въ распоряженіе монарха свое перо, когда рѣчь шла о томъ, чтобы выставить дѣломъ необходимости какой нибудь насильственный актъ, могущій повести къ войнѣ, для него самого противной. Рѣшающаго вліянія онъ, повидимому, не имѣлъ — по крайней мѣрѣ на императора Николая, предъ которымъ трепеталъ.

Только при подобномъ первомъ министрѣ положеніе Рохова было мыслимо. Послѣдній обязанъ былъ этимъ, преимущественно, императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, которая, и на русскомъ тронѣ, осталась прусскою принцессою. Воз-

мущеніе 14-го декабря 1825 г., съ которымъ Николаю Павловичу пришлось управляться при самомъ восшествіи на престолъ, сильно потрясло нервную систему его августѣйшей супруги... Это нервное разстройство постоянно озабочивало государя; одного напоминанія о нихъ было достаточно, чтобы остановить взрывы его гнѣва, или опрометчивыя рѣшенія, когда — (что съ 1848 года нерѣдко случалось)—поведеніе прусскаго правительства возбуждало въ немъ неудовольствіе [1]).

Гомеопатическій врачъ государыни, докторъ Мандтъ, который лѣчилъ и государя—(не всегда цѣлосообразно, какъ полагали его коллеги)—игралъ роль посредника между нимъ и прусскимъ посланникомъ.

Еще большую симпатію питалъ царь къ только что назначенному австрійскому послу, графу Менсдорфу-Пульи. Менсдорфъ особенно понравился ему за откровенное признаніе, что предпочелъ бы командовать кавалерійскою бригадою гдѣ нибудь въ Кечкеметѣ (венгерскій городокъ), чѣмъ разъигрывать роль посла въ Петербургѣ, такъ какъ въ политикѣ ничего не смыслитъ. По матери своей, Менсдорфъ приходился родственникомъ многимъ членамъ владѣтельныхъ домовъ, между прочимъ и супругѣ вел. кн. Константина, вслѣдствіе чего съ нимъ обращались почти какъ съ членомъ императорской фамиліи; и дворъ, и общество разсыпались въ предупредительныхъ любезностяхъ передъ новымъ царскимъ любимцемъ. У женщинъ, которыя всѣ, какъ по командѣ, въ него влюбились, онъ имѣлъ развѣ только одного соперника—итальянскаго пѣвца Маріо, который въ то время еще не потерялъ своего голоса и сводилъ съ ума всѣхъ петербургскихъ дамъ. Безъ замѣтныхъ усилій, безъ мелкихъ ухищреній старой дипломатической школы, графъ Менсдорфъ, однимъ своимъ спокойнымъ прямодушіемъ дѣлалъ для Австріи болѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать какой либо старый, испытанный дѣлецъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ представителей иностранныхъ дворовъ былъ, конечно, англійскій посолъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ. Занимая въ теченіи многихъ лѣтъ довѣренный постъ личнаго секретаря при лордѣ Кестльри, впослѣдствіи маркизъ Лондондерри, онъ имѣлъ случай основательно изучить всѣ европейскія обстоятельства. Вскорѣ послѣ смерти маркиза Лондондерри, Гамильтонъ сдѣланъ былъ посланникомъ и являлся представителемъ Англіи во Флоренціи, Брюсселѣ и Лиссабонѣ. Во время пребыванія во Флоренціи, онъ, по просьбѣ королевы Гортензіи, выручилъ будущаго императора, Луи-Наполеона, изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя тотъ попалъ вслѣдствіе приключенія въ Форли. Въ Лиссабонѣ онъ явился защитникомъ королевы Маріи-де-Глоріа противъ инсургентовъ, за что

---

[1]) О томъ, какъ велико было неудовольствіе императора Николая, возбужденное въ немъ дѣйствіями прусскаго правительства,—свидѣтельствуютъ собственноручныя записки самого императора Николая Павловича, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“, изд. 1870 г. (третье изданіе), томъ I, стр. 295—303.

награжденъ былъ орденомъ Бани. Изъ этого мы видимъ, что Гамильтонъ былъ уже не новичкомъ, когда, въ первые мѣсяцы 1853 года, императоръ Николай изумилъ его своими откровенными рѣчами относительно Турціи,—рѣчами, которыя потомъ такъ существенно содѣйствовали къ возбужденію общественнаго мнѣнія Англіи въ пользу Крымской войны. Усердный и дѣятельный, притомъ спокойный и опытный въ дѣлахъ, Сеймуръ не былъ, однако, человѣкомъ, который бы могъ импонировать такому государю, какъ императоръ Николай.

Французскій посланникъ, генералъ Кастельбажакъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ военныхъ дипломатовъ, которыхъ дѣловой тактъ часто оставляетъ еще многаго желать. Онъ, повидимому, искренне повѣрилъ изрѣченію Наполеона III: «l'Empire c'est la paix» [1]) и, можетъ быть, содѣйствовалъ поддержанію въ императорѣ Николаѣ убѣжденія въ невозможности англо-французскаго союза. Такъ, уже при открытіи Восточной войны, онъ испросилъ у государя особую аудіенцію для принесенія поздравленій съ побѣдою при Синопѣ,—не предчувствуя даже, что побѣда эта сдѣлала разрывъ съ западными державами неизбѣжнымъ.

Впрочемъ, и для болѣе искуснаго дипломата, задача французскаго посла въ то время была бы весьма затруднительна. Въ этомъ я убѣдился изъ откровенной бесѣды съ генераломъ Роховымъ, въ которой онъ разъяснилъ мнѣ настоящее положеніе дѣлъ.

Генералъ началъ съ сердечныхъ изліяній относительно князя Феликса Шварценберга (австрійскаго премьера), умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Меня не могло удивить, что прусскій посланникъ не любилъ этого министра, но поразило то, что онъ, къ человѣку, уже перешедшему въ иной міръ, относился съ такою глубокою ненавистью. Я спросилъ, что причиною тому?

— «Боже мой», вскричалъ Роховъ, «я понимаю, что этотъ Шварценбергъ завидывалъ положенію, занятому нами въ Германіи, и старался его вырвать у насъ. De mortuis nil nisi bene! Но мы можемъ лишь благодарить Бога, за то, что избавилъ насъ отъ такого человѣка. Я, съ своей стороны, въ состояніи все простить ему, только не то, что онъ, князь Шварценбергъ и первый министръ императора австрійскаго, могъ забыть всѣ традиціи своего двора и своей собственной фамиліи, чтобы увлекаться этимъ авантюристомъ, героемъ Страсбурга и Булони, и попирать ногами принципъ легитимности».

«Позвольте, генералъ, возразилъ я, вы, кажется, заходите слишкомъ далеко и, повидимому, имѣете не довольно вѣрныя свѣдѣнія».

— «Невѣрныя свѣдѣнія! Помилуйте! да я вѣдь читалъ записку, которую этотъ несчастный, не за долго передъ своею смертію, написалъ графу Нессельроде и въ которой онъ изложилъ передъ нимъ свое вѣроисповѣданіе; и замѣтьте, что то была не одна изъ такихъ депешъ, которыя, обремененный

---

[1]) Имперія—это миръ.

занятіями, министръ иногда подписываетъ, не читая; нѣтъ, то было собственноручное, частное письмо, единственное, которое Нессельроде получилъ отъ него».

Тутъ я понялъ, о чемъ шло дѣло, хотя и не постигалъ еще возбужденія, въ которомъ находился мой собесѣдникъ.

Въ этомъ собственноручномъ, конфиденціальномъ письмѣ (которое, какъ кажется, отправлено было въ мартѣ 1852 года), австрійскій премьеръ, прежде всего, высказывалъ свое убѣжденіе, что Лудовикъ Наполеонъ не дастъ пройти текущему (1852) году, не провозгласивъ себя императоромъ. Посему необходимымъ было бы прежде, чѣмъ это событіе совершится—условиться на счетъ тѣхъ отношеній, въ которыя три сѣверныя державы станутъ къ новому французскому императору.

«Прежніе договоры—такъ, приблизительно, продолжалъ Шварценбергъ въ своемъ письмѣ—не допускаютъ никого изъ фамиліи Бонапартовъ къ занятію французскаго престола. Въ силу этихъ договоровъ, Австрія, Россія и Пруссія имѣли бы полное право отказаться отъ признанія новаго императора и объявить Франціи войну. Если будетъ на то воля императора Николая и прусскаго короля, то Австрія, всегда вѣрная заключеннымъ договорамъ, не отстанетъ отъ нихъ и выставитъ къ услугамъ своихъ союзниковъ армію въ 300,000 человѣкъ. Если же русскій кабинетъ колеблется въ рѣшеніи признать принятіе Лудовикомъ Наполеономъ императорской короны за casus belli, то желательно было бы избѣжать ошибки, которую сдѣлали въ 1830 году, отнесясь весьма нелюбезно къ признанію Лудовика Филиппа королемъ. Отъ третьей реставраціи Бурбоновъ наврядъ ли можно ожидать возстановленія на продолжительное время легитимнаго королевства. Конечно, при помощи чужеземныхъ штыковъ, Генрихъ V можетъ быть приведенъ въ Парижъ, но что бы онъ тамъ долго могъ удержаться, это, судя по прежнимъ примѣрамъ, трудно предположить. Во всякомъ случаѣ, наслѣдникъ Наполеона I имѣетъ болѣе шансовъ, нежели преемникъ Лудовика Святаго, возстановить монархію въ расшатанной революціею странѣ. Если онъ этого захочетъ, то собственными своими интересами будетъ вынужденъ, подобно своему дядѣ, подтянуть бразды правленія и стать противникомъ революціи. Въ этой-то точкѣ интересы державъ сходятся съ его собственными интересами. Поэтому, если признать его императоромъ, при conditio sine qua non его положительнаго подчиненія договорамъ 1815 года и при опредѣлительномъ завѣреніи, что три сѣв. державы сочтутъ всякія завоевательныя попытки за casus belli, то подобное признаніе должно быть сдѣлано въ предупредительной формѣ, если хотятъ разсчитывать на его искреннее содѣйствіе противъ партіи переворота».

Въ настоящее время каждый безпристрастный человѣкъ долженъ будетъ согласиться, что изложенныя въ вышепомянутомъ письмѣ Шварценберга мнѣнія были вполнѣ логичны. Если бы этому совѣту послѣдовали въ Петербургѣ, то можетъ быть избѣгли бы Крымской войны. Прусскій посланникъ, замѣстившій

Рохова (сначала во Франкфуртѣ, а потомъ въ Петербургѣ), наврядъ бы раздѣлялъ негодованіе своего предшественника. По крайней мѣрѣ, въ «собственноручномъ мемуарѣ касательно отношеній Пруссіи къ Франціи», который написанъ Бисмаркомъ 2 іюня 1857 года, развиты идеи, которыя представляютъ замѣчательное согласіе съ основными мыслями Шварценбергова письма.

Какъ бы то ни было, но непритворное негодованіе Рохова было характеристичнымъ для анти-бонапартистскаго настроенія, преобладавшаго въ то время при русскомъ дворѣ; поэтому не могу не привести здѣсь заключительныхъ разсужденій этого генерала:

— «Слава Богу, воскликнулъ онъ,—мнѣ удалось, хотя и не безъ труда, возвратить императора Николая къ правильному воззрѣнію на положеніе вещей. Маленькій Нессельроде, совершенно забывая, что онъ самъ подписывалъ договоры 1815 года, тоже заразился этими извращенными идеями Шварценберга и уже склонилъ къ нимъ своего государя. Мнѣ наврядъ ли удалось бы заставить послѣдняго измѣнить свое мнѣніе, если бы опять не явился въ Вѣнѣ истинно-государственный человѣкъ. Во время пребыванія здѣсь посланникомъ графа Буоля, императоръ Николай не распозналъ, что̀ это была за личность, и, вопреки всѣмъ моимъ представленіямъ, обходился съ нимъ нехорошо. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, Буоль—государственный человѣкъ, и доказалъ это тѣмъ, что, при вступленіи своемъ въ должность, сейчасъ возстановилъ принципъ легитимности и предложилъ хотя и признать этого Наполеона, но отказать ему въ титулѣ «брата». Этимъ покажутъ выскочкѣ, что императоры австрійскій и русскій столь же мало, какъ и мой всемилостивѣйшій государь, глядятъ на него, какъ на себѣ равнаго».

Относительно графа Буоля,—какъ во время, такъ и послѣ Крымской войны сложились мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ мнѣніемъ Рохова. Извѣстно также, что̀ произошло съ придуманнымъ имъ средствомъ относительно титулованія новаго императора. Австрійскій императоръ и прусскій король измѣнили свой образъ мыслей и не отказались назвать французскаго императора своимъ братомъ. Къ сожалѣнію, ни изъ Вѣны, ни изъ Берлина не было сообщено русскому кабинету объ этомъ отступленіи отъ прежде принятаго рѣшенія, такъ что императоръ Николай остался одинъ вѣрнымъ предварительному уговору, и хотя призналъ Наполеона III, но обратился къ нему, какъ къ президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, называя его «Mon grand ami». Такимъ образомъ, неудовольствіе французскаго государя, вызванное исполненіемъ предложенія Буоля, обратилось исключительно противъ Россіи и не осталось безъ послѣдствій.

Во время рождественскаго праздника 1852 г., на которомъ присутствовали Менсдорфъ и Роховъ, гнѣвъ императора Николая разразился въ упрекахъ, которыми онъ, въ присутствіи своихъ генераловъ, осыпалъ представителей Австріи и Пруссіи за то, что—какъ онъ говорилъ—въ вопросѣ о при-

знаніи Наполеона союзники покинули и предали его. Должно полагать, что эта, для всѣхъ весьма тяжелая, сцена особенно больно отозвалась на генералѣ Роховѣ, который долженъ былъ припомнить, что самъ отклонилъ государя отъ послѣдованія разумнымъ совѣтамъ Шварценберга и не въ мѣру преувеличилъ политическій тактъ господина Буоля.

Мнѣ лично эти откровенныя сообщенія прусскаго посланника, на такой совершенно мнѣ незнакомой почвѣ, дали ключъ для разгадки многихъ явленій. Сколь же ограничена должна была быть на дѣлѣ власть руководящаго политикою министра, если Нессельроде, въ вопросѣ величайшей важности для интересовъ Россіи, и вопреки тому, что логика была въ его пользу, все таки долженъ былъ отступить передъ внушеніями иноземнаго посланника!

Это поражало тѣмъ болѣе, что, судя по всѣмъ признакамъ, Николай I достигъ въ то время вершины своего могущества и серьезно воображалъ, что вся Европа лежитъ у ногъ его.

II.

На лѣто 1852 г. импер. Николай съ августѣйшею супругою своею переселился въ Петергофъ, куда вскорѣ затѣмъ прибыли и многочисленные гости, приглашенные для присутствія на большихъ маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ.

На это военное зрѣлище получили приглашеніе отъ государя принцы: Альбертъ Саксонскій и Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій. Оба молодые принца были старшими сыновьями наслѣдниковъ престола и въ первый еще разъ посѣщали русскій дворъ. Кромѣ ихъ явились и самыя выдающіяся личности австрійской и прусской армій, и вскорѣ Петергофъ и окружающіе его лѣтніе дворцы наполнились множествомъ блестящихъ мундировъ. Императоръ лично принялъ въ Кронштадтѣ обоихъ принцевъ на свою яхту и повезъ ихъ, прежде всего, въ Зимній дворецъ. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, принцъ Альбертъ переѣхалъ въ Петергофъ, то я, согласно принятому обычаю, получилъ, на время пребыванія тамъ его высочества — квартиру, въ томъ же самомъ дворцѣ. Старикъ Роховъ былъ моимъ сосѣдомъ и потому намъ нерѣдко представлялись случаи къ откровенному обмѣну мыслей.

Въ воскресенье, 8 (20) іюля, послѣ обѣдни, я былъ принятъ императоромъ. Это хотя не согласовалось съ этикетомъ, такъ какъ государь обыкновенно давалъ приватныя аудіенціи только посламъ и посланникамъ, но, по причинѣ присутствія принца Альберта, сдѣлано было исключеніе, которому я обязанъ однимъ изъ интереснѣйшихъ часовъ въ моей жизни. Церемоніймейстеръ довелъ меня до самаго кабинета и остановился въ нерѣшительности у двери, не зная, долженъ ли онъ или нѣтъ присутствовать при этой необычной

аудіенціи. Не сказавъ ни слова, а только энергически указавъ на дверь, государь отвѣтилъ этимъ на нѣмой вопросъ придворнаго чиновника. Мы остались одни и я очутился впервые глазъ на глазъ съ могущественнѣйшимъ и наиболѣе внушавшимъ страхъ монархомъ. Не смотря на 56-ти-лѣтній возрастъ императора Николая, вся его классическая фигура дышала юношескою силою. По такой модели Фидій могъ бы изваять статую Зевса или бога войны. Одѣтъ онъ былъ въ сюртукъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. Наблюдая за его, почти обнаженною отъ волосъ, головою, я замѣтилъ, что лобъ былъ низокъ, мало развитъ и сливался въ одну линію съ правильнымъ носомъ. Задняя часть головы, гдѣ френологи полагаютъ сѣдалище силы воли, была необычайно развита; вся же, вообще, голова была относительно малыхъ размѣровъ, но покоилась на шеѣ, достойной геркулеса Фарнезскаго.

Вся наружность монарха имѣла нѣчто рыцарское и внушительное; я понялъ теперь, какъ стоявшій передо мною колоссъ однимъ движеніемъ руки усмирилъ бунтъ на Сѣнной площади, вспыхнувшій во время холеры 1831 г. Великій моментъ этотъ представился моему воображенію, когда я взглянулъ императору въ глаза. Выраженіе этихъ глазъ показалось мнѣ какимъ-то неопредѣленнымъ. Нервное подергиваніе мускуловъ у угловъ рта имѣло въ себѣ что-то болѣзненное и производило непріятное впечатлѣніе.

Поговоривъ чрезвычайно любезно о принцѣ Альбертѣ и объ удовольствіи, доставленномъ его посѣщеніемъ, императоръ какъ будто совсѣмъ позабылъ, что передъ нимъ стоитъ молодой дипломатъ, котораго онъ никогда не видалъ и о которомъ едва ли и слыхалъ что нибудь. Съ довѣрчивостью, какъ будто обращаясь къ старому знакомому, онъ сталъ разсказывать мнѣ про свое, только что оконченное, путешествіе. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ; посѣтилъ въ Прагѣ императрицу Марію Анну; не миновалъ Веймара и Дармштадта, равно какъ и Штутгардта, куда заѣхалъ, чтобы обнять свою дочь Ольгу Николаевну. Въ продолженіе немногихъ дней, орлиный взглядъ его увидѣлъ все, и онъ, ни мало не стѣсняясь, выражался о томъ, что замѣтилъ при своемъ инспекціонномъ объѣздѣ. Хуже всего отозвался онъ о Берлинѣ, и прямо выражалъ негодованіе противъ слабости своего шурина.

Когда я попытался смягчить эти взрывы гнѣва замѣчаніемъ, конечно, банальнымъ, что король все таки имѣетъ наилучшія намѣренія и привлекательнѣйшія душевныя качества,—царь загремѣлъ мнѣ въ отвѣтъ:

«Tant pis pour ses qualités aimables! Quant à ces bonnes intentions, je vous dis, moi, qu'il ne sait jamais ce qu'il veut. Ce n'est pas un roi cela; il nous gâte le métier. Sachez le donc»,—тутъ онъ топнулъ ногою:—«le sol sous mes pieds est miné comme sous les vôtres. Nous sommes tous solidaires. Nous avons tous un ennemi commun: la r é v o l u t i o n. Si on continue à la cajoler comme on le fait à Berlin, l'incendie deviendra bientôt général. Ici je ne crains rien pour le moment. Tant que je

vivrai on ne bougera pas. Car moi je suis soldat; monsieur mon beau-frère ne l'a jamais été.—Tel que vous me voyez»,—продолжалъ онъ уже болѣе спокойно и придавъ голосу своему всю его чарующую интонацію, —«tel que vous me voyez, j'ai trente huit ans de service, car j'ai fait mes premières armes en 1813. Oui, je suis soldat. C'est mon métier à moi. L'autre métier, que la Providence m'a imposé»,—эти слова онъ произнесъ медленно и почти шепотомъ — «je le fais parce qu'il faut bien le faire et qu'il n'y a personne pour m'en délivrer. Mais ce n'est pas mon métier» [1]).

Было что-то трагическое въ этомъ признаніи. Видно было, какимъ тяжкимъ бременемъ лежали на императорѣ Николаѣ правительственныя заботы, которыя онъ уже въ продолженіи двадцати семи лѣтъ одинъ долженъ былъ нести. Прекрасные глаза его совершенно затуманились и взглядъ утратилъ свою твердость. Отпущенъ я былъ съ аудіенціи самымъ благосклоннымъ образомъ.

Передъ этою аудіенціею я былъ представленъ императрицѣ, которая изволила завтракать въ столовой, окруженная обоими германскими принцами и болѣе, чѣмъ сотнею иностранныхъ и русскихъ генераловъ. По окончаніи завтрака, императрица тотчасъ же подошла ко мнѣ. Красота ея уже давно увяла; но въ чертахъ, измѣненныхъ болѣзнію, видны были слѣды сходства съ ея очаровательною родительницею, королевою Луизою. Нервы ея, очевидно, были крайне разстроены.

Первыя слова, обращенныя ко мнѣ императрицею, были нельзя сказать чтобы ободряющаго свойства и легко могли повергнуть меня въ смущеніе передъ чужимъ и многочисленнымъ обществомъ. «Почему это король посылаетъ къ намъ только повѣреннаго въ дѣлахъ?»—таковъ былъ первый и произнесенный въ безусловно-дурномъ настроеніи духа вопросъ. Я съ минуту глядѣлъ на государыню совершенно спокойно и отвѣчалъ, ни мало не измѣнившись въ лицѣ: «Могу увѣрить ваше величество, что я гораздо охотнѣе пріѣхалъ бы въ качествѣ посла». Императрица засмѣялась и стала бесѣдовать со мною самымъ любезнымъ образомъ.

---

[1]) [Переводъ]. Тѣмъ хуже для его прекрасныхъ качествъ! Что же касается до его добрыхъ намѣреній, то я вамъ говорю, что онъ никогда не знаетъ чего хочетъ. Это не король; онъ намъ портитъ наше дѣло. Знайте же, что почва подъ моими ногами минирована также, какъ и подъ вашими. Мы всѣ солидарны. У всѣхъ насъ одинъ врагъ: революція. Если станутъ продолжать нѣжничать съ нею, какъ то дѣлаютъ въ Берлинѣ, то пожаръ вскорѣ сдѣлается всеобщимъ. Здѣсь я пока ничего не боюсь. Пока я живъ, никто не пошевелится. Потому что я солдатъ; а мой господинъ шуринъ никогда имъ не былъ. Таковъ, какъ вы меня видите, я служу 38 лѣтъ, потому что первые боевые шаги сдѣлалъ въ 1813 году. Да, я солдатъ. Это дѣло по мнѣ. Другое же дѣло, которое возложено на меня Провидѣніемъ—я исполняю его потому, что долженъ исполнять и потому что нѣтъ никого, кто-бы меня отъ него избавилъ. Но это не по мнѣ дѣло.

Пребываніе въ Петергофѣ было для меня весьма пріятно и поучительно. Между австрійскими и прусскими офицерами я встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ, какъ, напр., графа Кламма, фельдцейхмейстера Гесса и др.

Изъ празднествъ, устраиваемыхъ въ честь пріѣзжихъ принцевъ, особенно выдался балъ, данный великою княгинею Маріею Николаевною, герцогинею Лейхтенбергскою, на собственной ея дачѣ близъ Петергофа. Великая княгиня, въ то время еще писанная красавица, вполнѣ унаслѣдовала греческій профиль своего отца и считалась его любимою дочерью. Она была столь же умна, какъ и весела. Ростъ ея былъ скорѣе маленькій, но она отличалась статностью и граціею; платья носила весьма короткія для того, чтобы, по мнѣнію злыхъ языковъ—пощеголять своею маленькою ножкою. Бѣдный герцогъ, мужъ ея, былъ смертельно болѣнъ, однако, долженъ былъ встать съ постели, чтобы принять императора, который явился позже, нежели его ожидали.

Уже въ первый день маневровъ принцъ Альбертъ завоевалъ себѣ симпатію царя, умѣя назвать каждый изъ участвующихъ на маневрахъ полковъ его русскимъ названіемъ. Пріятно было государю и то, что когда принцу предложили на выборъ званіе шефа того или другаго полка, онъ предпочелъ простой егерскій мундиръ блестящему гусарскому. Въ такомъ выборѣ императоръ Николай узналъ настоящаго солдата.

Вскорѣ по окончаніи маневровъ послѣдовала смерть двухъ близкихъ государю людей. Престарѣлый князь Петръ Мих. Волконскій, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ придворныхъ сановниковъ, умеръ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Онъ сталъ, такъ сказать, заживо разлагаться, но вліяніе его на царскую фамилію сохранилось до послѣдняго издыханія. Императоръ, императрица, великіе князья и княжны ежедневно посѣщали больнаго князя. Похороны устроены были со всевозможнымъ великолѣпіемъ. По желанію императора, весь дипломатическій корпусъ и всѣ сановники государства должны были на нихъ присутствовать. Когда, по окончаніи богослуженія, надо было закрывать гробъ, государь вошелъ на ступени катафалка, поцѣловалъ тѣло усопшаго и долго стоялъ передъ гробомъ, преклонивъ колѣни. Затѣмъ, поднявшись, онъ далъ знакъ двѣнадцати унтеръ-офицерамъ полка покойнаго князя взяться за гробъ и нести его къ могилѣ. Только что они двинулись съ мѣста, царь отстранилъ фланговаго солдата, взялся за ручку гроба и самъ понесъ тѣло своего вѣрнаго слуги изъ церкви. Вся церемонія продолжалась болѣе получаса, въ продолженіи котораго всѣ взоры были устремлены на императора. Говорятъ, что Наполеонъ I передъ всякимъ публичнымъ торжествомъ, напр., передъ своею коронаціею, совѣтовался съ актеромъ Тальма, и съ нимъ, въ извѣстной степени, разучивалъ свою роль. Никакой Тальма не могъ бы научить Николая I тому величію и той граціи, которыми отличались вся его осанка и всѣ его движенія. Онъ самъ былъ отъ природы совершеннымъ артистомъ, и величайшіе актеры могли бы еще у него поучиться. Все казалось

такъ просто, такъ естественно, но чувствовалось между тѣмъ, что все разсчитано на эффектъ. Очевидно было намѣреніе произвести внушительное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, въ особенности же, явиться самымъ смиреннымъ и самымъ вѣрующимъ сыномъ православной церкви. Для того и парадный мундиръ, и ордена, блистающіе алмазами. То былъ императоръ всероссійскій, оказывающій послѣднюю почесть своему вѣрному слугѣ.

Совсѣмъ иначе держалъ себя императоръ на отпѣваніи умершаго черезъ нѣсколько дней зятя своего. Герцогъ Лейхтенбергскій былъ католикъ. Тесть его не могъ или не хотѣлъ отсутствовать при богослуженіи, но, какъ православный царь, считалъ долгомъ соблюдать какъ бы инкогнито, находясь въ латинской церкви. Одѣтый въ обыкновенную форму и безъ орденовъ, онъ стоялъ прислонясь къ колоннѣ, разсѣянно и безучастно относясь ко всей происходившей предъ нимъ церемоніи. Онъ, впрочемъ, питалъ мало расположенія къ покойному и выбралъ его только потому, что тотъ обязался оставаться въ Петербургѣ и не разлучать государя съ его дочерью.

Искуственное равнодушіе, выказанное государемъ, относилось, вѣроятно, не столько къ усопшему, сколько къ католическому духовенству и служенію, которыхъ онъ переносилъ лишь съ отвращеніемъ. Я, случайно, стоялъ по близости и могъ хорошо наблюдать за игрою его физіономіи. Ничто не напоминало о православномъ царѣ, котораго мы видѣли на похоронахъ Волконскаго. Но преднамѣренность была и тутъ замѣтна. Проглядывало нѣчто искуственное во всей манерѣ держать себя. И здѣсь приходилось удивляться мимическому таланту, обратившемуся во вторую природу.

По окончаніи маневровъ, принцы со своею свитою поѣхали въ Москву. Графъ Менсдорфъ не могъ сопровождать ихъ, такъ какъ заболѣлъ тифомъ. Государь отчески заботился о больномъ и многократно навѣщалъ его. Въ половинѣ сентября, по выздоровленіи своемъ, Менсдорфъ долженъ былъ отправиться въ Чугуевъ, куда государь пригласилъ его на большіе кавалерійскіе маневры. Такъ какъ путь графа лежалъ черезъ Москву, то я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ его обществѣ посѣтить старую столицу.

Мы помѣстились въ приготовленномъ для графа вагонѣ-салонѣ и черезъ 24 часа были въ Москвѣ. Самый переѣздъ представлялъ мало интереснаго, такъ какъ желѣзная дорога эта не прикасается ни одному значительному городу. Императоръ Николай, не стѣсняясь никакими соображеніями, обозначилъ этотъ первый русскій рельсовый путь, на картѣ, прямою красною линіею. Инженеры не осмѣлились отступить отъ высочайшаго начертанія, хотя намѣченная линія пролегала черезъ безчисленныя болота—что, конечно, не облегчало постройки. Станціи, заново возведенныя среди пустырей, содержались весьма чисто и были снабжены обильными буфетами, гдѣ можно было найти всевозможныя явства и столь любимое въ Россіи шампанское. Мы были такъ удобно помѣщены въ нашемъ вагонѣ, что не имѣли побужденія выходить.

Впрочемъ, осмотрѣвъ одну изъ станціонныхъ залъ, мы видѣли и остальныя, такъ какъ всѣ онѣ походятъ одна на другую.

За нѣсколько станцій до Москвы явился къ намъ русскій полковникъ, князь Абамеликъ, приставленный къ гр. Менсдорфу на время его пребыванія въ Москвѣ. Онъ проводилъ посланника и его адъютанта въ Кремль.

III.

Я остановился въ Москвѣ въ одной изъ ближайшихъ ко дворцу гостинницъ и не мало былъ удивленъ, когда черезъ нѣсколько минутъ по моемъ прибытіи получилъ приглашеніе къ царскому столу. Внимательностію этою я былъ обязанъ гофмаршалу Боде. Князь Абамеликъ оказался весьма свѣдущимъ чичероне. Придворные экипажи всегда были къ нашимъ услугамъ и, такимъ образомъ, мы въ три дня ознакомились со всѣми достопримѣчательностями Москвы лучше, нежели другіе туристы въ теченіи мѣсяца.

Во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ мы встрѣчаемы были чиновниками, одѣтыми въ обыкновенную форму, но въ знаменитомъ воспитательномъ домѣ— одномъ изъ величественнѣйшихъ богоугодныхъ заведеній въ свѣтѣ—насъ приняли цѣлые отряды кормилицъ, облеченныхъ въ воскресный нарядъ. Каждый изъ этихъ отрядовъ отличался особымъ цвѣтомъ кокошника, которому соотвѣтствовалъ и цвѣтъ остальнаго одѣянія. На рукахъ у всѣхъ этихъ зеленыхъ, синихъ и красныхъ кормилицъ лежали ихъ питомцы, которыхъ, какъ намъ разсказывали, онѣ кормятъ по командѣ. Въ регистровой книгѣ, куда записываются поимянно всѣ отданныя въ этотъ домъ дѣти, мы раскрыли страницы 1812 года, относящіяся ко времени пребыванія въ Москвѣ французовъ, и нашли тамъ значительное число маленькихъ «Наполеоновъ» (??!). Какъ видно, это имя было въ ту эпоху излюбленнымъ для подкидышей.

Отпечатокъ чего-то азіятскаго нисколько не стертъ съ Москвы великимъ пожаромъ 1812 года. Тѣмъ не менѣе, видъ этой массы домовъ, раскинувшихся на огромномъ пространствѣ, вовсе не соотвѣтствующемъ количеству народонаселенія, являетъ величественное зрѣлище. Сотни позолоченныхъ куполовъ, множество высокихъ деревьевъ представляются глазамъ, когда смотришь на столицу съ возвышенія, у большой Смоленской дороги. Съ этого пункта Москва впервые представилась и взглядамъ Наполеона.

Во время прогулокъ по Москвѣ князь Абамеликъ завезъ насъ, между прочимъ, и къ послѣднему изъ «бояръ», болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтнему, громадно богатому князю Сергію Михайловичу Голицыну, жившему въ собственномъ дворцѣ, по близости отъ столицы. То былъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ въ Россіи, и императоръ Николай, при каждомъ посѣщеніи

Москвы, непремѣнно заѣзжалъ къ нему. Князь Голицынъ, съ его бѣлокурымъ парикомъ и фальшивыми зубами, производилъ, отчасти, впечатлѣніе автомата или восковой фигуры, но оказался гостепріимнымъ, привѣтливымъ старцемъ, который вновь оживалъ, когда рѣчь заходила о добромъ, старомъ времени, о дняхъ его молодости. Въ Дрезденѣ ему пришлось побывать въ послѣдній разъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Что съ тѣхъ поръ происходило въ Германіи—было ему, повидимому, совсѣмъ неизвѣстно. Сраженія при Іенѣ и Лейпцигѣ прошли для него безслѣдно, но о пожарѣ Москвы онъ говорилъ, какъ будто это происходило вчера. Кутузовъ и Растопчинъ были его друзьями юности. Одному изъ своихъ племянниковъ онъ поручилъ показать намъ свои хозяйственныя заведенія. Скотный дворъ былъ полонъ превосходными коровами іоркширской породы, нарочно привезенными изъ Англіи на особыхъ, для сего нанятыхъ, корабляхъ. Проводникъ нашъ замѣтилъ, что наслѣдники князя наврядъ ли будутъ въ состояніи продолжать подобную роскошь, такъ какъ литръ молока обходился его дядюшкѣ нѣсколько дороже литра шампанскаго. Въ отличныхъ лошадяхъ, преимущественно рысистой орловской породы—тоже не было недостатка. Однимъ словомъ, то была образцовая ферма въ величественнѣйшемъ стилѣ, воздвигнутая среди голой степи. Однако, грязь дурно содержимыхъ дорогъ все таки напоминала Россію. Въ настоящее время съ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ исчезъ послѣдній представитель русскаго боярства.

IV.

Проводивъ гр. Менсдорфа, уѣхавшаго подъ покровительствомъ фельдъегеря на югъ Россіи, я возвратился опять въ Петербургъ. Городъ былъ еще довольно пустъ, но въ дачныхъ помѣщеніяхъ, особенно на островахъ, общество сходилось ежедневно. Вечеромъ съѣзжались на такъ называемомъ «Pointe»—крайней оконечности Елагина острова, откуда вдалекѣ видно море. Тутъ можно было видѣть самую пеструю смѣсь экипажей; мужчины переходили отъ одной коляски къ другой, любезничая въ одномъ мѣстѣ съ какою нибудь знатною дамою, въ другомъ—съ модною актрисою. Здѣсь представлялся для дамъ случай блеснуть своими парижскими туалетами, а для мужчинъ заводить знакомства во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества. Кромѣ обычныхъ сплетень, тамъ узнавались и политическія новости, благодаря присутствію большаго числа членовъ дипломатическаго корпуса.

Что меня поразило—и впослѣдствіи, при открытіи великосвѣтскихъ салоновъ, должно было еще болѣе поразить — это тотъ свободный тонъ, которымъ совершенно открыто говорили о правительственныхъ мѣрахъ и критиковали

ихъ. Маркизъ Позе наврядъ ли нашелъ бы здѣсь нужнымъ просить о свободѣ мысли; потому что не только мысли, но и слова были достаточно свободны,—если только ихъ не печатали.

Пріятнѣйшимъ домомъ на островахъ былъ дворецъ великой княгини Елены, вдовы вел. князя Михаила, младшаго брата государева. Она обладала замѣчательнымъ умомъ и высокимъ образованіемъ, и многимъ артистамъ оказывала свое сильное покровительство.

Съ наступленіемъ зимы, наступили и политическія бури. Раздутыя французскимъ посломъ въ Константинополѣ, Лавалетомъ, мелкія ссоры между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ, обострились до серьёзнаго раздора, и вскорѣ злополучный «восточный» вопросъ вновь появился на политическомъ горизонтѣ Европы. Императоръ Николай, который, по выраженію Нессельроде, «не былъ дипломатомъ», снова ощутилъ потребность поговорить о «больномъ человѣкѣ». Онъ призвалъ сэра Гамильтона Сеймура и имѣлъ съ нимъ извѣстный разговоръ, который и былъ послѣднимъ обнародованъ.

Лордъ Абердинъ, который въ 1844 году (когда императоръ Николай въ послѣдній разъ посѣтилъ Лондонъ), занималъ мѣсто статсъ-секретаря по внѣшнимъ дѣламъ, теперь—къ великой радости царя—сдѣлался премьеромъ, во главѣ, повидимому, крѣпко сплоченнаго министерства. Лордъ Абердинъ, старый шотландецъ, посѣдѣвшій въ государственныхъ дѣлахъ, имѣлъ, подобно большинству приверженцевъ сэра Роберта Пиля, извѣстную склонность къ православной греческой церкви, въ которой политики эти мнили усматривать слѣды древлехристіанской, апостольской общины. Это религіозное направленіе императоръ Николай, въ 1844 году, съумѣлъ усилить и воспользоваться имъ, чтобы подготовить въ Англіи почву для соглашенія по восточному вопросу. Никакихъ положительныхъ договоровъ не было; но относительно извѣстныхъ случайностей можно было обмѣняться мыслями, что государю—иногда очень оптимистически глядѣвшему на вещи, могло внушить убѣжденіе, что Россія можетъ безусловно разсчитывать на Англію, пока лордъ Абердинъ стоитъ во главѣ правленія. Въ виду сего, русскій монархъ считалъ, что теперь настало время для составленія протокола, подобнаго тому, который въ 1826 году подписанъ былъ герцогомъ Веллингтономъ. Прежде чѣмъ выступить съ этою идеею, онъ пожелалъ, однако, знать, согласится ли, и на какихъ условіяхъ, Англія на изгнаніе турокъ изъ Европы и на раздѣлъ османскаго государства. Его, уже весьма опаснаго свойства, раздражительность проявилась въ порицаніяхъ «больнаго человѣка», и сэръ Гамильтонъ, можетъ быть и вопреки своему желанію, еще усилилъ ее, вмѣсто того, чтобы смягчить. Послѣднее, по мнѣнію князя Метерниха, Сеймуръ долженъ бы былъ сдѣлать.

Я обязанъ самому сэру Гамильтону сообщеніемъ нижеслѣдующаго разговора, который онъ, уже послѣ смерти императора Николая и долгое время

спустя по заключеніи Парижскаго мира, состоя англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, имѣлъ съ престарѣлымъ государственнымъ канцлеромъ.

— «Знаете ли, любезный сэръ Гамильтонъ—такъ началъ князь Метернихъ—что вы настоящій баловень счастія? Хотя я и не одобрялъ обнародованія вашей Secret and Confidential Correspondence, но прочелъ ее съ интересомъ, и вынесъ впечатлѣніе, что вы можете похвалиться счастіемъ».

Сэръ Гамильтонъ недоумѣвалъ, въ чемъ тутъ было его счастіе.

— «Eh bien!—продолжалъ князь—вѣдь вы бесѣдовали съ императоромъ Николаемъ наединѣ. Ну, какъ императоръ отрекся бы отъ своихъ словъ? Что было бы тогда? Какъ я сказалъ: вы можете почитать себя счастливымъ; потому что вся Европа повѣрила бы не вамъ, а императору».

Пораженный сэръ Гамильтонъ ничего не отвѣтилъ, сознавая всю справедливость этого замѣчанія. Но князь Метернихъ, приведя его къ тому пункту, куда хотѣлъ, не подарилъ ему и послѣдней горькой пилюли.

— «Я хочу сказать этимъ, что было весьма опасно и вовсе не входило въ вашу задачу—заставлять императора высказывать все, что у него было на умѣ (lui tirer les vers du nez). Вѣдь вы не первый, которому онъ говорилъ о «больномъ человѣкѣ». Эта мысль преслѣдовала его уже годами! Ваша задача состояла въ томъ, чтобы вовсе не дать ему говорить, или сейчасъ же привести къ молчанію. Желаете ли знать, какъ *я* это сдѣлалъ, когда онъ заговорилъ со мною о «больномъ человѣкѣ?» Это было въ Мюнхенгрецѣ, за обѣденнымъ столомъ. Я сидѣлъ противъ ихъ величествъ. Нагнувшись черезъ столъ, царь спросилъ меня: «Prince Metternich, que pensez vous du Turc? C'est un homme malade, n'est pas?» [1]). Я какъ бы не разслышалъ вопроса, и притворился такимъ же глухимъ, когда онъ вторично и съ тѣмъ же обратился ко мнѣ. Когда же онъ въ третій разъ повторилъ вопросъ, пришлось все таки отвѣтить. Я отвѣтилъ не прямо, а встрѣчнымъ вопросомъ: «Est-ce au médecin ou à l'héritier que Votre Majesté adresse cette question?» [2]). Отвѣта не послѣдовало, и императоръ Николай никогда уже не заговаривалъ со мною о «больномъ человѣкѣ».

Эта тонкая критика, обнаруживающая настоящаго государственнаго человѣка, заставляетъ полагать, что князь Метернихъ хорошо зналъ императора Николая. Можетъ быть, удалось бы воспрепятствовать нелѣпой Крымской войнѣ, если бы въ то время въ Петербургѣ находился посланникъ, который своею тактичностію и аргументами здраваго человѣческаго ума съумѣлъ бы одолѣть неотступно преслѣдовавшую несчастнаго монарха идею.

---

[1]) Князь Метернихъ, что вы думаете о туркѣ? Вѣдь это больной человѣкъ—не правда ли?

[2]) Къ кому, ваше величество, адресуете этотъ вопросъ?—врачу, или наслѣднику?

Нѣтъ ничего удивительнаго, если императоръ Николай считалъ возможнымъ осуществленіе увлекавшихъ его мыслей относительно Турціи. Стоитъ вспомнить, какимъ авторитетомъ пользовался онъ въ ту эпоху, какую роль онъ игралъ въ 1849 и 1850 годахъ. Какое впечатлѣніе должно было произвести на его гордый умъ уже одни тѣ слова, которыми начиналось донесеніе князя Паскевича: «Венгрія у ногъ вашего величества!»—Но этого еще мало! Развѣ черезъ годъ послѣ того, въ Ольмюцѣ, Австрія и Пруссія не подчинились его рѣшающему приговору? Послѣ этого можно ли было изумляться, если царь смотрѣлъ на монарховъ обѣихъ державъ не какъ на союзниковъ, а почти какъ на вассалловъ? Относительно Австріи онъ хвалился передъ Сеймуромъ, что совершенно въ ней увѣренъ; а о Пруссіи даже и не удостоивалъ говорить. Съ его точки зрѣнія, само собою разумѣлось, что въ Берлинѣ будутъ послушны каждому его мановенію. Въ замѣчательномъ ослѣпленіи своемъ, онъ совершенно забывалъ принимать въ разсчетъ еще «Monsieur Son Grand Ami» и вполнѣ поглощенную революціею Францію. И такой взглядъ на вещи былъ не у него одного. Общественное мнѣніе—насколько оно могло высказываться въ Россіи—только укрѣпляло его въ убѣжденіи, что вся Европа расшатана революціею и что государи и народы вынуждены будутъ молить бѣлаго царя о милости, дабы взялъ подъ свое могучее покровительство ихъ жизнь и имущество. Эта иллюзія была такъ распространена, что ее высказывали повсюду самымъ наивнымъ образомъ, и никакая лесть не могла быть болѣе пріятна самому императору.

Въ психологическомъ отношеніи было, поэтому, совершенно понятно, что Николай Павловичъ, зимою 1852—53 годовъ, совершенно серьёзно воображалъ себѣ, что стоило ему лишь войти въ соглашеніе съ Англіею, гдѣ его другъ Абердинъ сдѣлался премьеромъ, дабы рѣшить судьбу Оттоманской имперіи, какъ вздумается. Считаю возможнымъ сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ, дѣйствительно, намѣревался покорить Константинополь. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы опутать Турцію всякими договорами и трактатами и подчинить совершенно своему авторитету. Когда онъ замѣтилъ, что англичане не шли на приманку, показанную имъ въ видѣ пріобрѣтенія Египта, то попытался окончательно разсорить Австрію съ Турціею.

Въ Вѣнѣ негодовали на султана за пристанище, дарованное имъ поляку Бему, Кошуту и другимъ венгерскимъ бѣглецамъ. На сухомъ пути стягивались войска; австрійскіе военные корабли принимали угрожающее положеніе, которое, впрочемъ, при перевѣсѣ турецкаго флота, было не безопаснымъ для нихъ самихъ. Пограничныя распри между турками и черногорцами дали австрійскому кабинету благопріятный предлогъ къ миссіи графа Лейнингена, — о которой, для публики, мало что сдѣлалось извѣстнымъ. Помянутый графъ поѣхалъ въ Константинополь, предъявилъ тамъ какія-то требованія, совѣщался съ императорскимъ интернунціемъ, съ членами дивана (повидимому, безуспѣшно) и,

наконецъ, поставилъ ультиматумъ, угрожая, что не только онъ, но и интернунцій потребуютъ свои паспорты, если въ теченіи 24-хъ часовъ Порта не одумается.

Казалось, дѣйствительно, что султанъ готовъ довести дѣло до этой крайности; русскій повѣренный въ дѣлахъ, Озеровъ, считалъ разрывъ дипломатическихъ отношеній между Австріею и Портою неизбѣжнымъ. Въ такомъ смыслѣ онъ написалъ донесеніе и отправилъ его, съ фельдъегеремъ, въ Петербургъ. Фельдъегерь, по обыкновенію, привезъ свои депеши не въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а въ Зимній дворецъ. Вскрывъ пакетъ и прочитавъ бумаги, царь послалъ за Нессельроде. Войдя къ государю, канцлеръ нашелъ его въ самомъ радостномъ возбужденіи.

— «Ну, вотъ оно!—вскричалъ онъ—что я вамъ всегда говорилъ? Съ этими турецкими собаками ничего не подѣлаешь. Они отвергли справедливыя требованія австрійскаго императора; Лейнингенъ уѣхалъ, а интернунцій потребовалъ свои паспорты. Теперь для насъ настало давно ожидаемый моментъ дѣйствій. Возьмите, прочтите сами!»

Министръ взялъ донесеніе Озерова и прочелъ его съ обычнымъ спокойствіемъ, но съ напряженнымъ вниманіемъ.

— «Ну, что же—нетерпѣливо воскликнулъ государь—кончили вы?»

«Прошу простить меня, ваше величество, но вы не прочли постскриптума».

— «Какого постскриптума?»

«Точно такъ, в. в. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ доноситъ слѣдующее: когда я собирался запечатывать эту депешу, мнѣ принесли извѣстіе, что Порта, въ послѣдній часъ дарованнаго ей на размышленіе срока, согласилась на исполненіе всѣхъ австрійскихъ требованій. Интернунцій остается, Лейнингенъ же, по увѣнчаніи его миссіи успѣхомъ, оставляетъ Константинополь».

Какого рода впечатлѣніе произвело на государя это извѣстіе, разрушавшее всѣ его надежды и совершенно для него неожиданное, — объ этомъ я самъ могъ судить черезъ нѣсколько дней затѣмъ.

23-го февраля, послѣ опернаго представленія въ Зимнемъ дворцѣ сервированъ былъ роскошный ужинъ. За однимъ изъ столовъ помѣщался дипломатическій корпусъ, и мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ графомъ Францомъ Зичи, который былъ тогда въ Петербургѣ единственнымъ «знатнымъ иностранцемъ». Въ Россію прибылъ онъ по частнымъ дѣламъ своей жены, которая владѣла тамъ недвижимыми имѣніями; но при дворѣ знали его хорошо, такъ какъ въ предшествовавшемъ году онъ велъ въ Варшавѣ переговоры относительно уплаты военныхъ издержекъ по оказанному содѣйствію въ усмиреніи Венгріи, и закончилъ это дѣло пріятнымъ для русскаго императора образомъ.

Николай Павловичъ не ужиналъ, но пришелъ въ столовую залу и вдругъ остановился за стуломъ моего сосѣда. Послѣдній хотѣлъ было подняться, но

былъ удержанъ двумя могучими руками. Когда императоръ заговорилъ по нѣмецки, то я тоже счелъ нужнымъ встать, дабы напомнить, что я понимаю нѣмецкій языкъ. Но мнѣ было указано сидѣть, и государь продолжалъ говорить, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, и излагать графу Зичи, который черезъ нѣсколько дней хотѣлъ ѣхать въ Вѣну, свои словесныя порученія императору Францу Іосифу. Въ продолженіе всего ужина царь говорилъ безъ перерыва, а графъ Зичи слушалъ его молча. Перейдя самъ къ болѣе привычному для него французскому языку, Николай Павловичъ сталъ изливать свое сердце съ тою не стѣсняющеюся откровенностію, замѣтить которую я уже имѣлъ случай при моей первой аудіенціи. Темою рѣчи были укоризны туркамъ,— «ces chiens de Turcs», по неоднократному выраженію его величества. «Ихъ государство въ Европѣ не можетъ быть долѣе терпимо, и онъ разсчитываетъ на то, что императоръ австрійскій, котораго онъ любитъ какъ сына, сообща съ нимъ положитъ конецъ гнусному порядку вещей на Босфорѣ и угнетенію бѣдныхъ христіанъ этими невѣрными басурманами».

Эта филиппика, нерѣдко переходившая въ рѣшительно-повелительный тонъ, невольно напомнила мнѣ о катоновскомъ caeterum censeo. Если бы узналъ объ этомъ графъ Нессельроде, то поправилъ бы, по своей привычкѣ, очки на носу и произнесъ бы: «Мой государь не дипломатъ!» Само собою разумѣется, что я, какъ въ Петербургѣ, такъ потомъ въ Лондонѣ, и не заикнулся о томъ, что слышалъ.

V.

Но приготовленъ я былъ теперь на все, и потому меня нисколько не удивило, когда вскорѣ послѣ этого я услыхалъ, что государь внезапно повелѣлъ привести на военное положеніе 4-й и 5-й армейскіе корпуса, расположенные близъ турецкой границы. Извѣстіе это дошло до меня отъ одной, теперь уже давно умершей, придворной дамы, изъ приближенныхъ императрицы. Источникъ этотъ показался мнѣ не совсѣмъ надежнымъ, и такъ какъ молодыя дамы не слишкомъ компетентны въ военныхъ вопросахъ, онъ могъ основываться на какомъ нибудь недоразумѣніи. Поэтому я отправился къ моему пріятелю Сеймуру, спросить, слыхалъ ли и онъ что нибудь про это. Вслѣдствіе своихъ откровенныхъ бесѣдъ съ государемъ (о «больномъ человѣкѣ»), про которыя онъ мнѣ, конечно, ничего не могъ разсказывать,—британскій посланникъ лучше меня былъ въ состояніи оцѣнить все опасное значеніе этой мѣры. Оказалось, что онъ ничего не зналъ; но тѣмъ сильнѣе встревожился. «Это невозможно!—вскричалъ онъ,—но, если такъ, то вѣдь война неизбѣжна. Я сейчасъ соберу свѣдѣнія и потомъ сообщу вамъ, что узналъ».

Часа через два по возвращеніи моемъ домой, мнѣ доложили о пріѣздѣ сэра Гамильтона Сеймура. Въ величайшемъ волненіи бросился онъ на кресло и сказалъ: «Завтра отправляю курьера. Лордъ Кларендонъ теперь, благодаря Бога, занимаетъ мѣсто статсъ-секретаря по внѣшнимъ дѣламъ. Для меня у него нѣтъ отказа, и я буду просить, чтобы меня отозвали. Здѣсь мнѣ больше не вытерпѣть: у меня земля горитъ подъ ногами».

— Но помилуйте, старый пріятель мой, что же случилось? Вы же мнѣ часто говорили, что вамъ здѣсь очень нравится.

— «О! противъ общества я ничего не имѣю. Но я вѣдь здѣсь не для того, чтобы развлекаться; а служебныя обязанности мои я могу выполнять успѣшно лишь тогда, когда имѣю дѣло съ людьми, на которыхъ могу полагаться; а такихъ здѣсь нѣтъ. До сихъ поръ я сносилъ это, будучи убѣжденъ, что, по крайней мѣрѣ, маленькій Нессельроде есть джентльменъ. Сегодня онъ мнѣ доказалъ противное. Извѣстіе, которое вы мнѣ сообщили, было мнѣ подтверждено изъ надежнѣйшихъ источниковъ. Тогда я поспѣшилъ къ канцлеру, чтобы съ его помощію остановить, если возможно, эту злополучную мобилизацію у турецкой границы. А онъ, представьте себѣ, пожимаетъ плечами, смѣется и увѣряетъ меня, до наглости спокойно, что извѣстіе это должно быть выдумкой, потому что онъ ровно ничего о немъ не знаетъ. Это уже черезъ-чуръ. Съ этимъ министромъ я не могу имѣть дѣла!»

— Но, позвольте—возразилъ я, желая успокоить Сеймура,—кто же вамъ сказалъ, что Нессельроде говоритъ не чистую правду?

— «Развѣ вы считаете возможнымъ, чтобы первый министръ государства ничего не зналъ о такой мѣрѣ, отъ которой зависитъ миръ Европы? И еще такой человѣкъ, котораго я до сихъ поръ считалъ главнымъ поборникомъ, главною надеждою мира!»

— Вы дольше меня живете въ этой странѣ и потому должны бы были лучше меня знать, что императоръ Николай—самодержецъ въ полномъ смыслѣ слова, что онъ часто принимаетъ рѣшенія, не говоря о нихъ ни слова своимъ министрамъ. Кто вамъ поручится, что и теперь не случилось того же? Поэтому, прежде чѣмъ просить увольненія, обождите спокойно и не торопитесь осуждать графа Нессельроде.

Черезъ нѣсколько дней Сеймуръ опять зашелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы были правы. Ни Нессельроде, ни военный министръ кн. Долгорукій, ни даже самъ Орловъ ничего ровно не знали объ этой несчастной мобилизаціи. Императоръ получилъ депеши изъ Константинополя, прочелъ ихъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, позвонилъ, приказалъ позвать дежурнаго адъютанта, вручилъ ему запечатанный пакетъ и сказалъ только: «въ Чугуевъ, и живѣе!» Вотъ и все. Теперь я остаюсь и попытаюсь съ помощію маленькаго исправить ошибку высокаго. Но это будетъ трудно: такъ какъ я слышу, что Меньшиковъ долженъ отправиться въ Константинополь, съ секретнымъ порученіемъ.

Черезъ день или два послѣ того, что дежурный адъютантъ, по порученію государя, поскакалъ въ Чугуевъ, везя съ собою несчастныя депеши, императоръ пришелъ на вечернее собраніе въ гостинную императрицы; онъ былъ, повидимому, въ наилучшемъ расположеніи и, подойдя къ прусскому военному агенту графу Мюнстеру, къ которому весьма благоволилъ, спросилъ у него: «Ну, что новаго?»

— Я ничего не знаю. Можетъ быть, ваше величество мнѣ что нибудь сообщите.

— «Ну, такъ да будетъ вамъ извѣстно, что я приказалъ привести 4-й и 5-й корпуса на военное положеніе».

— Этого вы, ваше величество, могли бы и не дѣлать!

Государь не мало не оскорбился такимъ смѣлымъ замѣчаніемъ, а только воскликнулъ:

— «Ну вотъ! То же мнѣ и Орловъ сейчасъ говорилъ».

Однако, князь Орловъ поплатился за эту мобилизацію довольно тяжелыми минутами. Сановникъ этотъ, по смерти Волконскаго, былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ у его величества. Онъ оказалъ своему государю, при самомъ его вступленіи на престолъ, одну изъ такихъ услугъ, которыя не легко забываются. Неблагодарность, въ которой такъ часто упрекаютъ властителей, не имѣла мѣста въ благородномъ характерѣ императора Николая, и кто, подобно Орлову, оказалъ бы ему существенную услугу, тотъ могъ всегда разсчитывать на его милость. Быстро поднимаясь по ступенямъ служебной іерархіи, Орловъ, въ 1853 г., былъ начальникомъ 3-го отдѣленія и шефомъ жандармовъ, въ вѣдѣніи коего была вся высшая тайная полиція. Власть его была сильнѣе власти любаго перваго министра: передъ нимъ все трепетало.

А между тѣмъ и съ этимъ могущественнымъ человѣкомъ императоръ обращался, иногда, какъ съ школьникомъ. Въ данномъ случаѣ, дѣло, вѣроятно, сложилось такъ, что Нессельроде заговорилъ съ его величествомъ о вышепомянутомъ запросѣ Сеймура относительно мобилизаціи двухъ армейскихъ корпусовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изобразилъ тягостное впечатлѣніе, которое эта неожиданная мѣра произведетъ на Европу. Разгнѣванный государь велѣлъ позвать Орлова и принялъ его весьма дурно.

— «На что у меня полиція?» вскричалъ онъ.

— Это вашему величеству должно быть лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно.

— «Совершенно справедливо; только я не знаю куда она годится. Если вы мнѣ черезъ 24 часа не назовете измѣнника, разгласившаго тайну мобилизаціи 4-го и 5-го корпусовъ—то вы уволены!»

— О! спокойно отвѣчалъ Орловъ, — у меня полиція такая отличная, что я не нуждаюсь въ 24-хъ часахъ, чтобы назвать измѣнника.

— «Такъ онъ вамъ извѣстенъ? Вы знаете?»

— Я знаю, что знаю, ваше величество, но высказать это могу лишь по высочайшему повелѣнію.

— «Даю вамъ это повелѣніе!».

— Измѣнникъ, котораго ваше величество изволите разыскивать, называется Николай Павловичъ, императоръ всероссійскій, который, говоря въ гостинной императрицы о государственныхъ дѣлахъ — и именно о военныхъ мѣрахъ — всегда благоволитъ забывать, что у каждой изъ присутствующихъ тамъ придворныхъ дамъ есть не только два уха, но братья и родственники, служащіе въ арміи, которымъ она все пересказываетъ. И вотъ какимъ образомъ всяко произнесенное государемъ слово раздается по городу, словно бѣглый огонь.

Послѣ такого полицейскаго отчета, Орлова не уволили отъ должности. Тѣмъ не менѣе, государь продолжалъ говорить о томъ, что его занимало, не только на вечернихъ собраніяхъ у императрицы, но и повсюду.

При всемъ томъ, дипломатія стала прилагать стараніе, какъ бы дать мирный исходъ всему дѣлу. Искуснѣйшимъ работникомъ по этой части былъ графъ Нессельроде. Никто болѣе его не былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что завоеваніе Турціи, если бы оно и удалось, было бы безуміемъ, которое могло бы поставить на карту самое существованіе русскаго государства.

Впрочемъ, эта мобилизація, импровизированная прихотью государя, объясняется частію тѣмъ, что согласіе Порты, исполнить австрійскія требованія, доказывало, въ глазахъ императора, слабость ея.

VI.

Въ морскихъ романахъ и въ описаніяхъ путешествій главную роль играетъ маленькое черное облачко, въ которомъ опытные капитаны кораблей видятъ предвѣстіе бури, между тѣмъ какъ пассажиры, не предчувствуя ничего дурнаго, услаждаются видомъ яснаго неба и спокойнаго моря. Подобно сему, и то маленькое черное облачко, которое появилось надъ Іерусалимскими стѣнами, нисколько не помѣшало увеселеніямъ, которымъ предавалось знатное петербургское общество, въ зиму 1852—1853 г.

Весьма ощутительно было для меня здѣсь отсутствіе того простаго, естественнаго тона, который придаетъ общественной жизни въ Вѣнѣ характеръ семейственности. Я скоро замѣтилъ разницу между австрійскою и русскою аристократіею. Хотя положеніе послѣдней уже не было столь незавиднымъ, какъ въ царствованіе Павла I, который однажды поразилъ одного иностраннаго дипломата слѣдующею фразою: „En Russie il n'y a de noble que celui à qui je parle et tant que je lui parle» [1]), тѣмъ не менѣе, главная

[1]) Въ Россіи благороденъ лишь тотъ, съ кѣмъ я говорю, и пока я съ нимъ говорю.

суть состояла гораздо болѣе въ служебномъ положеніи, въ чинѣ—нежели въ знатности происхожденія. Были, конечно, древніе роды, хвалившіеся тѣмъ, что происходятъ отъ Рюрика, и потому звавшіеся рюриковичами. Между четырехъ глазъ, члены этихъ семействъ, можетъ быть, похваливались и тѣмъ, что ихъ фамиліи старше Романовыхъ.

Старо-русское направленіе, которое такъ усилилось послѣ крымской войны, въ то время было только еще въ зародышѣ. Однако, въ гостинныхъ начинали уже съ нѣкоторою афектаціею говорить по русски, сравнивать историка Карамзина съ Тацитомъ, а поэта Пушкина съ Гете. А между тѣмъ исторія Россіи, Карамзина, написана in usum Delphini. Пушкинъ, какъ стихотворецъ, конечно много содѣйствовалъ тому, чтобы мелодичному языку своего народа сообщить достоинство языка письменнаго. Но универсальнымъ геніемъ, подобнымъ Гёте, онъ не былъ; а для иноземцевъ имѣетъ мало значенія въ смыслѣ культурно-историческомъ,.

Это національничанье выразилось, между прочимъ, и въ ненависти къ нѣмцамъ. Правда высшія мѣста въ арміи и дипломатіи были заняты нѣмцами [1]). Многочисленные сыны остзейскаго дворянства глядѣли на русское государство въ родѣ того, какъ младшіе сыновья англійской аристократіи, въ былыя времена, глядѣли на Индію — т. е. какъ на неистощимую сокровищницу почестей и богатствъ. Но если государи русскіе избирали довѣреннѣйшихъ своихъ слугъ изъ этихъ потомковъ нѣмецкихъ рыцарей меченосцевъ, то имѣли на то основательныя причины. Силою здраваго сужденія, выдержки въ трудѣ а особенно вѣрностію и честностію, нѣмцы рѣшительно превосходили русскихъ.

Одинъ изъ этихъ курляндцевъ, котораго я знавалъ еще въ Дрезденѣ и который занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, увѣрялъ меня, что онъ самъ предостерегалъ императора отъ заносчивости русской партіи и прямо, будто, сказалъ ему: „Если вы, ваше величество, не обратите вниманія на это безобразіе, то мы еще въ ваше царствованіе дождемся Вареоломеевской ночи, устроенной для всѣхъ нѣмецкихъ чиновниковъ“. По словамъ моего пріятеля, государь выслушалъ это заявленіе весьма серьёзно и обѣщалъ принять свои мѣры.

Что нѣмецъ Нессельроде отдавалъ предпочтеніе своимъ соотечественникамъ, въ томъ нельзя было упрекать его, потому что Мейендорфа въ Вѣнѣ, Бруннова въ Лондонѣ, равно какъ и Будберга въ Берлинѣ не легко было бы замѣнить русскими. Пришлось, вѣдь, даже корсиканцу Поццо-ди-Борго, въ теченіи многихъ лѣтъ, быть представителемъ Россіи въ Парижѣ, потому что

---

[1]) Одинъ русскій генералъ нѣмецкаго происхожденія доказалъ мнѣ, съ именнымъ спискомъ генераловъ и офицеровъ въ рукахъ, что съ каждою возвышающеюся степенью чина процентное отношеніе нѣмцевъ увеличивается.

болѣе способнаго не могли найти. Впрочемъ, въ высшемъ обществѣ, эта нѣмцофобія весьма мало обнаруживалась.

Между домами, открытыми для насъ, иностранцевъ, отличался домъ графа Строгонова. Престарѣлый восьмидесятилѣтній хозяинъ былъ слѣпъ, но сохранилъ свой свѣжій и живой умъ. Въ молодости своей онъ былъ представителемъ Россіи при многихъ дворахъ и не прерывалъ своихъ старыхъ связей.

Вторая супруга его, Юлія, рожденная графиня Ойнхаузенъ (Oynhausen) была дочерью или внучкою ганнноверца, проживавшаго въ Португаліи, гдѣ она и родилась. Графиня Юлія была лѣтъ на двадцать моложе своего слѣпаго мужа, но отличалась рѣдкою живостію чувствъ и общительностію. Прекрасный домъ ихъ, украшенный всевозможными сокровищами искуствъ, былъ съ утра до вечера полонъ посѣтителями. По старинному русскому обычаю, у нихъ каждый день былъ открытый столъ, у котораго и для званныхъ, и для незванныхъ всегда находилось мѣсто. Старшій сынъ отъ перваго брака (уже шестидесятилѣтній старикъ), генералъ гр. Строгоновъ, былъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ и слылъ за энергическаго служаку. Младшій, Григорій, полковникъ и флигель-адъютантъ, послѣ кончины герцога Лейхтенбергскаго сочетался морганатическимъ бракомъ съ великою княгинею Маріею Николаевною. Нельзя было сказать, чтобы графиня Юлія отличалась выдающимся умомъ, но она была сердечно добра и съ трогательною внимательностію ухаживала за своимъ слѣпымъ супругомъ. Нѣсколько молодыхъ племянницъ, изъ которыхъ назову лишь прелестную графиню Орлову-Денисову—(впослѣдствіи вступившую во второй бракъ, съ графомъ Шуваловымъ) — оживляли этотъ европейскій салонъ.

Изъ министровъ, бывшій посолъ въ Парижѣ, а теперь управлявшій государственными имуществами, графъ Киселевъ, былъ тоже весьма любезенъ съ иностранцами.

Оберъ-прокуроръ синода, генералъ-адъютантъ Протасовъ, котораго въ шутку называли русскимъ папою, тоже охотно принималъ у себя, особенно лѣтомъ на своей дачѣ.

Кромѣ того, открыто жили: графъ Кушелевъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ и многіе другіе.

Особенными свойствами отличался салонъ дочерей историка Карамзина, изъ которыхъ старшая была замужемъ за княземъ Мещерскимъ. Сама она хворала; но ея младшія, не замужнія сестры, равно какъ и ихъ зять, очень любили, когда послѣ баловъ еще заѣзжали къ нимъ. Если являлись къ нимъ около четырехъ часовъ утра, то это никого не удивляло. Часто приходилось намъ уже засвѣтло уходить изъ этого гостепріимнаго дома.

Во дворцѣ Бѣлосельскихъ — одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ во всемъ городѣ (нынѣ велик. князя Сергія Александровича) жила въ то время княгиня Елена Кочубей, рожденная Бенкендорфъ, недавно потерявшая своего мужа.

Она хотя и допускала гостей въ свой траурный будуаръ, но сама въ эту зиму не показывалась въ пріемныхъ залахъ. Тамъ играла роль хозяйки только что вышедшая замужъ дочь ея отъ перваго брака, княгиня Елисавета Трубецкая, она же распоряжалась и празднествами. Одно изъ нихъ, на которомъ я присутствовалъ, состояло изъ живыхъ картинъ, аранжированныхъ съ большимъ вкусомъ; другое было оригинальнѣе: то было обычное пасхальное розговѣнье, послѣ продолжительнаго русскаго поста. Во многихъ изъ знатныхъ русскихъ домовъ содержались, какъ при дворѣ, особые хоры пѣвчихъ, которые пѣли за богослуженіемъ въ домашнихъ церквахъ. Всѣ эти пѣвчіе носили кафтаны цвѣтовъ фамильнаго герба, и, по большей части были хорошо обучены. Русскіе по природѣ музыкальны, такъ что эти хоры могли смѣло состязаться въ пѣніи съ знаменитою сикстинскою капеллою. Разница лишь въ томъ, что, вмѣсто тамошнихъ кастратовъ, здѣсь поютъ мальчики.

Вышепомянутое празднество во дворцѣ Бѣлосельскихъ началось, какъ обыкновенно, въ 10 часовъ вечера (12 ?). Церковь была въ нижнемъ этажѣ, а верхняя ея часть съ хорами—на одной высотѣ съ пріемными залами. Тутъ происходило постоянное движеніе въ церковь и обратно, продолжавшееся во все время службы. Молящіеся и любители музыки заходили на хоры, на четверть часа, а затѣмъ снова возвращались въ гостинную. Пріѣхавшія изъ Зимняго дворца придворныя дамы, въ ихъ роскошныхъ русскихъ нарядахъ, еще болѣе оживили это непрерывное коловращеніе между молитвою и свѣтскими разговорами. Когда въ церкви запѣли „Христосъ воскресъ!"—всѣ мужчины и женщины стали обниматься, а затѣмъ поспѣшили вознаградить себя, за многонедѣльное воздержаніе, благословенными явствами, которыми былъ богато уставленъ столъ. Зрѣлище, для чужестранца, очень своеобразное! Русскіе полагаютъ доказательство своего православнаго благочестія въ томъ, что, въ день пасхи, разъ тысячу повторятъ „Христосъ воскресъ!" и утверждаютъ это обязательнымъ отвѣтомъ „Во истину воскресъ!"—Даже самъ государь цалуется съ гренадерами, занимающими караулы у дворца.

VII.

Но каково было положеніе дѣлъ подъ ногами этого новѣйшаго Агамемнона, этого короля королей, который, достигнувъ вершины могущества и величія, любилъ смотрѣть на себя какъ на опору государственнаго порядка Европы, какъ на защитника прочихъ властителей, угрожаемыхъ революціею? Онъ гордился тѣмъ, что, во всякое время дня и ночи, могъ прогуливаться по улицамъ своей столицы безъ всякой охраны. Я встрѣчалъ его почти ежедневно на пути къ его дочери, великой княгини Маріи: издалека уже можно было узнать его высокую фигуру, въ старой поношенной военной шинели — той самой, которую онъ, однажды, долженъ былъ оставить извощику въ видѣ залога. Много ходило разсказовъ въ доказательство близости къ народу и общительности этого самодержца. Его могущество имѣло опору въ массахъ; онъ былъ верховнымъ главою своего народа, общинный бытъ котораго имѣлъ почти коммунистическій и чисто-демократическій характеръ,—народа, который въ царѣ видѣлъ своего отца, свое земное божество. Всѣ эти разсказы звучали весьма красиво, но относились къ дѣйствительности приблизительно такъ же, какъ искусственно-тропическая атмосфера оранжерей, которыми знатныя русскія дамы украшали свои дворцы, относится къ климату Ниццы или Мадейры.

Простой случай обнаружилъ предо мною то, что скрывалось подъ блестящею поверхностію, что происходило внутри волкана, на которомъ такъ самоувѣренно веселились.

Весьма обыкновенное канцелярское дѣло—изъ тѣхъ, какія ежедневно встрѣчаются при посольствахъ—неожиданно навело меня на уразумѣніе истины. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ Дрезденѣ, я познакомился, въ домѣ знатной польской дамы, съ однимъ молодымъ русскимъ, котораго, — чтобы не называть его фамиліи—окрещу просто Иваномъ Ивановичемъ. Онъ обладалъ привлекательною наружностію и манерами самаго лучшаго общества. Онъ посѣщалъ германскіе университеты. Его весьма явныя симпатіи къ младогегеліанской школѣ Фейербаховской окраски особенно поразили меня, такъ какъ я изъ хорошихъ источниковъ зналъ, что онъ состоитъ въ числѣ фаворитовъ графа Нессельроде и считается однимъ изъ отличнѣйшихъ чиновниковъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ Петербургѣ я еще не имѣлъ времени съ нимъ повидаться, какъ получилъ порученіе напомнить ему объ уплатѣ одного счета.

По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что Иванъ Ивановичъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ не состоитъ въ министерствѣ, и никто не могъ или не хотѣлъ сооообщить мнѣ его адреса. Мнѣ не оставалсь ничего болѣе,

какъ прибѣгнуть къ офиціальнымъ письменнымъ сношеніямъ, чтобы закончить это малозначущее дѣло. На мою бумагу я получилъ письменный отвѣтъ, что Ив. Ив. сосланъ въ Сибирь и политически умеръ, такъ что совершенно невозможно потребовать отъ него признанія того долга, а отъ его наслѣдниковъ—уплаты. Въ продолженіе долгаго времени я тщетно старался разузнать что либо болѣе подробное о причинахъ этой ссылки. Наконецъ, уже Г., въ то время управлявшій политическою тайною полиціею, сообщилъ мнѣ, подъ строгою тайною, слѣдующее:

Иванъ Ивановичъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ отличнѣйшимъ чиновникамъ графа Нессельроде, и его выдающіяся способности открывали ему полную надежду на блистательную дипломатическую карьеру. Но, къ сожалѣнію, молодой человѣкъ этотъ допустилъ увлечь себя въ тайное общество, цѣлью котораго было разрушеніе всего существующаго. Полиція еще во-время напала на слѣды. При домовомъ обыскѣ нашлись многія, большею частью шифрованныя, письма, разобрать которыя, впрочемъ, было легко, такъ какъ ключъ находился при нихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Ив. Ив. и его сообщники были уже подъ стражей. «Могу вамъ сказать только,—заключилъ князь—что все дѣло ведено было съ истинно-дьявольскою геніальностію. Развѣтвленія общества шли по всѣмъ нашимъ провинціямъ. Въ одинъ и тотъ же день, здѣсь, въ Петербургѣ, должны были быть убиты: нѣкоторыя высокопоставленныя лица, а въ провинціяхъ всѣ губернаторы и полицейскіе чиновники, и Россія должна была обратиться въ федеративную республику. Молодой человѣкъ этотъ, какъ я уже сказалъ, есть настоящій геній и явился главою опаснѣйшаго изъ заговоровъ, какіе намъ случалось открывать со временъ вступленія нынѣшняго императора на престолъ. Я, впрочемъ, имѣю всѣ причины предполагать, что Бакунинъ, котораго вы, три года тому назадъ, поймали въ Саксоніи, состоялъ въ тѣснѣйшей связи съ Иваномъ Ивановичемъ. Бакунинъ въ настоящее время здѣсь, такъ какъ австрійское правительство выдало намъ его. Я самъ допрашивалъ его. Жаль этого человѣка! Не думаю, чтобы въ русской арміи нашелся хотя одинъ артиллерійскій офицеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ познаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ Провидѣніе явно охраняло насъ, и оба преступника, какъ Ив. Ив., такъ и Бакунинъ, поплатятся за свои происки каторгою».

Князь Г. былъ истый джентльменъ и патріотъ, искренне преданный своему царю и отечеству. Извѣстно было, что онъ исполнялъ свои тяжкія обязанности съ кротостію и справедливостію.

Итакъ, императоръ Николай сказалъ мнѣ неприкрашенную правду: Le sol était miné sous ses pieds. Но и въ томъ онъ также обманывался, что въ продолженіе его царствованія партія переворота будетъ оставаться спокойною. Далеко развѣтвившіеся заговоры, подобные тому, въ которомъ участвовалъ Иванъ Ивановичъ, повторяются не каждый день. Раскрытіемъ ихъ обез-

печивается спокойствіе на нѣкоторое время. Сколь коротко было это время— намъ извѣстно. А до какой силы могутъ разрастись эти тайныя общества (нигилисты по нынѣшнему названію), доказываетъ злодѣйское умерщвленіе Александра II.

Если представить себѣ, какого рода впечатлѣніе должно было быть произведено этимъ открытіемъ на императора Николая, то не удивляешься, что онъ подпалъ искушенію отвратить внутреннюю опасность посредствомъ внѣшней диверсіи. Точно такимъ же образомъ, въ 1870 году, Наполеонъ III, надѣясь избѣгнуть грозившей внутренней революціи, бросился въ войну, за которую поплатился короною и свободою. Причины, побудившія миролюбиваго Александра II начать войну съ Турціею, истекали повидимому, также изъ опаснаго внутренняго положенія страны при этомъ монархѣ.

Такимъ-то образомъ, пребываніе мое въ Петербургѣ, — хотя оно продолжалось менѣе года,—дало мнѣ достаточно матеріала для того, чтобы въ извѣстной степени ознакомиться съ внутреннимъ и внѣшнимъ положеніемъ Россіи. Не безъ радостнаго чувства привѣтствовалъ я вскрытіе Невы. Рѣшено было, что съ первымъ отходящимъ кораблемъ я оставляю русскую столицу.

Когда приблизилось время отъѣзда, я испросилъ себѣ прощальныя аудіенціи и покончилъ текущія дѣла; императоръ принялъ меня съ обычною вѣжливостію, но я нашелъ его весьма измѣнившимся, омраченнымъ, скупымъ на слова и разсѣяннымъ. Болѣе сообщительнымъ оказался наслѣдникъ-цесаревичъ, будущій императоръ Александръ II—человѣкъ любезный и добродушный.

Въ то время, кратчайшимъ путемъ въ Германію былъ путь морской. Въ продолженіе тѣхъ мѣсяцевъ, когда Нева не покрыта льдомъ, отходилъ еженедѣльно пароходъ въ Штетинъ. Наканунѣ моего отъѣзда, графъ Нессельроде послалъ просить меня еще разъ побывать у него. Онъ встрѣтилъ меня весьма привѣтливо и былъ, повидимому, въ наилучшемъ расположеніи духа. „Извините меня, что я васъ сюда пригласилъ,—сказалъ онъ; но я хотѣлъ лично вручить вамъ это письмо, такъ какъ для меня чрезвычайно важно, что бы оно не попало туда, куда не слѣдуетъ. Въ награду за передачу, сообщу вамъ и его содержаніе. Нынче ночью получена мною изъ Константинополя депеша, принесшая столь давно и столь жадно ожидавшееся мною извѣстіе, что несчастный вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, наконецъ, покончен. Такъ какъ вслѣдствіе этого миръ обезпеченъ, то я, въ письмѣ къ моему старому пріятелю Шредеру (русскій посланникъ въ Дрезденѣ), назначаю ему въ будущемъ іюнѣ свиданіе въ Киссингенѣ“.

Я поблагодарилъ канцлера. Лучшаго заключенія моей миссіи мнѣ нельзя было ожидать.

По прибытіи въ Свинемюнде, я немедленно поспѣшилъ въ телеграфное бюро, чтобы переслать эту мирную вѣсть въ Дрезденъ.